

ISSN 1996-0522

**СОЦІУМ
И
ВЛАСТЬ**

№ 3 2020

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 10.07.2020 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 8,1. Тираж 500 экз.

Заказ № 169/209.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

СОЦИУМ

**Орехов Андрей Михайлович,
Ефименков Александр Олегович,**
Морфогенетическая
социальная теория: больше вопросов,
чем ответов 7

Нехамкин Валерий Аркадьевич
Неклассические модели
общественной динамики
в социальном познании XX —
начала XXI вв.: итоги
и перспективы развития 18

Олейник Варвара Андреевна
Темпоральное обоснование
онтологической дифференции
М. Хайдеггера: одновременность 30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
 С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
 Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
 В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
 В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. В. Понеделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
 О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
 А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
 С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
 Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
 И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
 С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕАнтонюк Валентина Сергеевна,
Кремер Дарья Викторовна

Экономический потенциал
крупных муниципальных образований:
теоретические и методологические
подходы к анализу 40

КУЛЬТУРА

Погорельская Елена Юрьевна,
Чернов Леонид Сергеевич

Между двух огней: техника и вирус 56

Пеннер Регина Владимировна

«Технологии себя» в условиях
самоизоляции..... 65

Конфедерат Ольга Владимировна,
Дядык Наталья Геннадьевна

Гедонистическая онтология фильма:
порождающие модели..... 74

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 92.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Борисов Сергей Валентинович

«Детские вопросы»

и «взрослые ответы»:

экзистенциальный психоанализ

(размышление по поводу книги:

Эпштейн М. Н. Детские вопросы:

диалоги. М. : ArsisBooks, 2020. 176 с.).....85

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 10.07.2020.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 8,1. Issues — 500.
 Order № 169/209.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Andrey M. Orekhov,
Alexander O. Efimenkov
 Morphogenetic social theory:
 more questions than answers7

Valery A. Nekhamkin
 Non-classical models
 of social dynamics in social cognition
 of the 20th — early 21st centuries:
 results and development prospects..... 18

Varvara A. Oleinik
 Temporal justification
 of M. Heidegger’s ontological
 differentiation: simultaneity.....30

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

**Valentina S. Antonyuk,
Darya V. Kremer**

The economic potential
of large municipal entities:
theoretical and methodological
approaches to analysis40

CULTURE

**Elena Yu. Pogorelskaya,
Leonid S. Chernov**

Between two dangers:
technology and virus.....56

Regina V. Penner

“Care of self” in conditions
of self-isolation65

Olga V. Konfederat,

Natalia G. Dyadyk

Hedonistic ontology of the film:
generative models.....74

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 92.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

CRITICISM AND REVIEWS

Sergey V. Borisov

“Children’s questions”
and “adult answers”:
existential psychoanalysis
(reflection on the book:
Epstein M.N. Children’s questions:
dialogues. Moscow, ArsisBooks
Publishing House, 2020. 176 p.).....85

Для цитирования: Орехов А. М.,
Ефименков А. О.
Морфогенетическая социальная теория:
больше вопросов, чем ответов //
Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 7—17.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17

УДК 140.8

МОРФОГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ, ЧЕМ ОТВЕТОВ

Орехов Андрей Михайлович,

Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация, 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Ефименков Александр Олегович,

Российский университет дружбы народов,
аспирант кафедры социальной философии.
Российская Федерация, 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.б.
E-mail: efimenkov.1995@mail.ru

Аннотация

Введение и цель. Статья рассматривает место и значение морфогенетической теории в рамках современного социально-теоретического дискурса. В качестве примера рассматриваются морфогенетическая теория М. Арчер и реляционная концепция П. Донати.

Методы. Статья использует аналитические методы (анализ, синтез и т. п.), задействованные в современной философии социальных наук

Научная новизна исследования. Ключевой идеей статьи является рассмотрение «морфогенетической социальной теории» в аспекте «аналитической схоластики» как девиантного пути развития современной социальной теории.

Результаты. Морфогенетическая теория является скорее социологической теорией, чем междисциплинарной социальной теорией; сложный язык «морфогенистов» может оказаться недоступен для понимания другими социальными учеными; морфогенетическая теория демонстрирует неопределенные перспективы в отношении междисциплинарного и трансдисциплинарного дискурса в рамках современного этапа развития социально-гуманитарного знания.

Выводы. Статус морфогенетической теории среди других направлений социальной теории является в значительной степени «периферийным».

Ключевые понятия:

морфогенетическая теория,
морфогенез,
реляционная теория,
социальная теория,
социальный реализм,
аналитическая схоластика,
М. Арчер,
П. Донати.

Введение

О «морфогенетической социальной теории» и ее основных представителях в России известно чрезвычайно мало. До того у нас был опубликован лишь небольшой фрагмент работы М. Арчер¹ [1], а совсем недавно в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета вышла монография итальянского исследователя П. Донати² «Реляционная³ теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма» [3]. Помимо М. Арчер и П. Донати к числу активных сторонников «морфогенетического направления» в социальной теории относятся также Ф. Депельто, под чьей редакцией вышел «Пальгравский путеводитель по реляционной социологии» [11], Э. Эмирбайер, У. Бакли и др.

Морфогенетическая теория: основные положения и принципы

Играть на поле теоретиков «морфогенетической теории» — не такое простое дело, как это может показаться. Язык «морфогенетиков» (позволим их себе так называть) — чрезвычайно сложный и временами даже *сверхсложный* и даже *суперсложный*. Свое внимание здесь мы сосредоточим на морфогенетической теории М. Арчер, а «реляционистское течение» (где присутствуют морфогенетические теории П. Донати и Э. Эмирбайера) будем разбирать на примере концепции П. Донати.

Начинает М. Арчер с критики с других социальных теоретиков, обвиняя их так называемой *конфляцией*⁴: «Все больше теоретиков будут, несомненно, обнаруживать склонность к «срединному сращению» (*конфляции*) уровней структуры и деятельности. Такая позиция обещает онтологическую безопасность, однако эта самоудовлетворенность носит фарисейский характер. Они радуются, что их нельзя обвинить ни в атомизме, ни в несправедном предпочтении индивида или общества, ни в заигрывании с социальными фактами» [1, с. 160].

¹ Маргарет Арчер (1938 г. р.) — британский социолог, профессор, президент Международной социологической ассоциации (1986—1990), президент Папской академии общественных наук (с 2014 г.).

² Донати Пьерпаоло (1946 г. р.) — профессор социологии Болонского университета (Болонья, Италия).

³ *Relation* (англ.) — отношение; «реляционистский» («реляционный») — связанный с отношениями, опирающийся на отношения.

⁴ Основное значение английского слова *conflation* — «объединение двух вариантов текста в один».

На той же проблеме «конфляции», также критикуя других исследователей, фокусирует изначально свое внимание и П. Донати: «В рамках развитой реляционной парадигмы важно избегать любого сращения (*conflation*) между деятельностью и социальной структурой (*восходящее, нисходящее и срединное сращения*) <...> Социальная онтология реляционной теории общества (называемая «реляционный реализм») отличается от онтологий других версий реляционной социологии, поскольку отказывается от радикальных номиналистических, прагматических или конструктивистских взглядов. Таким образом, она не соглашается с распространёнными взглядами таких ученых, как Бурдьё и Эмирбайер. Теория Бурдьё вводит в заблуждение, как минимум, по трем причинам: она рассматривает отношения как продукт структур; представляет собой сращение между структуриализмом и индивидуализмом; не проникает в суть социального отношения как такового, являясь, проще говоря, формой реляционизма. С другой стороны, теория Эмирбайера основывается на релятивистском прагматизме как явлении постмодернизма, противопоставляя себя критическому реализму» [3, с. 15].

Далее М. Арчер в своей работе указывает на один из основных концептов морфогенетической теории — «эмерджентность», что следует понимать как «накопление новых качеств», «переход (скачок) от одного качества к другому (новому качеству)»; с ее точки зрения, «морфогенетическая теория» — это единственная теория, которая способна объяснить «эмерджентность» в социальных изменениях: «Социальные теоретики робуют перед *эмерджентностью*. <...> Трудно обнаружить полнокровную эмерджентистскую теорию: ведь никому еще не удавалось пройти между Сциллой индивидуализма и Харибдой холизма» [1, с. 159—160].

На понятие «эмерджентности» и на феномен «эмерджентности» как на накопление (возникновение) *новых качеств* социальных отношений (или, скажем так, на накопление и аккумуляцию *новых отношений*) строит свою аргументацию и П. Донати: «Я утверждаю, что социальное изменение — это форма «избыточности» общества по отношению к самому себе, созданная новой реляционностью в структуре социальных отношений. Эта избыточность не столько порождается структурными эффектами, сколько производится реляционными эффектами, то есть благодаря добавленной ценности социальных отношений. Так, социальные отношения не создают лидера са-

мого по себе, они создают лидера путем добавления социальной ценности качествам и способностям конкретных людей. Именно эта социальная ценность преобразует общество и делает его морфогенетическим — в том смысле, что оно производит «эмердженты» <...> Когда мы говорим, что два агента/актера состоят в «отношениях», мы можем подразумевать процесс *взаимодействия*, или продукт этого процесса, то есть эмерджентный эффект — социальные отношения как новую реальность, существующие между агентами/актерами, которую мы определяем социальной структурой, поскольку она обеспечивает стабильную связь между теми, кто состоит в отношениях (социальная система основана на таких структурах). Таким образом, с онтологической точки зрения социальные отношения можно рассматривать как элемент, необходимый для процесса эмерджентности, или как сам «эмерджент (структурное целое)» [3, с. 19—20].

Далее следует то, что М. Арчер называет первой аксиомой «морфогенетической теории»: *структура предшествует действию (или действиям), которое (которые) ее трансформируют* [1, с. 163]. Таким образом, особенность точки зрения «морфогенистов» заключается в том, что, отказываясь от *конфляции* в интерпретации взаимоотношения между *структурой и деятельностью*, они утверждают *первичность* «структуры» и *вторичность* «действий» относительно «структуры» (эта позиция у них также обозначается как «аналитический дуализм»).

Первичной является не только структура, а также первичны «формы» этой «структуры». Именно о *формах* как источнике всякого социального *генезиса* и ведет свою речь «морфогенетическая теория» (и потому, кстати, она так и называется)¹.

Определение, что такое «форма» (в духе «реляционизма»), можно найти у П. Донати:

«[Форма]— это реляционная структура, организующая элементы, которые возникают из единичных действий, и объединяющая их таким образом, чтобы придать им определенное расположение (реляционный эффект), которое обладает способностью причинения по отношению к участникам. Важно подчеркнуть, что в социальных отношениях переплетены различные измерения морфогенеза (касающиеся структуры, культуры, агентов). Это происходит за счет изме-

нения внутренних компонентов отношения и формирования новых отношений (связей, взаимодействий) между этими компонентами» [3, с. 29—30].

В описании того, как «формы» (или «структура») предшествуют «деятельности» и продуцируют ее, «морфогенисты» опираются на концепцию ТМСД — *трансформационной модели социального действия*, восходящую к социальным теориям Т. Парсонса и Э. Гидденса. Правда, у П. Донати эта модель трансформируется в модель ТМНС (Т + М + N + С), где Т — *target (цель)*; М — *means (средства достижения цели)*; N — *norms (нормы)*; С — *culture (ламентная культурная ценность)* [3, с. 28].

При этом М. Арчер категорически отрецивается от идей того же Э. Гидденса и утверждает, что в противовес *конфляционизму*, индивиды (агенты, акторы) и структуры в ее концепции *разведены в разные стороны, несинхронны* а не рассматриваются как «взаимно конституированные, *синхронные* <...> Раздельное рассмотрение “структуры” и “практики” решительно разводит ТМСД и теорию структуризации» [Э. Гидденс и др.]. В последней эти два уровня могут быть выделены *только* посредством операции искусственного заключения в скобки, которая, как мы уже видели, снова возвращает структуриацию к одновременности, ибо *эпохэ* заключает нас в рамки одной и той же *эпохи* и не позволяет объяснить взаимодействие между структурой и деятельностью во времени» [1, с. 178—180].

Для доходчивости свою концепцию М. Арчер иллюстрирует, если так можно выразиться, «портняжным» примером: «Представим себе общество как платье, которое передавалось по наследству внутри большой человеческой семьи и сохранило на себе следы пережитого. Всё в заплатках, он местами то застрчивалось, то распарывалось для различных надобностей, многократно перелицовывалось, так что сегодня в этом платье осталось немного материи, из которой оно было первоначально сшито. От старины осталось кое-что, вроде бабушкиных кружев на подвечном платье у внучки. Зачем нам этот образ платья? Затем, что в нем есть швы, а значит, и возможность изучать отдельные части, спрашивать себя, когда и какие делались изменения, кем они делались и как к ним относились наследники. Именно так я намерена трактовать социальные структуры, отношения между ними и человеческой деятельностью» [1, с. 168].

От «аналитического дуализма», по мнению М. Арчер, отказ возможен лишь

¹ Терминология здесь следующая (согласно М. Арчер): выработка структуры — морфогенезис; воспроизводство структуры — морфостазис [1, с. 189]. М/М теория — «морфогенетическая / морфостатическая теория».

в одном-единственном случае: «Тезис о том, что влияние социальных структур может проявляться только посредством деятельности людей, утверждается в единственно приемлемой форме, а именно, что социальные структуры суть результаты, пережившие *прошлые действия людей*, которых зачастую давно уже нет в живых. Только так сохраняется их воздействие как автономных носителей причиняющих сил на деятельность последующих действующих. И именно то, как социальным структурам удается сохранять свое воздействие, пытается теоретически осмыслить М/М подход. Следование аналитическому дуализму структур и деятельности (разграничение предзаданных условий и актуальной деятельности) не просто оказывается желательным, но становится неотъемлемой частью программы ТМСД» [1, с. 177].

Полагая принцип «каузальности» слишком жестким для своего подхода, М. Арчер предлагает заменить этот термин на *обусловливание* [1, с. 184]. Таким образом, ТМСД-схема выглядит у нее следующим образом:

T1 (Структурное обусловливание) → T2, T3 (Социокультурное взаимодействие) → T4 (Выработка структуры: *Морфогенезис*. Воспроизводство структуры: *Морфостазис*) [1, с. 189].

Теперь чуть подробнее о реляционистской теории П. Донати. В его «реляционизме» главным авторитетом остается М. Арчер: «В понимании *реляционного* критического реализма социальная реальность представляет собой выражение определенного порядка реальности, который не является ни материальным, ни идеальным и специфика которого упускается из виду и античной наукой и наукой эпохи модерна, то есть речь идет о *порядке социальных отношений*. Это реальность *социальных фактов (или явлений)*, возникающих в результате нескончаемых циклов: от социальной деятельности индивидов, изначально обусловленной существующими на тот момент структурами, через *взаимодействие* между актерами к *развитию новых* структурных, культурных и агентивных форм. Данные циклы подробно разбираются в морфогенетической теории Маргарет Арчер. На мой взгляд, теория критического реализма, представленная в работах Арчер, совершенно справедливо может считаться наиболее самобытной и последовательной в современной социологии <...> Объяснительная схема в *аналитическом дуализме (между действием и структурой)* Арчер — еще один великолепный инструмент,

позволяющий обойти «несовершенство воцарившегося эмпиризма» и являющийся ключевым в обосновании морфогенетической логики» [3, с. 56—57, 62].

Исходя из того, что в переводе с английского слово «relation» имеет значения «отношение, связь, зависимость», то условно реляционный подход можно обозначить как *подход, основанный на анализе «отношений и зависимостей» в человеческих обществах*. По мнению П. Донати, его реляционная теория способна обнаружить «скрытую онтологическую реальность» [3, с. 58].

Реляционная теория П. Донати выводит на первый план понятия «реляционного блага» и утверждает, что общество развивается посредством «эмерджентного приращения (наращивания) реляционных благ»: «При реляционном подходе добавленная социальная ценность представляет собой не что иное, как *эмерджентный эффект агентивной, интерактивной и системной рефлексивности социальных связей*, когда (если и при условии, что) они рассматриваются и используются как возможности и ресурсы (а значит, источники умножения ценности), а не как рамки и ограничения, сдерживающие социальных акторов <...> Данные [реляционные] блага при условии установления между участниками взаимодействия таких отношений, которые были бы максимально симметричными (не иерархичными), свободными и ответственными (не сдерживаемые силой авторитета или нормами субординации) и при этом не были бы меркантильными и, так или иначе, нацеленными на достижение личной выгоды <...> Реляционные блага обладают следующими свойствами: они не являются «вещами», но состоят из социальных отношений; они производятся и потребляются участниками отношения *вместе*; создаваемое ими благо является *эмерджентным эффектом*, оказывающим благотворное влияние как на самих непосредственных участников, так и на представителей внешнего мира, которых коснулись его последствия, при этом присвоить благо невозможно. Реляционные блага являются подлинно демократическими, в отличие от бюрократических организаций (таких, как государственное управление), действующих по приказу, и создают блага на пользу всего сообщества (территориально обусловленного или нет). Реляционные блага не являются обособленными или закрытыми, в отличие от тех, которые связывают лоббистов и мафию»¹ [3, с. 88—107].

¹ П. Донати приводит здесь следующие примеры реляционных благ: доверие между людьми

Как уже утверждалось выше, П. Донати, на общетеоретическом уровне солидаризируясь с концепцией М. Арчер, полагает свою реляционную теорию «практическим» приложением для «морфогенетического» подхода в аспекте более *тонкого и уточненного анализа* роли и значения реляционных благ в обществе (а также отношений основанных на обращении таких благ).

Теперь, после того как мы предоставили слово самим «морфогенистам», попробуем взглянуть на их теорию, скажем так, *со стороны*.

Морфогенетическая теория и социальный реализм

Очень важным является вопрос: насколько можно считать морфогенетическую теорию разновидностью социального («критического») реализма? Вопрос ясен, но проблема в том, что в России о социальном (иначе «критическом») реализме известно немногим больше, чем о морфогенетической теории. Можно только отметить несколько публикаций (включая статью, принадлежащую одному из авторов этой работы) [2; 4; 6; 8].

Социальный («критический») реализм — методологическое направление, оппозиционное «логическому эмпиризму» и «интерпретативизму» и выступающее в философии социальных наук со следующих позиций:

- 1) реализм признает факт существования внешнего мира и выдвигает требование объяснить научные проблемы в его исследовании согласованием между собой теоретических положений и экспериментально-наблюдательной практики, но само это требование не является таким «жестким» и «однозначно строгим», как в логическом эмпиризме, и допускает существование в данном согласовании множества степеней свободы, в частности касательно каузальных механизмов объяснения функционирования внешнего мира;
- 2) реализм требует брать в расчет некоторые положения интерпретативизма, касающиеся понимания значения субъективной реальности (субъективной составляющей) в поведении человека;
- 3) Реализм настаивает на идее незавершенности, открытости, плюралистич-

и семьями; спокойный и дружелюбный климат в компании; атмосфера безопасности и спокойствия в отношениях с соседями; активная и творческая волонтерская деятельность; командный дух в спортивной команде и т. п. [3, с. 106].

ности современного социально-гуманитарного знания;

- 4) Реализм утверждает приоритет научного метода и научной методологии в отношении всех других методов исследования социально-гуманитарной реальности («здорового смысла», веры и т. п.) [6].

Классическим представителем реализма (и во многом одним из его основателей) считается недавно ушедший из жизни Рой Бхаскар (1930—2017). Отношение М. Арчер и П. Донати к нему неоднозначно: с одной стороны, они признают его одним из авторитетов для морфогенетической теории, а с другой, критикуют, выражаясь метафорически, *почти на каждой странице*.

Впрочем, так называемую «Хартию Р. Бхаскара» оба — и М. Арчер, и П. Донати — оценивают положительно. В ней шесть основных пунктов:

- 1) общество несводимо к индивидам;
- 2) социальные формы составляют необходимое условие для всякого интенционального акта;
- 3) *предсуществование* социальных форм генерирует их автономность;
- 4) реальность социальных форм основана на их причиняющей (каузальной) силе;
- 5) *предсуществование* социальных форм есть отправная точка для ТМСД;
- 6) причиняющая сила социальных форм опосредуется человеческой деятельностью [цит. по: 1, с. 162].

М. Арчер подчеркивает, что «реализм сам основывается на аналитическом дуализме» [1, с. 180], и «формально реализм как таковой предан объяснительной модели, которая признает и включает в себя *предшествующие структуры* как порождающие механизмы, их *взаимодействие* с другими объектами, обладающими властью причинения и соответствующими обязательствами в том, что называется стратифицированным социальным миром, и непредсказуемые, но, тем не менее, объяснимые *результаты* взаимодействий этих объектов, происходящих в открытой системе, называемой обществом. В содержательных структурах можно сколько угодно спорить о том, какие структуры, какие типы взаимодействия и какие результаты должны быть приоритетными, и как их следует анализировать, но при этом не расходиться во мнениях по поводу природы и формата объяснения как такового» [1, с. 192].

Схожую позицию занимает и П. Донати: он прямо указывает: «Мой вариант критического

реализма — реляционный» [3, с. 70], а плюсы реализма, с его точки зрения, выглядят следующим образом:

«Критический реализм интересуется живой опыт, его возвышение, его проявления. Он наделяет людей собственными свойствами и силами, — индивидуализм и холизм лишают людей этих качеств. При этом критический реализм не выливается в скептицизм, ставший столь популярным в социологии в наши дни, это простое и восприимчивое рациональное суждение, не имеющее отношения ни к идеологии, ни к воображению. Критический реализм рассказывает, каким образом из социальной субъективности рождаются социальные факты, как появляются и развиваются социальные субъекты и институты. Другими словами, показывает важность социальной организации, в которой мы живем, анализируя ее возможные альтернативы» [3, с. 84].

Итак, на первый вопрос мы ответили положительно: «морфогенетическую» теорию можно считать разновидность социального реализма, — по крайней мере, так утверждают сами «морфогенетики». Вероятно, другие реалисты (к примеру, тот же Р. Бхаскара или У. Мяки) могли бы с такой точкой зрения не согласиться, но это уже, выразимся так, вопрос *субъективный* и для дискуссий внутри самого реалистического подхода. А вот на другой вопрос мы попытаемся ответить сами: «морфогенетическая» теория — это междисциплинарная социальная теория¹ или только социологическая теория?

Все-таки: социальная теория или социологическая теория?

Ответ на этот вопрос приходится считать *незавершенным и открытым*, ибо, как полагают авторы этой статьи, принципиальной разницы между этими понятиями для «морфогенетиков» не существует. Они никак не разделяют между собой процесс теоретизирования в рамках социологии, и, скажем так, междисциплинарное социальное теоретизирование, подразумевающее выход за пределы собственно социологического дискурса.

¹ Один из авторов этой работы так определял «социальную теорию»: «Социальная теория — это междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками и конструирующее на этом фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей социальной реальности» [7, с. 148—149]. «Социологическая теория» в таком аспекте лишь частная монодисциплинарная теория, никак не равная «социальной теории».

Впрочем, М. Арчер в этом пункте заявляет следующий тезис: «М/М подход — произведение социолога-практика, который чувствует себя обязанным углубиться в уточнение своего инструментария, чтобы создать в высшей степени применимую *социальную теорию*... Мой главный интерес выходит за рамки создания приемлемой социальной онтологии, поскольку я стремлюсь представить *действующую социальную теорию*» [1, с. 192—194].

Первая претензия, которую можно предъявить М. Арчер и П. Донати (и всем другим «морфогенетикам») заключается в том, что их теоретические изыскания имеют сильный привкус «социологического империализма» или, того хуже, «социологического редукционизма»², т. е. они, как говорил в свое время И. Кант, идут *от реальности модели к модели реальности*, в данном случае — *от одной из социологических моделей реальности к модели всей социальной реальности*. Постоянно критикуя (и временами с большой самоуверенностью, если ни сказать — с большим апломбом) других исследователей (Э. Гидденса, Р. Бхаскара, П. Бурдьё и др.), они не замечают *уязвимых мест* собственных теоретических построений, — никаким образом не доказывая и не обосновывая тот факт, почему, во-первых, их теория является *наилучшей среди всех социологических теорий*, и почему, во-вторых, она, будучи исключительно социологической теорией, может претендовать на *объяснение структуры всего социального мира в целом*.

Дальше — проблема языка и проблема снижения креативного и эвристического потенциала «морфогенетической» теории до уровня «аналитической схоластики».

Проблема языка: неужели нельзя проще?

Мы уже указывали в начале этой статьи на чересчур усложненный и запутанный язык морфогенетической теории.

² «Социологический империализм» — это определенная методология и тип междисциплинарного синтеза, при котором социология навязывает свои методы, идеи и программы какой-либо другой науке, заставляет ее мыслить «социологически», использовать в исследовательской работе шаблоны, схемы и методики, разработанные непосредственно социологией. «Социологический редукционизм» — это полное и абсолютное сведение методов, идей и программ какой-либо социально-гуманитарной науки к методам, идеям и программам социологии, это полное и тотальное растворение предмета, теории и методологии данной науки в предмете, теории и методологии и социологии [7, с. 102—103].

«Морфогенисты» вводят большое число новых терминов («морфогенез», «морфостазис», «М/М-теория», «реификация», «конфляция», «аналитический дуализм», «срединное сращение», «предсуществование» и др.) — но возникает вопрос: что дают в чистом остатке эти сложные концепты для постижения сущности социального мира, его социальной онтологии? Чем они лучше уже имеющихся концептов?

Не усложняют ли они излишним образом объяснение там, где в этом нет необходимости, т. е. не нарушается ли здесь «Бритва Оккама»?

Например, один из центральных концептов реляционного подхода П. Донати — «общение». Этот социально-психологический и социальный философский феномен привычно было определить как *процесс и результат (главным образом, «непосредственного») взаимодействия людей между собой*, т. е. логическим и логичным образом подвести частное определение под общее. Но определение П. Донати выглядит иначе: «общение» — *это социальная реляционность!* [3, с. 108]

И что же? Вместо *прояснения* — усложнение и еще один новый, дополнительный концепт и к тому же сомнительный с точки зрения эффективности исследовательского результата... И таких, с позволения сказать, *определений* у морфогенистов в избытке.

Вот, к примеру, еще одно утверждение П. Донати: «Внутренний разговор (т. е. внутренняя субъектности самости) играет роль посредника между социокультурными структурами и свободой деятельности, в результате чего и возникает *двойственный структурный и агентивный морфогенез*» [3, с. 71].

Что здесь можно понять — «без перевода»?

Можно предъявить претензию к тому, и как «морфогенисты» *ведут свою полемику*. Очевидно, что для того что, что опровергнуть доводы оппонента, надо их тщательно и беспристрастно разобрать, а затем привести свои контраргументы, но та же М. Арчер постоянно *винчивается* (да простят нам «морфогенисты» это слово!) в такие полемические обороты, что становится непонятно, с чем мы имеем дело: с научной дискуссией или с препирательством, далеким от такой дискуссии.

Вот, к примеру, М. Арчер о Р. Бхаскаре: «Есть пассажи, где Р. Бхаскар заигрывает с *сиренами конфляционизма*, однако эмерджентистские основания ТМСД всегда оказывались сильнее» [1, с. 161].

«Аналитическая схоластика»?

В предыдущей статье одного из авторов этой работы, где сравнивались различные «когнитивные стили» социально-гуманитарных наук, утверждался следующий тезис: схоластический подход характерен, прежде всего, для представителей КГМ-стиля, — когда многие положения и суждения представителей этого стиля тонут в бесконечном потоке (*зачастую спекулятивных определений, концептов, категорий* и т. п. [5].

Для НПА-стиля, куда следуют отнести англо-американскую и в целом европейскую мысль, схоластическая методология вовсе не является типичной.

Но и из этого правила бывают исключения. В предыдущем разделе, критикуя «морфогенистов» за их чересчур усложненный и абстрактный язык, мы уже сделали *намёк* на излишне абстрактный и спекулятивный характер их теоретических построений. Но из первого пункта «обвинения» (позволим себе так это назвать, и просим у «морфогенистов» прощения за такой термин), увы, вытекает и второй пункт — это «обвинение» в том, что то, чем они занимаются, можно условно обозначить как «аналитическая схоластика».

Причем элементы «аналитической схоластики» можно найти не только у «морфогенистов», а также и у других современных западных теоретиков: это и (отчасти) П. Бурдье, и (особенно) Н. Луман, и (особенно) постмодернисты (Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) и т. п.

Но где же граница между (*аналитическим*) научным исследованием и *аналитической схоластикой*, и почему «морфогенисты» так легко перешагивают рубеж, отделяющий первое от второго?

Аналитическая схоластика — это рационально-доказательный дискурс, построенный на псевдонаучном «углублении» в концепты и проблемы со спекулятивным содержанием, решение которых не имеет серьезного эвристического значения для получения нового социально-гуманитарного знания.

Данное определение может быть весьма «зыбким» и «смутным», и нам могут возражать: как отличить, к примеру, «псевдонаучное» углубление в концепты и проблемы от «научного»? Или что значит — «серьезное эвристическое значение»?

Возьмем, к примеру, проблему взаимодействия «структуры» и «деятельности», вокруг которой выстраивается вся полемика, которую ведут М. Арчер и П. Донати.

Что первично — «структура» или «деятельность», почему так важно противостоять их *сращиванию* (конфляции)?

Так уж важна эта проблема — что первично: *структура или деятельность*? Не напоминает ли известный спор о «курице и яйце»: что произошло раньше — курица или яйцо? Структура *раньше* деятельности или наоборот? И что это так важно: либо принимать *сращивание* (конфляцию) «курицы и яйца», либо не принимать его?

Как можно вообще отвечать на такой вопрос в *неопределенном аспекте*, на исключительно *спекулятивном уровне*? При этом решать, что здесь есть истина, а что заблуждение?

Вот, к примеру, Д. Элдер-Васс, ознакомившись с позицией «морфогенистов» по данной проблеме, высказалась, как нам кажется, с *некоторым недоумением*:

«Мы должны признать, что порой действия индивидов обусловлены его принадлежностью к более крупным структурам; что действие является действием не только одного индивида, но, по крайней мере, частично, действием целой структуры. Этим я, тем не менее, не хочу сводить роль индивидов до роли простых *посредников*: наряду с той или иной структурой, действия индивидов определяются другими каузальными факторами. В то же время бывают случаи, когда индивиды используют каузальный потенциал целой организации, а не только свой собственный» [10, р. 467—469].

Недоумение Д. Элдер-Васс понять можно: что здесь можно утверждать вообще в *неопределенном аспекте*, на исключительно *спекулятивном уровне*?

Если, к примеру, обратиться за помощью к в современной экономической науке то там уже *сформировались* крупные научные направления под названием «логика общественного выбора» (Дж. Бьюкенен, нобелевский лауреат) и «логика коллективных действий» (М. Олсон, к примеру), — которые как раз и продемонстрировали, *как и когда индивиды, используя каузальный потенциал целой организации* (а не только свой собственный), *успешно добивались и добиваются реализации собственных целей*. Почему же «морфогенисты» не опираются на эти работы? Или, замкнувшись в собственной аналитической схоластике, они просто не ведают, что такие работы есть?

Вот (еще один пример) вопросы, которыми задается П. Донати в своей реляционной теории:

«Скажем, почему государство выбирает ту или иную форму демократии? Почему

падает или повышается степень религиозности? Почему уровень безработицы увеличивается даже в период экономического роста?» [3, с. 72].

Любопытно, что здесь же собирается объяснять П. Донати исключительно своей «социальной реляционностью» без привлечения данных экономики? политической науки? религиоведения?

Если (представим на минутку) такие «реляционные объяснения» возможны, то может тогда в них и люди вообще не нужны? Абсурд? Да нет, вовсе не абсурд, — приведем еще одно утверждение П. Донати: «Предлагаемая мною теория реляционной социологии подразумевает, что социальная структура состоит из *социальных отношений*, а не индивидов и механизмов» [3, с. 70].

Однако авторы статьи готовы умерить здесь свой критический пыл и перейти к последнему пункту анализа «морфогенетической теории», а вот с этим пунктом все гораздо серьезнее.

«Дисциплинарная самоуверенность» versus «междисциплинарности»

Предыдущее обвинение «морфогенистов» в «социологическом империализме» и «социологическом редукционизме» влечет за собой и следующий важный пункт: «*морфогенетическая теория*», замкнувшись в *спекулятивной и мелкой частнодисциплинарной социологической тематике, игнорирует все современные междисциплинарные и трансдисциплинарные дискурсы, имеющие место в социально-гуманитарном знании первой трети XXI в.*

Вот два заявления от них: первое — от П. Донати: он объявляет о том, что ставит себе целью «рассматривать социальную реальность как реальность, *конституированную собственной оригинальной реляционностью*» [3, с. 69], и второе — от М. Арчер: она утверждает, что «бесконечная сложность социального не представляет непреодолимых трудностей для теорий социального изменения [включая, естественно, «морфогенетическую теорию]» [1, с. 182],

Но, с нашей точки зрения, это не просто *легковесные заявления*, а даже — *сверхлегковесные*, поскольку оба авторитета «М/М-теории» просто не осознают, с какими *непреодолимыми трудностями* они в своих теоретических изысканиях могут столкнуться, совершая ничем не оправданный скачок *от одной из социологических моделей реальности к модели всей социальной реальности*.

Как вообще можно исследование всего социального мира, всей социальной онтологии строить на таком зыбком монодисциплинарном фундаменте?

«Междисциплинарность» (включая «кроссдисциплинарность», «трансдисциплинарность» и т. п.) — это не каприз современного этапа социально-гуманитарных исследований, это его *настойчивое требование*. А материал, на котором базируются построения «морфогенисты» относится большей частью к *социологии*, да и то большей частью к ее *конструктивистско-феноменологическо-реалистскому* направлению. А где же философия, антропология, экономика, политическая наука, юриспруденция? Где современная футурология, пропетология, кратология? Как их современные идеи и достижения используют «морфогенисты»?

Возьмем в качестве *оппозиционного примера* социальную теорию П. Бурдьё. Пьер Бурдьё — он *не только социолог*, он еще и философ, и культуролог, и экономист, и политолог, и футуролог, и пропетолог (одна теория «капиталов» стоит многого!) и прочая, прочая, прочая... Никакого сравнения с *узко-социологическо-схоластическими* изысканиями, что ведут «морфогенисты»!

Это не только наше мнение. Явные «плюсы» концепции П. Бурдьё в отношении подхода М. Арчер подчеркивают и другие исследователи, — та же Д. Элдер-Васс:

«Если Арчер делает акцент на рефлексивных моментах, то Бурдьё подчеркивает возможность действий без рефлексии, и продвижения к таким диспозициям, которые могут быть сформированы действиями без опоры на рефлексию Я полагаю, *теоретическая позиция Бурдьё более свободно декларирует его онтологию и он гораздо более свободен в формировании своей эмерджентности без потери структур и действующих сил*» [9, с. 325—326].

Заключение

Итак, как ни печально, но мы вынуждены признать, что морфогенетическая социальная теория находится на *периферии* современного социально-теоретического исследовательского поля, как бы ни желали отрицать этот факт сами «морфогенисты». Причин этому несколько: 1) «зацикленность на социологии», нежелание двигаться выше — на уровень социальной теории; 2) трудный (а временами просто схоластически-запутанный) язык, с множеством «новых» концептов; 3) вытекающий из предыдущего пункта явный уклон «морфогенистов»

в сторону «аналитической схоластики»; 4) нежелание (или неумение) воспользоваться всеми междисциплинарными и трансдисциплинарными достижениями, имеющими место в социально-гуманитарном знании.

Винить в этом факте «морфогенистам» следует, в первую очередь, самих себя. *Хорошая* социальная теория должна быть точна и лаконична, как знаменитая формула Эйнштейна $E = mc^2$ и доступна для понимания каждому социальному ученому, при условии напряжения им соответствующих рефлексивно-теоретических способностей.

Но при этом мы отметим позитивный момент: попытка исследовать «эмерджентность», желание разобраться с источником социальных изменений, всесторонний анализ роли и значения «отношений» в динамике общества, и, как итог, сама концепция «морфостаза/морфогенеза» — здесь заслуги М. Арчер и П. Донати (и других «морфогенистов») бесспорны и должны быть признаны всем научным сообществом.

Но это опять же не отменяет всех возможных вопросов к «морфогенистам» *по другим вышеперечисленным поводам*. Их, этих вопросов, у нас пока гораздо больше, чем ответов.

1. Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 156—194.

2. Аутвейт У. Реализм и социальная наука // Социологос. Логос. 1991. Вып. 1. С. 217—224.

3. Донати П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М. : ПСТГУ. 2019. 312 с.

4. Мьяки У. Что такое реализм? // Философия экономики : антология. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 419—428.

5. Орехов А. М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. № 3. С. 7—15.

6. Орехов А. М. «Социальный реализм»: к онтологическим основаниям // Личность. Культура. Общество. 2019. № 3—4. С. 169—175.

7. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. : Инфра-М, 2020. 172 с.

8. Шапиро И. Бергство от реальности в гуманитарных науках. М. : Территория будущего, 2011. 386 с.

9. Elder-Vass D. Reconciling Archer and Bourdieu in Emergentist Theory of Actions // Sociological Theory. 2007. Vol. 25. No. 4. P. 325—346.

10. Elder-Vass D. Searching for Realism, Structure, and Agency in Actor Network Theory // The British Journal of Sociology. 2008. Vol. 59. No. 3 P. 460—486.

11. The Palgrave Handbook of Relational Sociology / ed. by F. Dépelteau. London : Palgrave, 2018. 686 p.

References

1. Archer M. (2000) Realism i morphogenez // Teorija obschestva. Moscow, Kanon-press-TS, pp. 156—194 [in Rus].
2. Autweit U. (1991) *Sociologos. Logos*, vol. 1. Moscow, pp. 217—224. [in Rus].
3. Donati P. (2019) Reljatsionnaja teorija obschestva: Sotsial'naja zhizn' s točki zrenija kritičeskogo realism. Moscow, PSGTU. 312 p. [in Rus].
4. Mäki U. (2012) Chto takoe realism? // Filosofija ekonomiki. Moscow. Izdatel'stvo Instituta Gaidara, pp. 419—428. [in Rus].
5. Orekhov A.M. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 3, pp. 7—15. [in Rus].
6. Orekhov A.M. (2019) *Lichost'. Kultura. Obschestvo*, no. 3—4, pp. 169—175. [in Rus].
7. Orekhov A.M. (2014) Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologičeskogo diskursa. Moscow, Infra-M, 172 p. [in Rus].
8. Schapiro I. (2011) Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh. Moscow, Territorija Buduscshego, 386 p. [in Rus].
9. Elder-Vass D. (2007) *Sociological Theory*, vol. 25, no. 4, pp. 325—346 [In Eng].
10. Elder-Vass D. (2008) *The British Journal of Sociology*, vol. 59, no. 3, pp. 460—486 [In Eng].
11. The Palgrave Handbook of Relational Sociology (2018). London, Palgrave, 686 p. [In Eng].

For citing: Orekhov A.M., Efimenkov A.O.
Morphogenetic social theory:
more questions than answers //
Socium i vlast'. 2020. № 3 (83). P. 7—17.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17

UDC 140.8

MORPHOGENETIC SOCIAL THEORY: MORE QUESTIONS THAN ANSWERS

Andrey M. Orekhov,

Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department Chair
of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
The Russian Federation, 117198,
Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Alexander O. Efimenkov,

Post-graduate Student of the Department Chair
of Social Philosophy,
Peoples' Friendship University of Russia,
The Russian Federation, 117198,
Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6.
e-mail: efimenkov.1995@mail.ru

Abstract

Introduction and the aim of the study. The paper analyzes the place and role of morphogenetic theory within a framework of contemporary social-theoretical discourse. M. Archer's morphogenetic theory and P. Donati's relational conception are considered as two examples of this discourse.

Methods. The authors use analytical methods (analysis, synthesis, etc.), applied in contemporary philosophy of social sciences.

Scientific novelty. The key idea of the paper is analyzing morphogenetic social theory in terms of analytical scholasticism as a deviant way of contemporary social theory development.

Results. Morphogenetic theory is rather a sociological theory than interdisciplinary social theory; the sophisticated language of "morphogenists" may seem difficult for other scholars to understand; morphogenetic theory demonstrates indefinite perspectives concerning interdisciplinary or transdisciplinary discourse in the context of contemporary stage of social-humanitarian knowledge development.

Conclusions. The status of "morphogenetic theory" among other directions of social theory is by far "peripheral".

Key concepts:

morphogenetic theory,
morphogenesis,
relational theory,
social theory,
social realism,
analytical scholasticism,
M. Archer,
P. Donati.

Для цитирования: Нехамкин В. А. Неклассические модели общественной динамики в социальном познании XX — начала XXI вв.: итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 18—29. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29

УДК 167.7

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ XX — НАЧАЛА XXI вв.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный
технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена теоретико-методологическому анализу ряда возникших на базе неклассической науки моделей общественной динамики. Это «вызов — ответ», самоорганизация, цикл фазовых переходов «рождение — жизнь — гибель», «зонная модель». Выявляется эвристический потенциал каждой модели, ее сильные и слабые стороны в методологическом плане.

Цель. Рассмотреть возникшие на базе неклассической науки в социальном познании модели общественной динамики, выявить их методологические основания; сопоставить между собой данные теоретические конструкции. Осуществить теоретико-методологическое совершенствование данных конструкций.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ.

Научная новизна исследования. Прослежена эволюция формирования изучаемых моделей в рамках социального познания, показаны гносеологические основы их возникновения. В модели «вызов — ответ» выявлены ее базовые

положения, произведена классификация источников, порождающих исторические «вызовы» и субъектов, формирующих на них «ответы». Отмечено, что модель самоорганизации возникла гораздо раньше XX в., но только появление системного подхода и синергетики придало ей необходимый теоретический уровень. Выявлены позитивные стороны и ограниченность модели самоорганизации применительно к социальному познанию. Установлена полная структура «зонной модели» в социальном познании, которая включает следующие элементы: центр, середину, промежуточное пространство, периферию. Показаны модификации данной модели в рамках миросистемного подхода и иных социальных теориях.

Результаты. В работе демонстрируется, что в отношении каждой изучаемой модели сначала накапливался эмпирический материал, а лишь потом, позднее, происходило его теоретическое обобщение на базе неклассической науки. Показано, что главная заслуга миросистемного анализа — создание «зонной» модели социальной динамики. Установлено, что зонная модель в максимальной степени включает иные теоретические конструкции: «вызов — ответ», самоорганизации, цикла фазовых переходов «рождение — жизнь — гибель». Допускается, что в дальнейшем теоретические подходы в гуманитарных науках станут еще более склонными к включению в себя новых методологических средств.

Выводы. Обнаружена преемственность средств познания между различными неклассическими моделями социальной динамики. Показаны отдельные этапы эволюции данных моделей. Констатируется, что в рамках неклассической методологии социального познания найдется место и подходам, порожденным классической наукой (например, допущению о линейности как способе развития социума).

Ключевые понятия:

классическая наука,
неклассическая наука,
модели общественной динамики,
неклассические модели общественной
динамики.

Социальное познание испытывало на себе влияние науки, ее сменяющихся типов. Для классической науки были характерны такие признаки, как линейность, сумматизм («ориентация на сведение сложного к простому с последующей реконструкцией комплексного как агрегата элементарных частей»), динамизм (установка на понимание и описание наукой окружающего мира как жестко детерминированного, где нет места дополнительной, случайности, а значит, вариабельности, альтернативности), механицизм (преувеличение возможностей механики как способа миропонимания, рассмотрение мира и человека как особых типов «машин»), законосообразность (поиск управляющих развитием действительности законов), каузальность (все в мире связано естественными причинами) [27, с. 84—85]. Отражением подобных установок в социальном познании явились многие теоретические конструкции. Например, материалистическое понимание истории (К. Маркс, Ф. Энгельс). Здесь исторический процесс делился на ряд линейно сменяющихся друг друга фаз (формаций), их следование друг за другом представляло выражение социального прогресса, в рамках каждой формации выделялась жесткая структура «базис — надстройка» (с первичностью первого) и т. д. В похожем методологическом ключе рассуждали и работавшие в рамках позитивизма социологи XIX — первой половины XX в., особенно Л. Гумплович. Они акцентировали внимание на необходимости открытия законов общественного развития, прогнозирования с их помощью социальной динамики [7, с. 123].

В неклассической науке, формирующейся с начала XX в. и во второй его половине переходящей в фазу нео(пост-)неклассической изменяются принципы познания. Линейность сменяется нелинейностью, т. е. поиском иных форм взаимодействия объектов, опирающемся на множественность связей между ними. Обусловленное динамизмом противопоставление концепций — их дополненностью друг друга. Поиск жестких законов социального бытия заменяется либо отказом от данной категории совсем, либо фиксацией отдельных повторяющихся связей, т. е. закономерностей. Возникают междисциплинарные направления (системный подход, синергетика), распространяющие свои модели познания в естественные и гуманитарные дисциплины. На замену сумматизму приходит системность, когда целое в системе рассматривается как содержащее универсальные признаки, отсутствую-

щие в ее элементах (подсистемах). Отсюда неклассическая наука придает познанию следующие признаки: полифундаментальность, синергизм, дополнительность, интегрализм, релятивизм, нелинейность и т. д. [27, с. 107—116].

Конечно, не стоит думать, что смена методологии классической науки на неклассическую произошла в социальном познании XX в. одновременно. Так, здесь длительный период сохранялось влияние позитивизма. Отдельные ученые (подобно В. Вундту и К. Брейзингу) продолжали искать и находили многочисленные «законы» общественного развития [См.: 26, с. 144—157]. Далеко не все мыслители отказались от порожденной классической наукой идеи социального прогресса. Нельзя сказать, что характеристики классической науки и стоящие за ними средства исследования полностью «ушли» из методологии изучения общества.

Однако неклассическая наука постепенно проникала в социальное познание, породив здесь интересные теоретические конструкции. Рассмотрению их становления, предлагаемой методологии, эвристического потенциала, возможностей применения для изучения человека и социума посвящена настоящая работа. Причем нами избраны модели, методология которых послужила основой для многих конкретных исследований, т. е. ставшие своеобразными парадигмами в общественном познании.

Модель «вызов — ответ»

Модель «вызов — ответ» (точнее «вызов-ответ»), ее положения сформулированы А. Тойнби. Источники появления данной конструкции (кроме собственно исторической науки) разнообразны. Это психология, ее бихевиористская концепция действия по схеме стимул—реакция), синтез истории и географии — географический детерминизм (изучавший взаимодействие элементов системы «внешняя среда — общество»); цивилизационный подход (по А. Тойнби, механизм работает для объяснения становления отдельных цивилизаций).

Неклассичность модели «вызов — ответ» проявляется по разным основаниям. Это отказ «обнаружить <...> всеобщий закон», необходимость ее применения исключительно к каждой цивилизации [24, с. 113]. Кроме того, признание принципиального плюрализма генезиса цивилизаций: он «кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких» [24, с. 107]. Наконец, активное использование метафор при классификации

вызовов. Так, необходимость осваивать крупные водные бассейны (например, для обитателей островов) названа А. Тойнби «вызовом Посейдона» [24, с. 118], выделяются вызовы «бесплодной земли», «новой земли» и т. п. категории [24, с. 120].

На мой взгляд, общая познавательная схема модели «вызов — ответ» следующая. Вызовы как проблемы приходят либо из природной, либо из социальной (внутренней или внешней) среды. Ответы дает конкретный социум. Например, в долине реки Нила ответ — появление Египетской цивилизации, Тигра и Евфрата — Шумерской [24, с. 113]. Ответ надо дать в какой-либо форме: улучшения управленческой системы, перестройки армии, освоения какой-то территории, создания государства и т. д. Здесь А. Тойнби все-таки видит закономерность: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [24, с. 119—120].

В данном пункте теорию «вызов — ответ» следует дополнить: А. Тойнби говорит об «ответах» на непосредственные «вызовы», без которых невозможно актуальное существование социума. Отсутствие «ответов» на приходящие «вызовы» (даже отсроченные во времени) тоже опасно. Например, Киевская Русь с X по XII в. успешно отбивала атаки степных народов: печенегов, половцев и других. При этом, несмотря на отдельные поражения, противнику давался «ответ»: совершенствовались вооруженные силы, строились крепости и иные укрепления, предпринимались превентивные походы в Степь (особенно при правителе Владимире Мономахе). В XIII в. уровень социальной организации изменяется, начинается раздробленность страны. В случае объединения бывших Киевских княжеств (как полагал В. Т. Пашуто) они могли бы выставить до 100 тыс. воинов [9, с. 23], но этого не произошло даже после проигранного монголам русскими князьями сражения при Калке (1223 г.). На «вызов» было некому дать «ответ» (хотя на это имелось примерно 14 лет, до 1237 г.), территории бывшей Киевской Руси оказались завоеваны войсками хана Батая.

Интересны и исторические субъекты, дающие «ответы» на вызов. Это особая социальная группа: «творческое меньшинство» [24, с. 259], обладающая высоким интеллектом. Здесь особо выделяются «сильные личности» («гении», «сверхлюди») [24, с. 260].

Через коллективный опыт они и приобщают к своим открытиям подавляющее большинство населения, которое А. Тойнби именуется «инертной массой» [24, с. 260].

Откуда приходит вызов? Каковы его источники? Предложим их классификацию. Один источник — космическое пространство. Как полагает Л. Н. Гумилев, Земля в отдельные периоды ее истории «получает из космоса больше энергии, нежели необходимо для поддержания равновесия биосферы, что ведет к эксцессам, порождающим <...> среди людей <...> пассионарные толчки или взрывы этногенеза». Приняв такую энергию, этнос становится пассионарным, т. е. «обладает способностью к целенаправленным сверхнапряжениям». В нем появляются особые люди, пассионарии, которые вопреки инстинкту самосохранения «совершают <...> поступки, ведущие к изменению их окружения». «Психика отдельной особи лишь трансформирует на своем уровне импульсы, стимулирующие повышенную активность носителей пассионарности» [5, с. 319].

Второй источник «вызова» — внутренние проблемы данного социума. Например, крупнейшие европейские державы начала XX в. (Российская, Австро-Венгерская, Германская империи), несмотря на существенные отличия, не пережили Мировую войну 1914—1918 г. в силу определенных слабостей в экономической, национальной, военной и т. д. организации. Показательно, что даже учеными того периода (не говоря о политиках) «ответ» мыслился как силовое ограничение «соседа», а не собственная трансформация. В качестве примера приведем высказывание Л. Гумпловича: «Если удастся втиснуть Россию в ее естественные границы (лишив ряда территорий — В. Н.), — тогда ничто больше не задержит победного шествия демократии в Европе и развития ее к социализму» [6, с. 48]. И хотя Л. Гумплович отвергал войны как средство решения социальных проблем, не ясно, как можно мирным путем «втиснуть Россию в ее естественные границы».

Третий источник «вызова» — Другой, иной социальный субъект (народ, государство, цивилизация и т. д.). Само его существование — угроза сложившемуся порядку. А. С. Панарин пишет: «...США бросили вызов — ибо однополярный мир означает вызов любому по-настоящему суверенному государству... Сценарии глобального политического прогнозирования <...> должны будут раскрывать <...> разнообразные формы возможного *ответа* на этот *вызов*» [18, с. 17—18]. При таком подходе проявляются

два главных варианта ответа на вызов: либо «физическое» уничтожение оппонента [28, с. 444], либо отказ от сотрудничества с ним.

Перейдем к гносеологии. Что такое «вызов — ответ» — способ объяснения социальной действительности, или «понятие-метафора» (Л. И. Новикова) [11, с. 23]? Прежде всего данная модель задает схему становления социальной реальности. Выделим ее элементы: инициатор вызова (страна, группа, природная система и т. д.); объект (на который инициатор воздействует); разработчики «ответа»; типы реакции на вызов (от бинарного в стиле «или живем, или гибнем» до многовариантного). Важный элемент взаимодействия в системе «инициатор — объект вызова» — индивидуальное и коллективное сознание. Оно (в лице принадлежащих к элите немногочисленных разработчиков «ответа») должно осмыслить «вызов» и выработать варианты реагирования на него. На этом теоретическая часть модели «вызов — ответ» завершается.

Далее требуется прикладная (о которой А. Тойнби пишет мало). Остальное население надо: а) принудить к реализации именно такого «ответа» (ибо это часто идет в разрез с устоявшимися нормами поведения); б) проверить избранный вариант ответа «практикой» на пригодность; в) корректировать данную систему действий в деталях или полностью при соприкосновении с реальностью. Степень адекватности «ответа» оценивается по конечному результату. Как отмечает Л. И. Новикова, «пока данная цивилизация не исчерпала себя полностью, она обладает механизмом и свойственным ей типом «ответов» на «вызов» истории, обеспечивающим восстановление разрушенной стабильности» [11, с. 23]. Однако возможна и ситуация, описанная С. А. Королевым. Когда, например, элита «знает что делать, но не знает как» [11, с. 16]. И тогда адекватного ответа на вызов нет. Так, в конце XII — начале XIII вв. не только отдельные правители-князья, но и безымянный для нас автор «Слова о полку Игореве» понимали, что Руси нужно вернуть утраченное ранее государственное единство перед угрозой Степи. Способа же решения задачи найдено не было, и скоординированного «ответа» вторжению войска монголов не последовало.

В целом механизм «вызов — ответ» как результат становления неклассической методологии в социальном познании довольно интересен, хотя и не во всем разработан. Он применим для объяснения взаимодействия в системе «природа — общество», так

и внутри социума. Однако, на мой взгляд, создать на его основе полноценную познавательную модель с разработанным категориальным аппаратом и методологией, пока не получилось. Отсюда часто механизм «вызов — ответ» выступает как вспомогательное средство объяснения социальной динамики.

Модель самоорганизации в социальном познании

В настоящее время термин «самоорганизация» принято связывать с кибернетикой, системным подходом, синергетикой и ее методологией. Его содержание предполагает следующие толкования: 1) процесс самопроизвольного формирования регулярных структур в системах; 2) поддержание (воспроизводство) системой имеющегося у нее уровня организованности (порядка) и /или его усиление [12, с. 152].

На самом деле о данном эффекте относительно общества знали гораздо раньше его теоретического обобщения в XX в. и в теории, и на практике. Так, концепция общественного договора Т. Гоббса (XVII в.) предполагает добровольное согласие людей на передачу части своих суверенных прав государству. Этому предшествует характеризующееся «войной всех против всех» естественное состояние, когда у индивидов была полная свобода, вызванная равенством их суверенных прав. В силу перманентного хаоса и угрозы личной безопасности, неопределенности будущего люди отказываются от подобного образа жизни. Т. Гоббс полагал, что при заключении общественного договора каждый его участник дает следующее обещание: «Отрекаюсь от своего права владеть собой и отдаю это право такому-то мужу или такому-то собранию мужей, если ты также отдаешь им свое право и так же, как я, уполномочишь их на все и признаешь их действия своими. Когда же так станется, называют множество, таким образом объединенное в одну особую общность, общину, государство, по-латыни *civitas*. Так родился этот великий Левиафан» [Цит. по: 10, с. 383].

Почти по сходной с изложенной Т. Гоббсом схеме (если верить «Повести временных лет», далее — ПВЛ) происходило призвание на Русь варяжского князя Рюрика (IX в.). Сначала варяги вносили дань с чуди, славян, кривичей, но потом племена объединились и изгнали чужаков (самоорганизация № 1). Однако сразу возникли проблемы. «...И начали сами собой владеть. И не стало среди них правды, и встал род

на род, и были меж ними усобицы...» [23, с. 46]. Перед нами почти описание «естественного состояния» Т. Гоббса, «войны всех против всех». Далее, устав от столкновений друг с другом, местные племена (видимо, в лице их политической элиты, ПВЛ это не поясняет) начинают искать стороннего князя, «который управлял бы нами и судил по праву» [23, с. 46—47], а не в интересах одной из борющихся групп. (Это — самоорганизация № 2). Фактически нужен независимый «арбитр». В итоге данные народы находят среди варягов племя Русь и говорят его представителям: «Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка — *В. Н.*) в ней нет. Приходите княжить и управлять нами» [23, с. 47]. Сначала на историческую сцену выходят три брата (Рюрик, Синеус, Трувор, занимая с дружинами ряд территорий), из которых вскоре остается один: Рюрик (самоорганизация № 3). «И от тех варягов прозвалась Русская земля» [23, с. 47]. «Порядок» в обществе воспроизводится через «хаос», образуется государство путем своеобразного «договора» иностранной и местной элиты — с одной стороны и остального населения, принявшего нового правителя, — с другой.

Кроме этого, довольно «легендарного» эпизода отечественной социальной самоорганизации есть и реальный пример. К 1610 г. Московская Русь как государство фактически распалось перед лицом кризиса легитимности власти, иностранной интервенции, гражданской войны. С. Ф. Платонов описывает произошедшее, тогдашнюю «войну всех против всех»: «По всей стране бродят казаки, везде грабят и жгут, опустошают и убивают... Северо-западная часть государства находится в руках шведов... Москва занята польским гарнизоном, вся московская администрация — под польским влиянием. Король враждебного государства, Сигизмунд, из-под Смоленска распоряжается Русью своим именем, как государь...» [19, с. 302]. Однако вдалеке от оккупированной врагом столицы, в Нижнем Новгороде, самоорганизовалась на самостоятельную собранную людьми деньги ополчение под руководством представителей разных социальных слоев (мещанина и князя) К. М. Минина и Д. И. Пожарского, которое освободило Москву. В столице проведен Земский Собор. В его состав, согласно грамоте Д. И. Пожарского от 15 ноября 1612 г., вошло 700 делегатов (по десять человек выборных от каждого из 50 городов, 200 человек — от столицы Москвы) [19, с. 317]. Собором но-

вым царем избран Михаил Романов (преодолен кризис легитимности, который «разрывал» страну с 1598 г.). Остальная часть населения (включая крестьян, представителей которых не пригласили на Земский Собор) такому выбору постепенно подчинилась. Московское государство путем своеобразного «общественного договора» возобновило свое существование, или, говоря современным языком, «перезапустилось». Следовательно, процесс самоорганизации имел место в социальной жизни (практика) и осмыслился общественным познанием задолго до появления неклассической науки (теория общественного договора).

Наконец, на эмпирическом уровне было ясно, что для государств в их истории сменяют друг друга периоды беспорядка (хаоса) и упорядоченности. Данную закономерность в XVI в. вывел Н. Макиавелли: «Переживая непрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку» [14, с. 175]. Значит, у Н. Макиавелли тоже присутствует самовоспроизводящаяся схема «порядок — хаос — порядок».

В итоге еще до начала теоретического осмысления процесса самоорганизации на эмпирическом уровне было ясно, что: 1) в становлении государств сменяются периоды соотношения Порядка (эволюционного становления) и Хаоса (революция, гражданские войны, распад и т. п.); 2) возможно полное разрушение устоявшихся государственных структур или их длительное пребывание в перманентном хаосе; 3) люди (в лице обычных индивидов, части правящей элиты и т. д.) устают от постоянного хаоса; 4) начинают искать выход путем либо приглашения иностранной правящей элиты («призвание» на Русь «варяга» Рюрика с дружиной), либо изгнания иностранцев и воспроизводства прежнего (традиционного) социального порядка (Смутное время в России начала XVII в.); 5) хаос и порядок как состояния социума сами по себе не могут продолжаться бесконечно.

Теоретическое осмысление указанных эмпирических свойств произошло в рамках возникших в XX в. междисциплинарных направлений — системного подхода и синергетики. Первый дал основных субъектов взаимодействия: равновесные (упорядоченные) и не равновесные (неустойчивые) системы. Вторая — описание их взаимодействия. Схема протекающей здесь динамики процесса самоорганизации может

быть резюмирована следующим образом: «Под действием внешних возмущений или из-за случайных отклонений (флуктуаций) система переходит в неустойчивое состояние, в результате чего возникает порядок на уровне макросостояний, т. е. система приобретает новую структуру, новый облик, отличающийся устойчивостью. Это может найти воплощение в объединении элементов, образовании новых связей или трансформации, перерождении элементов, а значит, приобретении ими новых свойств» [15, с. 24]. Другими словами, равновесная система (становление которой предсказуемо на базе знания законов) переходит в неравновесное состояние (где с помощью знания начальных условий нельзя вычислить ее дальнейшее развитие). Она отклоняется от известных параметров, впадает в хаотическое состояние. Последнее не может длиться бесконечно. Возникает переходное от хаоса к порядку, от неравновесной к равновесной системе положение — точка бифуркации. Она содержит ряд (не менее двух, но может и больше) вариантов дальнейшей эволюции системы. Как отмечает Ю. В. Сачков, «в точках бифуркации наблюдается своего рода «царство случайности» [21, с. 90]. Возможно, это лишь преувеличение, но очевидно, что в точке бифуркации роль случайностей (флуктуаций) как фактора отбора «варианта порядка» возрастает.

Впрочем, развитие самоорганизации имеет свою фундаментальную «закономерность»: такая ситуация неопределенности (многовариантности), которая складывается в «точке бифуркации», не может длиться вечно. Рано или поздно (по меркам наблюдателя) под влиянием случайностей (флуктуаций) система выберет один из возможных вариантов дальнейшего развития, который станет основой последующего порядка (равновесия). Следовательно, в рамках синергетики складывается следующая схема самоорганизации. Любая равновесная система стремится перейти в свою противоположность, неравновесие, а оно через точку бифуркации возвращается к равновесию.

Позитивно, что модель самоорганизации говорит об ограниченности самого общества, его возможностей по преобразованию действительности. Как отмечает Д. Урри, «нельзя исключать бифуркации с катастрофическим крахом человеческого общества в случае прохождения одного из переломных моментов» [25, с. 69].

Концепция самоорганизации ставит предел возможности «устойчивого развития общества», под которым понимается такое его

становление, когда «происходящие преобразования в нем и внешние возмущающиеся воздействия не нарушают выполнение обществом основной его функции — сохранение и обогащение уровня и образа жизни членов общества» [22, с. 130]. Через определенные периоды времени «устойчивая» (равновесная) динамика неизбежно сменяется состоянием хаоса, неустойчивости, при которой «уровень жизни» падает.

Серьезным минусом модели самоорганизации как объяснительной схемы в социальном познании была абсолютизация ее развития любых систем (включая социальные) от Хаоса к Порядку обязательно через многовариантную точку бифуркации. Как заявлял И. Пригожин, «в том мире, в котором мы живем, флуктуации, бифуркации и неустойчивости встречаются на всех уровнях. *Устойчивые системы, порождающие определенность, соответствуют только идеализациям* (курсив мой — В. Н.)...» [20, с. 53]. Эта схема динамики была для отдельного общества позитивной далеко не всегда. Так, некоторые социальные субъекты приходят к ситуации, в которой «удержать» их единство сложно. Количество накопленных противоречий, порожденный ими хаос, ведет в «точке бифуркации» к краху данное государство (судьба СССР, СФРЮ в 1991 г.), а не к новому порядку.

Самоорганизации ставит пределы и сам социум. Например, экономические кризисы, подобные Великой депрессии 1929—1933 гг., нельзя преодолеть без государственного вмешательства. Получается, что выход из некоторых «точек бифуркации» может быть осознанным, планируемым, а не только зависимым от флуктуаций.

В результате концепция самоорганизации имела многочисленные эмпирические подтверждения в социальной динамике, предложила схему перехода от «равновесных» к «неравновесным» социальным системам. Однако объяснить почему именно в обществе «порядок» возникает из «хаоса», что происходит с нереализованными в точке бифуркации вариантами становления системы не смогла. В плане гносеологии концепция самоорганизации (опираясь на системный подход и синергетику) стала определенной моделью социальной динамики.

Модель цикла фазовых переходов «рождение — жизнь — гибель»

Еще одной интересной моделью, порожденной неклассической наукой, выступает известный природно-социальный цикл,

сводящийся к описанию динамики объекта как состоящей из фаз появления, становления, аннигиляции. Во-первых, он в методологическом плане избегает линейности, свойственной классической науке. Недаром в некоторых версиях (особенно у О. Шпенглера) такой подход — основа критики любых теорий общественного прогресса. Во-вторых, заменяет жесткое понятие «закона» закономерностью, повторяемостью. В-третьих, такой цикл легко эмпирически фиксируем в физическом, биологическом, социальном мирах. В-четвертых, подобное объяснение социальной динамики открывает широкий простор для использования аналогий между природными (физико-биологическими) и социальными системами. В-пятых, происходит как бы снятие в данном цикле процесса (механизма) самоорганизации, ибо фазы появления — становление — гибель объекта воспроизводятся спонтанно, произвольно, сами собой, без внешнего вмешательства. В-шестых, подобным путем удастся избежать свойственного порожденным классической наукой социальным теориям монизма (объясняющего один из факторов общественной жизни главным: например, экономики в марксизме). При таком подходе выбирать «доминирующий» параметр не надо, самоорганизующийся механизм «снимает» эту проблему. В-седьмых, при желании ученого цикл «рождение — жизнь — гибель» сочетается и с механизмом «вызов — ответ» А. Тойнби. Фаза «становления» какого-либо объекта и длится до тех пор, пока он может давать «ответы» на внешние «вызовы». Отсюда и «культуры» у О. Шпенглера, и «локальные цивилизации» (у Ф. Бэббиджа), и цивилизации (А. Тойнби, С. Хантингтон) имеют динамику, описываемую циклом «рождение — жизнь — гибель».

В плане истории становления данной методологической стратегии интересно, что она формировалась как движение от конкретного к абстрактному. Сначала специалист находил требуемую аналогию, а затем она переносилась на социум. Так, уже в XI в. арабский ученый аль-Мавради уподоблял государство плоду, который «вначале тверд на ощупь и горек на вкус, затем вызревает и делается нежным и съедобным, чтобы в конце концов загнить...» [Цит. по: 13, с. 64]. В XX в. О. Шпенглер, утверждает, что любая великая культура «проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой (культуры — В. Н.) есть свое детство, <...> юность, <...> возмужалость и старость» [30, с. 265].

Здесь уже цикл «рождение — жизнь — гибель» из персонального становится общесоциальным.

В плане развития неклассической методологии социального познания интересна и другая тенденция. В одних концепциях (О. Шпенглер, А. Тойнби), возникших под влиянием неклассической науки, цикл «рождение — жизнь — гибель» служил обоснованием тезиса об отсутствии законов в истории и социальной динамике. (Утверждение спорно: по сути, указанный цикл выступает, как минимум, закономерностью). В других теориях (например, «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского), появившихся в рамках классической науки, дело обстояло противоположным образом. Здесь законы социальной динамики, наоборот, выделялись. Хотя Н. Я. Данилевский полагал, что КИТы и составляющие их народы «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают» [8, с. 74]. Значит, методологическая стратегия трактовки общественной динамики на базе цикла «рождение — существование — гибель» одинаково успешно может работать в рамках классической и неклассической науки. Однако в неклассическое социальное познание она включается значительно лучше.

Подведем итог. Цикл фазовых переходов «рождение — жизнь — гибель» как объяснительная стратегия в социальных науках имел определенные особенности. Выступал очевидной, легко эмпирически проверяемой моделью познания, объединял для исследования физический, биологический и социальный миры, выявляя общую закономерность общественной динамики, не являющуюся законом, выводил исследователей за пределы монизма и линейности, свойственных социальному познанию, порожденному классической наукой. Наконец, в данный цикл как объяснительную стратегию удобно включались иные неклассические теоретические конструкции: «вызов — ответ», самоорганизация.

Отмечу и недостатки подобного методологического подхода. Это разрыв преемственности различных фаз социального развития, фрагментарность описываемых ситуаций, отсутствие универсальных критериев классификации обществ и стадий истории, редукция динамики одного объекта к другому, частое (и не совсем корректное) использование аналогий как средства социального познания, упрощенные трактовки становления общества.

«Зонная модель» в социальном познании

«Зонная модель», предполагающая рассмотрение социальной динамики в зависимости от нахождения объекта в некоторой части выделяемой на абстрактном уровне системы, — тоже результат развития неклассической науки применительно к исследованию общества. Данную модель наиболее всесторонне использовали в рамках миросистемного анализа.

Мир-системный (миросистемный) анализ — междисциплинарное направление, возникшее в социальном познании второй половины XX в. Оно связано с именами Ф. Броделя, И. Валлерстайна и других ученых. Сразу следует отметить попытки включения миросистемным анализом предшествующих методологических подходов. Во-первых, системного анализа. Конструирование рассматриваемых объектов как особых миров-систем (миров-экономик у Ф. Броделя), не сводимых к отдельным государствам, обладающих специфическими универсальными свойствами по сравнению с входящими в них элементами. На базе системного подхода давалось определение базовому понятию: миросистема — «некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в тоже время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам» [4, с. 85].

Во-вторых, цикла «рождение — жизнь — гибель». По мнению И. Валлерстайна, «сердце системы бьется в такт циклическим ритмам этих (миросистемных — *В. Н.*) структур» [4, с. 208]. Миросистеме предстоит возникнуть, существовать какой-то период, разрушиться. Со второй половины XX в. к упадку идет современная миросистема: капиталистическая мироэкономика [4, с. 210].

В-третьих, в миросистемном анализе активно используются идеи о самоорганизации (именно таким способом и формируются миросистемы), точки бифуркации и неизбежных кризисах системы [4, с. 209].

В-четвертых, механизм «вызов — ответ», ибо миросистема — способ преодоления внутренних трудностей входящих в нее государств.

В-пятых, в методологическом плане миросистемный подход тяготеет к «единодисциплинарности» [4, с. 90], т. е. включению в себя средств познания используемых наук до состояния утраты ими исходных дисциплинарных свойств. Фактически речь шла

об универсальной методологии социального познания, порожденной данным подходом, распространяемой в любые социальные науки, что шло в русле неклассики.

На подобной методологической основе формируется модель социального пространства как ряда «зон». Главная из них — центр миросистемы («мира-экономики»). Здесь высокий уровень жизни, потребления и т. д. Затем идет «срединная зона», которая расположена вокруг центра. Ее окружают промежуточные зоны. Наконец, «следует весьма обширная периферия, которая в разделении труда, характеризующим мир-экономику, оказывается не участницей, а подчиненной и зависимой территорией. В таких зонах жизнь людей напоминает Чистилище или даже Ад» [2, с. 87]. Получается, что мир-экономика — совокупность некоторых «зон», уровень жизни в каждой из которых ниже предыдущей. Подобно тому, как в Солнечной системе по мере удаления от главного «светила» температура на планетах понижается. Однако данные зоны — еще и элементы общей системы, которые подпитывают друг друга в этой своеобразной социальной «пищевой цепочке». Из периферии ради центра изымаются почти все ресурсы, из промежуточных зон — больше, чем из «срединной», но меньше, чем с периферии. В итоге «системность» миросистемы олицетворяется взаимодействием «ядра» и «периферии»» [29, с. 96].

Однако данная схема остается достаточно абстрактной. Для ее конкретизации центр мир-экономики связывают с определенным доминирующим городом. Данные населенные пункты борются между собой за роль центра и один из них побеждает. Возникает своеобразная «эстафета», нацеленная на передачу лидерства, т. е. фактически имеет место возвращение к линейности, свойственной классической науке. Однако на этом свойстве сходство с классикой завершается. Какой город станет главным — заранее сказать нельзя. Как указывает Ф. Бродель, во всемирной истории «бывает, что какой-либо город вдруг вырывается вперед других, хотя в собственной его судьбе *ничто этого не предвещало* (курсив мой — *В. Н.*)» [3, с. 160].

Модель Ф. Броделя усовершенствовал Ж. Аттали (причем без формальной ссылки на миросистемный анализ). У него (для объяснения генезиса рыночного уклада) фигурируют три элемента (с такими же, как у Ф. Броделя свойствами): центр — середина — периферия [1, с. 51]. «Эстафету» передают друг другу девять городов (от Брюгге 1200—1350 г. до Лос-Анджелеса с 1980 г.,

чья «смена» тоже обязательно наступит) [1, с. 52].

В некоторых случаях зонная модель упрощается до двух элементов: «центра» («ядра») и «периферии». Так, Г. А. Явлинский называет российский капитализм конца XX в. «периферийным» по отношению к ядру «современного капитализма — экономики развитой части мира» [31, с. 36]. Для Ф. Фукуямы в 1989 г. народы, живущие в состоянии истории, — фактически периферия по отношению к людям Западных стран, находящимся в состоянии постистории [26, с. 310]. Причем «большая часть третьего мира будет оставаться на *задворках истории* (курсив мой — В. Н.)» [26, с. 306] и в будущем.

Короче говоря, вариантов проявления «зонной модели» в социальном познании довольно много. В одних случаях зон четыре, в других — три, а чаще всего — две. Главное же заключается в том, что сохраняется их дифференциация, усиливающаяся в худшую сторону по мере удаления от центра.

Позитивность «зонной» модели видится в четкой демонстрации ей дифференциации существующих социумов на международном уровне и положении дел в конкретном обществе. Достаточно сказать, что некое государство относится к периферии, чтобы указать на причину его «отсталости» от иных социумов и внутренних проблем. Кроме того, зонная модель фиксирует сложившуюся иерархию обществ (кто-то в ядре, кто-то — в срединной части и т. д.). Демонстрирует определенную закономерность (чем дальше от ядра, тем уровень жизни людей хуже), отодвигает на второй план государственность (любая страна может перейти из «высокой» зоны в более «низкую»), повышает роль городов-центров в миросистеме (как символов ее трансформаций — с одной стороны и их катализатора, накопителя богатств и технологий — с другой), объясняет однонаправленное движение ресурсов в системе (от периферии к ядру), источник усиления «ядра» миросистемы.

Укажем и недостатки модели. Презентизм: фиксация нынешнего положения дел. Не показаны возможности выхода из него, к чему стремились некоторые порожденные классической наукой социальные учения (например, марксизм). Абсолютизация связей в системе «ядро — периферия» и игнорирование их обратного влияния. Учет преимущественно материально-технических факторов, придание гораздо меньшего статуса духовным. Редукция эстафеты миросистем исключительно к отдельным

городам-центрам, игнорирование их складывающейся системы.

Заключение

1. Рассмотренные в данной работе модели неклассической методологии социального познания — не единственные, но довольно распространенные.
2. Каждая модель сохраняет ряд преемственных элементов с иными теоретическими конструкциями. Наиболее интересным в этом плане выглядит миросистемный подход.
3. Благодаря развитию синергетики и системного подхода значительный эвристический потенциал сохраняется у модели самоорганизации. Она может способствовать решению различных познавательных задач — от объяснения конкретных эпизодов прошлого (причин выхода Московской Руси из Смуты начала XVII в.) до моделирования потенциальных вариантов исторического процесса в рамках обыденного и научного познания [17]. В то же время надо помнить и об ограниченности данной модели, несмотря на популярность синергетики как ее методологической основы [16].
4. Модель «вызов — ответ» требует дальнейшего методологического совершенствования. Она обладает определенным объяснительным потенциалом (при надлежащей разработке категориального аппарата). В то же время до завершения состояния данной модели еще далеко.
5. Любая теория в рамках неклассической социальной науки (в зависимости от специфики объекта) может включать в разных сочетаниях, комбинировать с рассмотренными ранее моделями, отраженными в них методологическими стратегиями.
6. Неклассические модели в социальном познании не отбрасывают классические полностью. В частности, иногда допускают линейное развитие социальных систем. Скажем, передачу в процессе эволюции миросистемы исторической эстафеты лидерства от одного города-центра к другому.

1. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014. 288 с.

2. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск : Полиграмма, 1993. 127 с.

3. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Про- странство и история. М. : Изд-во Сабашниковых, 1994. 406 с.

4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2018. 304 с.

5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Мишель и К^о, 1993. 330 с.

6. Гумплович Л. Национализм и интернационализм в XIX веке. СПб. : Тип. Люндорф и К^о, 1906. 48 с.

7. Гумплович Л. Основы социологии. М. : ЛЕНАНД, 2017. 366 с.

8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М. : Книга, 1991. 514 с.

9. Иллюстрированная история СССР. М. : Мысль, 1987. 509 с.

10. История философии в кратком изложении. М. : Мысль, 1991. 590 с.

11. Круглый стол «Риск исторического выбора в России» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 3—26.

12. Лебедев С. А. Философия науки : термин. слов. М. : Академ. проект, 2011. 269 с.

13. Логинов А. В. Теория циклов в политических учениях IV — начала XIX века // Экономическая история. 2012. № 3 (18). С. 62—71.

14. Макиавелли Н. История Флоренции. Л. : Наука, 1973. 440 с.

15. Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М. : Экономика, 1999. 251 с.

16. Нехамкин В. А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // История. 2015. № 7 (40). С. 11. URL: <http://history.jes.su/issue.2015.3.7.7-40> (дата обращения: 28.06. 2020).

17. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 336—352.

18. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М. : Наука, 1999. 270 с.

19. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М. : Высш. шк., 1993. 736 с.

20. Пригожин И. Конец определенности: время, хаос и новые законы природы. М. ; Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. 208 с.

21. Сачков Ю. В. Конструктивная роль случая // Вопросы философии. 1988. № 5. С. 82—94.

22. Сачков Ю. В. Вероятностная революция в науке (Вероятность, случайность, независимость, иерархия). М. : Науч. мир, 1999. 144 с.

23. Се Повести Временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас : Вузов. библ., 1993. 383 с.

24. Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.

25. Урри Д. Как выглядит будущее? М. : Дело, 2019. 320 с.

26. Философия истории : антология. М. : Аспект-пресс, 1994. 351 с.

27. Философия науки : учеб. пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М. : Академ. проект : Трикта, 2004. 736 с.

28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2016. 640 с.

29. Цыганков В. В. Миросистемный анализ: «твердое ядро» и «защитный пояс» // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 95—101.

30. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М. : Мысль, 1993. 666 с.

31. Явлинский Г. А. Периферийный капитализм : лекции об экономической системе России на рубеже XX—XXI веков. М. : Интеграл-Информ, 2003. 160 с.

References

1. Attali Zh. (2014) *Kratkaya istoriya budushchego*. St. Petersburg, Piter, 288 p. [in Rus].

2. Brodel' F. (1993) *Dinamika kapitalizma*. Smolensk, Poligramma, 127 p. [in Rus].

3. Brodel' F. (1994) *Chto takoe Franciya?* Кн. 1. *Prostranstvo i istoriya*. Moscow, Izdatel'stvo Sabashnikovoyh, 406 p. [in Rus].

4. Vallerstajin I. (2018) *Mirosistemnyj analiz*. Vvedenie. Moscow, URSS, LENAND, 304 p. [in Rus].

5. Gumilev L.N. (1993) *Etnogenez i biosfera Zemli*. Moscow, Mishel' i K^o, 330 p. [in Rus].

6. Gumplovich L. (1906) *Nacionalizm i internacionalizm v XIX veke*. St. Petersburg, Tipogr. Lyundorf i K^o, 48 p. [in Rus].

7. Gumplovich L. (2017) *Osnovy sociologii*. Moscow, LENAND, 366 p. [in Rus].

8. Danilevskij N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa*. Vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu. Moscow, Kniga, 514 p. [in Rus].

9. *Illyustrirovannaya istoriya SSSR* (1987). Moscow, Mysl', 509 p. [in Rus].

10. *Istoriya filosofii v kratkom izlozhenii* (1991). Moscow, Mysl', 590 p. [in Rus].

11. Kругlyj stol «Risk istoricheskogo vybora v Rosii» (1994) *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 3—26. [in Rus].

12. Lebedev S.A. (2011) *Filosofiya nauki*. Moscow, Akademicheskij proekt, 269 p. [in Rus].

13. Loginov A.V. (2012) *Ekonomicheskaya istoriya*, no. 3 (18), pp. 62 — 71.

14. Makiavelli N. (1973) *Istoriya Florencii*. Leningrad, Nauka, 440 p. [in Rus].

15. Mogilevskij V.D. (1999) *Metodologiya sistem: verbal'nyj podhod*. Moscow, Ekonomika, 251 p. [in Rus].

16. Nekhamkin V.A. (2015) *Istoriya*, 2015. no. 7 (40), p. 11. Available at: <http://history.jes.su/issue.2015.3.7.7-40>, accessed 28.06. 2020. [in Rus].

17. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A (2018) *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 336—352. [in Rus].

18. Panarin A.S. (1999) *Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyah strategicheskoy nestabil'nosti*. Moscow, Nauka, 270 p. [in Rus].

19. Platonov S.F. (1993) *Lektsii po russkoj istorii*. Moscow, Vysshaya Shkola, 736 p. [in Rus].

20. Prigozhin I. (2000) *Konec opredelennosti: vremya, haos i novye zakony prirrody*. Moscow, Izhevsk, Reguljarnaya i haoticheskaya dinamika, 208 p. [in Rus].

21. Sachkov Yu.V.(1988) *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 82—94. [in Rus].

22. Sachkov Yu.V. (1999) *Veroyatnostnaya revolyuciya v nauke (Veroyatnost', sluchajnost', ne-*

zavisimost', ierarhiya). Moscow, Nauchnyj mir, 144 p. [in Rus].

23. Se Povesti Vremennyh let (Lavrent'evskaya letopis') (1993). Arzamas, Vuzovskaya biblioteka, 383 p. [in Rus].

24. Tojnbi A. (1991) Postizhenie istorii. Moscow, Progress, 730 p. [in Rus].

25. Urri D. (2019) Kak vyglyadit budushchee? Moscow, Delo, 320 p. [in Rus].

26. Filosofiya istorii. Antologiya (1994). Moscow, Aspekt-press, 351 p. [in Rus].

27. Filosofiya nauki (2004). Moscow, Akademicheskij proekt, Triksta, 736 p. [in Rus].

28. Hantington S. (2016) Stolknovenie civilizacij. Moscow, AST, 640 p. [in Rus].

29. Cygankov V.V. (2012) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 4 (20), pp. 95—101 [in Rus].

30. Shpengler O. (1993) Zakat Evropy. T. 1. Moscow, Mysl', 666 p. [in Rus].

31. Yavlinskij G.A. (2003) Periferijnyj kapitalizm. Lekcii ob ekonomicheskoj sisteme Rossii na rubezhe XX—XXI vekov. Moscow, Integral-Inform, 160 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.
Non-classical models of social dynamics
in social cognition of the 20th —
early 21 centuries: results
and development prospects //
Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 18—29.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29

UDC 167.7

NON-CLASSICAL MODELS OF SOCIAL DYNAMICS IN SOCIAL COGNITION OF THE 20TH — EARLY 21ST CENTURIES: RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, ulitsa Nikulinskaya, 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction The article is focused on theoretical and methodological analysis of a number of social dynamics models that appeared on the basis of non-classical science. They are “challenge — response”, self-organization, a cycle of phase transitions “birth — life — death”, and “zone model”. The author reveals heuristic potential of each model, its strengths and weaknesses in the methodological aspect.

The aim of the study is to consider the models of social dynamics that appeared on the basis of non-classical science in social cognition, identify their methodological foundations; compare these theoretical constructs with each other, and to improve these structures in theoretical and methodological aspects.

Methods The following general scientific methods were used in the study: modeling, structural-functional, systemic and comparative analysis.

The scientific novelty of the study.

The author traces evolution of how the models under consideration have been forming in the framework of social cognition, and points out the epistemological foundations of their occurrence. In the “challenge-response” model, the author identifies its basic ideas and classifies the sources that generate historical “challenges” and the entities that form “answers” to them. The author specifies that the model of self-organization appeared long before the 20th century, but only thanks to the systematic approach and synergetics it acquires the necessary theoretical level. The author also points out positive aspects and limitations of the self-organization model in relation to social cognition. The author specifies the full structure of the “zone model” in social cognition, which includes the following elements: the center, the middle part, the intermediate space, and the periphery. Modifications of this model are shown in the framework of the world-system approach and other social theories.

Results. The study demonstrates that in relation to each model, empirical material was first accumulated, and only then it was theoretically generalized on the basis of non-classical science. It is shown that the main merit of the world-system analysis is creating a “zone” model of social dynamics. The author recognizes that the zone model to the maximum extent includes other theoretical constructions: “challenge - answer”, self-organization, the cycle of phase transitions “birth - life - death”. It is assumed that in the future, theoretical approaches in the humanities are more likely to include new methodological tools.

Conclusions. The author reveals continuity of intellectual instruments among various non-classical models of social dynamics, shows separate stages of the models evolution. It is stated that in the framework of the non-classical methodology of social cognition, there is a place for the approaches generated by classical science (for example, the assumption of linearity as a way of developing society).

Key concepts:

classical science,
non-classical science,
models of social dynamics,
non-classical models of social dynamics.

Для цитирования: Олейник В. А.
Темпоральное обоснование
онтологической дифференции
М. Хайдеггера: одновременность //
Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 30—39.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39

УДК 111.1+115+128

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ М. ХАЙДЕГГЕРА: ОДНОВРЕМЕННОСТЬ

Олейник Варвара Андреевна,

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры философии
гуманитарных факультетов,
магистр философских наук.
Российская Федерация, 119192, г. Москва,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
E-mail: varvara994@yandex.ru.

Аннотация

Введение. В статье рассматривается онтологическое различие в качестве ключевого положения, разделяющего онтологию М. Хайдеггера на два уровня. В статье предлагается экспликация темпоральных оснований главного принципа фундаментальной онтологии — онтологического различия — на основе экзистенциальной аналитики Dasein. Предполагается, что организация Dasein является микромоделью бытия вообще, которое является конечной целью философской работы М. Хайдеггера.

Цель. В результате философского анализа эксплицировать феномен одновременности в качестве онтологического основания временности Dasein.

Методы. В статье применяются герменевтический и феноменологический методы. Общенаучные методы: анализ, синтез, абстрагирование.

Научная новизна исследования. В ходе анализа самости как экзистенциального центра Dasein выявляется онтологическая двойственность первой и, как следствие, всей модели экзистенции. Проанализирован феномен бытия к смерти в контексте проблемы экзистенциального разрыва в основании самости Dasein, которое порождает различие в способах бытия Dasein — подлинное и неподлинное; рассмотрена и проанализирована целая структура временности Dasein в свете тезиса о конечности человеческого существования. На основании этого выявляется ключевая роль одновременности, которая становится онтологически первоначальным понятием в отношении целой системы бытия Dasein и, соответственно, фундаментальной онтологии. Высказывается предположение, что онтологическое различие основывается на более фундаментальном принципе темпорального синтеза.

Результаты. Была представлена модель структуры экзистенции Dasein на основании двойственного характера самости, к онтологически определяющей специфике организации которой относится одновременность.

Выводы. Темпоральное обоснование онтологического различия выявляет особенность фундаментальной онтологии, которая заключается в специфически преобразованной диалектике бытия и ничто. Исследование показывает, что фундаментальная онтология предлагает нетипичный подход к проблеме времени.

Ключевые понятия:

временность,
онтологическое различие,
самость,
Dasein,
самовоспроизводство.

Введение

Мартин Хайдеггер — одна из самых резонансных и противоречиво оцениваемых философских фигур своего времени и современного периода — приобрел этот статус не столько своими философскими изысканиями, сколько недолгим периодом ректорства во время фашистского режима в Германии. Как следствие, на волне хайпа, связанного с относительно недавней публикацией «Черных тетрадей», в академической среде вопрос о вероятной политической ангажированности его главного труда «Бытия и времени» из разряда предположений перешел в разряд фактов. Важно вспомнить, что публикация этих дневниковых записей состоялась вопреки завещанию М. Хайдеггера, то есть до выхода полного собрания сочинений. Это упоминание можно назвать существенным по двум, на наш взгляд, причинам. Во-первых, предвосхищая бурную реакцию публики, М. Хайдеггер понимал, что эта публикация впоследствии будет накладывать отпечаток на все его философские произведения. Во-вторых, согласно статье А. Л. Фомина, проект фундаментальной онтологии включал в себя разработку не только непосредственно онтологии, но также предполагал и культурологическое расширение, на основе этой онтологии [12, с. 34—35; 37]. В связи с этим Черные тетради — это богатый и ценный материал для философского исследования исторической экзистенции в её динамике, которое еще предстоит совершить в будущем, когда, вероятно, наши ценностные идеалы претерпят ни одну культурную революцию. При всей злободневности и актуальности данной темы, к сожалению, мы считаем, что выносить приговор М. Хайдеггеру и его философским идеям рано, а потому речь в данной статье пойдет не об этом.

Методы и материалы

В данной статье мы будем руководствоваться историческим и аксиологическим нейтралитетом в отношении фундаментальной онтологии и рассмотрим одну из самых важных аксиом философии раннего М. Хайдеггера. Речь идет об онтологическом различии. Онтологическое различие — различие между сущим и бытием — устанавливается М. Хайдеггером с целью ввести в поле философского размышления бытие в качестве самоценного и единственного, по мнению М. Хайдеггера, вопроса философии. «Что есть бытие без сущего?» — так можно

резюмировать главный хайдеггеровский вопрос. Онтологическое различие в этом смысле призвано утвердить феномен бытия в качестве главной темы и проблемы, на решение которой будет ориентироваться фундаментальная онтология. С одной стороны, справедливо будет утверждать, что здесь онтологическое различие имеет формальный и даже декларативный характер. Однако в то же время этим утверждением М. Хайдеггер делает бытие феноменом проблемного смысла. По мнению М. Хайдеггера, философы всех времен всегда говорили о бытии, даже в те философские эпохи, в которые, согласно М. Хайдеггеру, эта подлинная основа и проблема философии была скрыта за тематизацией видов сущего. Бытие в данном случае выступает в качестве феномена с неисчерпаемым перманентным (непрерывным) возобновляющимся источником философского интереса. Подобная функция позволяет говорить об онтологическом различии уже не только как о формальном принципе, но и как о важном методологическом положении хайдеггеровской феноменологии.

Различие, о котором идет речь, задает двухуровневую структуру онтологии М. Хайдеггера. Структура такого типа прослеживается на всех этапах экзистенциальной аналитики — первой стадии фундаментальной онтологии. Самым репрезентативным примером этого будет различие между собственным и несобственным способом существования *Dasein*¹, к которому мы предлагаем обратиться в этой статье.

Онтологическое различие и самость *Dasein*

В описании *Dasein* М. Хайдеггер стремится фиксировать онтологические константы организации экзистенции в ее феноменологически чистом виде, в виде самопроявляющегося чистого бытия. В этом смысле, *Dasein* представляет собой модель рефлексивного самовыявления, самопорождения, поскольку область экспликации фундаментальных элементов её структуры — экзистенциалов — производится из её же собственной первичной феноменальной данности — повседневности (*Alltäglichkeit*). Анализируя

¹ Вслед за Н.А. Артёмово «Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материал «Бытия и времени)» в статье в большинстве случаев я буду использовать термин «*Dasein*» без перевода. В некоторых частных случаях используется перевод этого термина, предложенный В. В. Библихиным, «присутствие».

способ бытия Dasein в повседневности, М. Хайдеггер сталкивается с трудностью, которую можно назвать первой характерной чертой бытия Dasein — двойственность самости. Бытие Dasein в самой своей общезначимой и широкой характеристике получает у М. Хайдеггера именование бытие-в-мире. Вся совокупность интенциональных связей, обеспечивающих поддержание семантической целостности и значимости того, что Dasein называет «своим миром», формирует определенную привычку самовосприятия и самопонимания своего рода псевдосамость, некто-самость, (Man-selbst) в терминологии М. Хайдеггера. Псевдосамость является феноменологическим описанием несобственного способа существования Dasein. Несмотря на то, что она сама по себе не является целью экзистенциальной аналитики, она тем не менее является её важным, с феноменологической точки зрения, промежуточным этапом, поскольку свою организацию псевдосамость приобретает на основании подлинной самости экзистенции.

Самость является более фундаментальным пластом экзистенции и вместе с тем более темным феноменом этой онтологии. Феномен самости, наверно, занимает место самого запутанного и тавтологичного феномена экзистенциальной аналитики. Во-первых, по причине многогранности и многосоставности его конституентов. Непъемлемыми составляющими самости являются феномен бытия-основанием, бытия-виновным и онтологической возможности, которые так же имеют круг в определении, если рассматривать их с точки зрения формальной логики. Вторая трудность в феномене самости заключается в том, что все её конституенты получают описание через ссылку друг на друга или на самость — и наоборот, практически лишая самость самостоятельного определения.

Однако логический круг в определении М. Хайдеггер определяет как герменевтический круг и полагает его в качестве онтологической специфики организации Dasein. Принцип онтологического круга, который М. Хайдеггер закрепляет за экзистенцией, придает феномену подлинной самости оттенок парадоксальности. Круг и парадоксальность самости не являются для экзистенции чем-то негативным, в смысле отрицательного результата, наоборот, именно они являются её подлинной стихией, то есть феномен самости черпает свое содержание из такого рода парадоксальности и своего рода негативности. В этом можно убедиться уже на этапе своеобразного феномено-

логического эпохе несобственного способа существования Dasein — бытия к смерти (Sein zum Tode), впервые проявляющего упомянутую подлинную самость. Феномен бытия к смерти имеет ключевое значение в экзистенциальной аналитике и множество сопряженных с ним функций, которые обеспечивают онтологию радикальной самотрансформации Dasein. Тема смерти в философии М. Хайдеггера неоднократно становилась предметом исследования многих современных работ¹, однако в данной статье мы затронем только ту ее функцию, которая относится непосредственно к теме нашей статьи.

Бытие к смерти и двойственность самости

В феномене бытия к смерти М. Хайдеггер объединяет две сюжетные линии саги о восхождении Dasein. Первая касается непосредственно самой проблемы смерти и её места в решении вопроса о полноте феномена экзистенции. Смерть здесь фигурирует в контексте конечности человеческого существования как проблемы предельного опыта экзистенции. Вторую — смерть берет на себя уже в качестве обнаружения онтологического основания экзистенции Dasein в целом — временности.

Смерть в первом своем значении обгрызается М. Хайдеггером через проблему конечности. Проблема конечности человеческого существования в экзистенциальной аналитике представляет собой комплекс взаимосвязанных феноменов, посредством которых она приходит к своему феноменальному единству. В контексте этой проблемы проявляется онтологическая специфика архитектоники экзистенции в философии М. Хайдеггера. Смерть выбирается в качестве самодостаточного феномена и трактуется как понимание конца своего бытия. Здесь экзистенция сталкивается с невозможностью быть. Подобное самораскрытие становится решающим для экзистенции и несет на себе фундаментальное ее определение, поскольку смерть как самодостаточный комплексный феномен — экзистенциал — тре-

¹ Стоит упомянуть несколько работ, посвященных этой теме: Поздняков М. В. Анализ смерти как феномена экзистенции в «Бытии и времени» Мартина Хайдеггера // Альманах гуманитарных исследований. 2014. С. 13—33; Силенин И. А. Смерть как эксплицирующий свободу экзистенциал в философии М. Хайдеггера // Проблемы философии: история и современность : сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2018. С. 136—138 и т. д.

бует некоторого онтологического центра, собирающего свои составляющие воедино. В данном случае смерть обладает онтологической функцией в отношении экзистенции. Экзистенция раскрывает свое бытие как бытие, понимающее неотвратимость собственного конца. Помещая экзистенцию в ситуацию полной изолированности от интенций сформированного мира, — все его семантическое единство и ценностное значение ликвидируется (редуцируется), — смерть тем самым вынуждает экзистенцию решиться на то, чтобы выдержать это бремя понимания своего бытия в качестве ничтожного, то есть обратиться к подлинному основанию своего бытия, подлинной самости. Подобный опыт предела задает феноменальный горизонт экзистенциальной аналитики и с этого начинается раскрытие специфического региона онтологии.

В этом смысле, Dasein — это бытие с терпким послевкусием собственной ничтожности. В феномене смерти так же можно проследить онтологическое различие, которое М. Хайдеггер проводит через сравнение умирания (Sterbens), присущего исключительно Dasein, и околевания (Verenden), свойственного животному. В отличие от околевания умирание является характеристикой смерти Dasein, за которым она закрепляет статус специфического сущего. Уникальность смерти Dasein состоит в том, что перспектива расставания с жизнью становится онтологическим событием утраты бытия, где акцент ставится на бытие, а не на прекращение функций тела. Бытие Dasein на примере умирания предстает в качестве уникальной модели бытия, где бытие разыгрывается в перспективе неотчуждаемого ожидания ничто. Характерно так же и то, что Dasein только и получает собственную полную онтологическую самодостаточность, самость (Selbstheit), из такой неотчуждаемой диалектики бытия и ничто. Dasein — это образ экзистенции, выявляющейся из контрастов, из фазы перехода бытия в ничто и ничто — в бытие. Само бытие в качестве Dasein представляет собой опыт предела. Подобное балансирование на границе бытия и ничто¹ позволяет Dasein занять свое привилегированное положение в фундаментальной онтологии.

Парадоксальность ситуации, где бытие способно реализоваться только из ориента-

ции на ничто², воплощается в понятии бытие-самостью (Selbstsein) и наделяет Dasein ещё одной характерной чертой — разрыв в основании самости. Разрыв в основании проникает и на уровень экзистенциальной организации Dasein, что проявляется в различии между собственным и несобственным способом существования. Выявление себя в качестве подлинной самости, рожденной из своей смерти, обнаруживает вместе с тем и принципиальную недоступность этой самости в первичном способе бытия Dasein — повседневности, в которой Dasein существует в режиме некто-самости das Man (люди). Экзистенциальная амбивалентность, внутренний конфликт из-за неспособности быть самим собой, исходить из собственной самости, и необходимость возвращения в область повседневности проявляет такую ключевую особенность бытия-самостью, как бытие-основанием — сосуществование двух способов бытия Dasein.

Различие между некто-самостью и подлинной самостью является для Dasein фундаментальным, поскольку из этой антиномии М. Хайдеггер достигает полного определения феномена экзистенции, путем феноменологической экспликация подлинного способа существования, подлинной самости — концептуального центра идеи экзистенции. Оба этих способа бытия являются равноценными в общей структуре феномена экзистенции Dasein. Самость с необходимостью должна балансировать на грани этой раздробленности своего основания, в качестве которого была выявлена диалектика бытия и ничто. Также М. Хайдеггер наделяет самость своеобразным самоотчуждением, поскольку она обладает характером «никогда не быть из своей собственной экзистенции». Эти две ключевые характеристики наделяют самость способностью осуществлять экзистенциальный синтез противоречивого основания Dasein. Этот принцип функционирования является для неё феноменально конститутивным и структурообразующим. Собственное онтологическое содержание самость приобретает в качестве смещения. Подлинная самость является условием и экзистенциальным основанием возможности некто-самости, в способе бытия которой Dasein большей частью и существует. По своей структуре некто-самость повторяет канву подлинной самости, за тем лишь различием, что первая не способна на рефлексию, которая для второй является её основной

¹ «Вся проблема заключается в том, чтобы на грани ничто обозначить <...> это ничто, на грани пустоты начертать невидимый знак <...> пустоты, на грани безразличия сыграть по таинственным правилам безразличия». [3, с. 19].

² В данном случае «ничто» трактуется как «ничто из сущего», которому соответствует нулевая или чистая интенциональность Dasein.

задачей или, правильнее будет сказать, задачей её основания. Подлинная самость, будто на время отступает в настойчивости своего экзистенциального слома, чтобы дать возможность псевдосамости самореализоваться, но сохраняет при этом полноту (актуальность) своего онтологического значения. Она заглушает собственный голос только для того, чтобы еще громче заявить о себе. В подобном отступании, самозамещении и рефлексии в основание себя можно обнаружить эту онтологическую квинтэссенцию самости в качестве смещения.

Различие самости не только не нивелируется, но целенаправленно подчеркивается в экзистенциальной аналитике. Объединение антиномически приближенных и диалектически удаленных антагонистов происходит в конституенте бытия к смерти — зове совести. Зов совести в системе отношения «смерть — самость» является началом специфической экзистенциальной рефлексии Dasein к собственной самости, которая наделяет её функцией интеграции этих двух несовместимых режимов существования Dasein. Интеграция позволяет самости полноценно функционировать в качестве рефлексивного ядра экзистенции. Таким образом, самость как смещение и как интеграция с псевдосамостью посредством феномена совести обладает парадоксальной структурой, которая предполагает некоторую онтологическую предпосылку и обоснование такого своего строения. Подобной онтологической предпосылкой выступает, на наш взгляд, одновременность. Одновременность можно предположить в качестве первостепенной онтологической характеристики уже для целого фундаментальной онтологии на примере самости и принципа ее организации (раздробленность на подлинную самость и некто-самость), а также её полного онтологического определения, в качестве которого было указано смещение. В феномене самости было выявлено первое свойство смерти, — конечность как основание бытия Dasein — которое обнаружилось одновременно как предпосылку архитектоники самости экзистенции и Dasein в целом.

Смерть и временность

Второе значение смерти как инобытия экзистенции М. Хайдеггер закрепляет за временностью Dasein. Обнаруженное проблемное ядро экзистенциальной дилеммы Dasein возводится к основанию своего единства, к некоторой общезначимой метаструк-

туре — временности. Временность в этом смысле аккумулирует в себе проблемное содержание как экзистенциального, так и структурно-онтологического уровня. Смерть как забегающая решимость (*vorlaufende Entschlossenheit*) проявляет основание самой интенциональной структуры понимания (*Verstehen*) Dasein, т. е. основание её возможности. В понятии наброска временность раскрывается с позиции экзистенциального значения. Здесь она представляет описание закономерности поведения системы интенциональной семантики мира и экзистенции. К этой области принадлежит полная структура заботы (*Sorge*). Однако нас интересует не эта очевидная полезность временности как экзистенциального основания смыслообразования и понятийного мышления, а её собственные характеристики как системы, задающей уникальные черты этой онтологии. Черты того, что М. Хайдеггер называет «*Zeitigungsstruktur der Zeitlichkeit*» [20, с. 332] (структура временности). В структуре временности формируется принцип интенциональной связности, это особенность отличает ее как структуру. Временность определяет типы связей между семантическими элементами и их вариативность, но она не становится этими элементами и не порождает их; она только задает схему того, что мы называем миром. Временность способна формировать тип и характер связи, благодаря чему возможно понимание (*Verstehen*). Однако оригинальным и в полном смысле уникальным своим строением временность обязана вариативности, которая проявляется в способности образовывать новые семантические связи и рекомбинировать уже имеющиеся. В вариативности, которой отличается временность, можно убедиться на примере все той же амбивалентной самости.

Самость как центр экзистенции дробится, в результате чего на примере этой метаморфозы экзистенции обнаруживается различие на уровне онтологии. Первому уровню онтологии самость принадлежит в качестве некто-самости. Самоотчужденная и, в этом смысле, закрытая от самой себя, экзистенция движется в слепом предположении о мире. Создавая свой мир как нарратив¹, самость тем самым приобретает

¹ Здесь уместно и актуально будет сослаться на философскую герменевтику Поля Рикёра, которая сложилась под влиянием философии Г. Марселя, К. Ясперса, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Идея нарратива у П. Рикёра продолжает линию развития философского осмысления проблемы понимания. На наш взгляд, мир, конструируемый псевдосамостью, представляет собой нарратив в качестве

первичное феноменологическое поле самоинтерпретации — повседневность. Нарратив псевдосамости предполагает различные способы самоинтерпретации и воссоздание своего мира. В этом перманентном процессе экзистенция, время от времени выбирая себя¹, находится в положении самовоспроизводства бытия, которое выражает идею вариативности в её экзистенциальном срезе. Понятие самовоспроизводство именуется процессом возобновления и приведения в действие семантического интенционального комплекса, который М. Хайдеггер называет наброском, или проектом (Entwurf). В феномене наброска М. Хайдеггер стремится соединить идею понимания, в основе которой лежит идея гуссерлевской интенциональности, примененная к проблеме экзистенции — с утвержденным им самим тезисом о интегративной картины повествования «истории жизни», объединяющей разрозненные элементы самовосприятия и самоописания и подчиняющей их общей логике нарратива. Такой нарратив всегда является незавершенным, а потому он постоянно дополняется и рефигурируется.

¹ «Выбирать себя» в экзистенциальном плане по своему смыслу приближается к тому, что Ж.-П. Сартр называл выбором личности: «Следовательно, в том, что мы назовем миром непосредственности, который дается нашему неререфлексируемому сознанию, мы не появляемся вначале для себя, чтобы быть потом брошенными в дела. Но наше бытие находится непосредственно «в ситуации», то есть оно появляется в делах и познает себя с самого начала в том, как оно отражается в этих делах. Следовательно, мы открываемся в мире, наполненном требованиями, внутри проектов, «в ходе реализации»: я пишу, я собираюсь курить, у меня свидание вечером с Пьером, нельзя, чтобы я забыл ответить Симону, я не имею права скрывать дальше истину от Клода. Все эти незначительные пассивные ожидания реального, все эти банальные и повседневные ценности получают свой смысл, по правде говоря, от первоначального моего проекта, который является моим выбором себя в мире. Но как раз этот наш проект в направлении первичной возможности, который обуславливает существование ценностей, звонки, ожидания и вообще мир, появляется для меня только по ту сторону мира как смысл и логическое, абстрактное значение того, что мною предпринимается. В остальном конкретно существуют будильники, надписи, декларации о доходах, полицейские — столько опор против тревоги. Но как только дело удаляется от меня, как только я отсылаюсь к самому себе, поскольку я должен ожидать себя в будущем, я открываюсь сразу как тот, кто дает свой смысл будильнику, кто запрещает, исходя из надписи, ходить по газону или по грядке вокруг цветника, кто готов выполнить приказ начальника, кто решает, будет ли интерес к создаваемой им книге, кто, наконец, делает так, чтобы существовали ценности, требованиями которых определяется его действие» [11, с. 75].

первостепенной роли времени в фундаментальной онтологии, о которой философ заявил в начале своей главной работы [см. 13, с. 17—19]. Другими словами, набросок — это феномен понимания с акцентом на его темпоральность. Набросок регулирует любые отношения экзистенции, что предполагает взаимосвязи не только с миром, подручным, Другим, но также с собственной самостью. Отношение экзистенции к собственной самости в её двойственном характере с точки зрения М. Хайдеггера должно было представить феноменологически ясную картину чистой структуры экзистенции. В качестве такой чистой структуры экзистенции проявила себя темпоральность. Темпоральность воплощает в себе идею способа имманентного поведения сложноорганизованной структуры интенциональности экзистенции. К собственной характеристике темпоральности относится ее способность к модифицируемости, основанной на ней, структуры заботы и вариативности способов взаимодействия семантических кластеров наброска. Общее поведение структуры темпоральности наброска в целом говорит о самовоспроизводящем характере бытия Dasein. Dasein как структура самовоспроизводства предполагает, что она объединяет в себе и производство себя из бытия — собственной самости, и воспроизводства порядка Das Man, и самовоспроизводства себя в целом как заботу (Sorge) в объединении первого и второго, что полностью описывается имманентной структурой темпоральности. Здесь необходимо заметить, что соизмеримость и соответствие компонентов структуры самовоспроизводства Dasein, их взаимное преобразование и функциональная зависимость, составляют идею вариативности в её онтологическом смысле.

Онтологическое различие и одновременность

М. Хайдеггер помещает экзистенцию в идеальное, с точки зрения своеобразной феноменологической редукции, положение, которое называет ситуацией (Situation). Основным результатом последней — это выявление двойственной природы самости. Подобная двойственность задает экзистенции её онтологическую проблематичность, но в то же время наделяет её онтологическим преимуществом. Настоятельность временности в качестве онтологического основания экзистенции Dasein и, следовательно, самости распространяется на идею самости в целом. Структура наброска присутствует как

у подлинной, так и у неподлинной (некто-самость), самости. Временность в качестве наброска детерминирует поведение самости в виде общей для экзистенции Dasein структуры. В этом смысле временность как едиообразный принцип регулирования притязаний самости на трансценденцию¹ условно «снимает», если говорить гегелевским языком, обозначенную двойственность. Однако это справедливо только для структуры понимания, повторяющейся у обоих типов самости. Этот дуализм самости не может быть устранен на онтологическом уровне, поскольку он присущ ей по определению. Быть самостью — это быть в основании себя ничтожным, говорит М. Хайдеггер². Дуализм самости является неотъемлемой фундаментальной чертой её основания, а вместе с ним и основания Dasein. Самость обречена на такое существование, а потому её судьба заключается в постоянном чередовании обоих типов самости и балансировании на грани конфликта их интересов. Таким образом, основополагающей онтологической доминантой в вопросе структуры самости и, соответственно, экзистенции становится одновременность.

С понятием одновременности можно связать второй уровень онтологии. Одновременность — это, на наш взгляд, наиболее точная характеристика онтологии, на которой основывается идея Dasein. На примере самости были рассмотрены особенности временности как основания Dasein. Одновременность в этом контексте проявила не только экзистенциальное значение, но и более важную онтологическую роль. Одновременность есть характеристика аутентичной структуры временности, т. е. того, что М. Хайдеггер назвал «временение времен-

ности». Одновременность можно назвать наиболее удачным понятием в плане описания подлинной временности, поскольку это согласуется с хайдеггеровской идеей временности — это экстатичное единство. Временность временит в единстве своих экстазов. Единство, о котором в данном случае говорит М. Хайдеггер, складывается из определенной процессуальности, это единство во взаимодействии. Взаимодействие трех экстазов между собой составляют основу идеи единства временности. Онтологическая роль одновременности заключается в том, что она является несущим элементом идеи временности, которая обеспечивает концептуальную целостность онтологии страдающего существования, т. е. онтологии Dasein.

Понятие одновременности является переходным звеном, объединяющим два онтологических уровня. Однако возникает вопрос «в чем же суть различия и почему оно должно стать темпоральным?». Резюмируя весь представленный в этой статье анализ, можно утверждать, что экзистенциальная насыщенность феномена самости черпается из проблематики ничтожности существования Dasein. Ничтожность буквально наполняет смыслом такое существование и тем самым помещает Dasein в разряд исключительного сущего. Опыт смерти, опыт ничто, в забегавшей решимости проявляет раздробленность основания самости, в котором предельная ситуация раскрывает экзистенцию как ничто из сущего. Экзистенция — это уникальное существование, понимание этого моментально исключает человека из разряда сущего-предмета. Экзистенция в основании своего бытия есть ничто. Парадоксальность этого момента составляет основной нерв фундаментальной онтологии. Что значит «быть из ничто»? Как такое возможно? И возможно ли? Возможно. Как экзистенция. Экзистенция есть такая возможность быть ничто, но возможность, опять же, онтологическая. Экзистенция — это умирающее бытие; это бытие, уходящее в ничто и понимающее это. Dasein — это репликация бытия и ничто. И эта репликация происходит на основе одновременности. За счет понимания, которое М. Хайдеггер называет фундаментальным экзистенциалом³, экзистенция приобретает онтологическую полноту ввиду того, что она есть одновременно и бытие, и ничто.

³ «Если мы его [понимание] интерпретируем как фундаментальный экзистенциал, то тем самым указывается, что этот феномен понимается как основной модус бытия присутствия [Dasein]» [13, с. 143].

¹ М. Хайдеггер понимает трансценденцию через априористический перфект, т. е. то, что является условием возможности любого вида взаимодействия Dasein с миром. Мир в данном контексте понимается в широком смысле, под которым подразумевается четвертое определение М. Хайдеггера, которое он дает на странице 65 «Бытия и времени»: «Мир означает наконец онтологически-экзистенциальное понятие мирности [Weltlichkeit]. Сама мирность модифицируема в то или иное структурное целое отдельных “миров”, но включает в себя априори мирности вообще».

² «Будучи-основанием [Grund-seiend] <...> присутствие [Dasein] <...> никогда не экзистентно до своего основания, но всегда только из него и в качестве его. Быть основанием значит поэтому никогда в принципе не владеть самым своим бытием... Будучи основанием, оно само есть ничтожность [Nichtigkeit] самого себя, <...> будучи собой, присутствие есть брошенное сущее как самость [Selbst]» [13, с. 284].

Ничтожное основание экзистенции — временность. Временность — это интенциональная структура, описывающая поведение экзистенции посредством наброска. Однако временность является основанием экзистенции, но не бытия вообще. Следовательно, в экзистенциальной аналитике можно предположить и эксплицировать более глубокий онтологический слой фундаментальной онтологии. На эту возможность указывает и выявленное значение одновременности, которое выходит за пределы понятия временности.

Речь о временности Dasein зашла только для того, чтобы акцентировать внимание на её центральном положении в структуре Dasein. Dasein как микромодель бытия вообще с ничтожным основанием во временности предполагает, что системообразующим основанием онтологии более высокого по отношению к ней порядка будет отношение ничто и времени. Время в этом смысле подходит под требование не быть чем-то сущим. У времени нет предмета в мире, оно все же каким-то образом существует. М. Хайдеггер полагает перспективным и оправданным обратиться к главной проблеме времени — отсутствию какого-либо сущего (предмета) как проблеме онтологического статуса его существования. Исходя из этого, проблемное поле фундаментальной онтологии коренится в особенности отношения бытия и времени (ничто).

Онтологическое различие (дифференция) отнесется к разряду принципов фундаментальной онтологии, а не экзистенциальной аналитики. Цель главного тезиса статьи заключалась в том, чтобы указать на темпоральность онтологического различия. Фундаментальная онтология взяла начало в идее Dasein как модели своеобразной диалектики бытия и ничто и выявила в основании этой модели некоторую всеобщую интегральную временную метаструктуру, обеспечивающую целостность себя как структуры экзистенции, но также и проявляющую связь с уровнем более высокой онтологической компетенции. Обе эти ключевые функции временной метаструктуры сосредотачиваются в идее одновременности, как это было показано выше. Вместе с понятием одновременности фундаментальная онтология преодолевает проблематику экзистенциальной аналитики и тем самым покидает поле *только лишь* антропологии. Оставаясь связующим звеном двух уровней онтологии, одновременность тем не менее принадлежит к более высокому уровню. Одновременность — собственная характери-

стика того, что принято называть временем. В приложении к проблеме онтологического различия, можно сказать, что различие между бытием и сущим является продолжением отношения между бытием и сложным феноменом ничто, который происходит по вине времени, впервые вносящего различие. На этом первый аргумент о первостепенной темпоральности онтологического различия завершен.

1. Артеменко Н. А. Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материале «Бытия и времени») Часть 1. Хайдеггеровская версия феноменологии темпоральности человеческого бытия: вопрос о целостности Dasein // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2, №1. С. 18—26.

2. Артеменко Н. А. Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материале «Бытия и времени») Часть 2. Бытие Dasein как временность: проблемные последствия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2, №2. С. 79—87.

3. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с фр. А. Качалова. М. : Рипол классик : Панглосс, 2020. 348 с.

4. Кудря Л. В. Проблематика самоотчуждения в контексте философской герменевтики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 104—110.

5. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. М. : Прогресс-Традиция : Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.

6. Молчанов В. И. Время и сознание: критика феноменологической философии // Исследования по феноменологии сознания, М., 2007.

7. Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. М. : Академ.проект, 2015. 277 с.

8. Мотрошилова Н. В. Зачем нужен Гегель? (К вопросу о толковании Хайдеггером гегелевской философии) // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М. : Наука, 1991. С. 161—166.

9. Плотников Н. С. Абсолютный дух и другое начало. Гегель и Хайдеггер. // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 178—184. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/083/363/1223/Plotnikov_Absolyutnyj_duh.pdf (дата обращения: 23. 06. 2020);

10. Рикёр П. Время и рассказ: Интрига и исторический рассказ. Т. 1. М. ; СПб. : Унив. кн., 1998. 313 с.

11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М. : Республика, 2004. 639 с.

12. Фомин А. Л. Завещание марбургского демона. Предисловие к публикации // Х.-Г. Гадамер. Загадка времени. М. : Восход А, 2016. С. 6—47;

13. Хайдеггер М. Бытие и время, СПб. : Наука, 2006. 452 с.

14. Хайдеггер М. Гегель. СПб. : Владимир Даль, 2015. 320 с.

15. Хайдеггер М. Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности. СПб. : Владимир Даль, 2016. 496 с.

16. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.

17. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.

18. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.

19. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.

20. Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2006. 446 с.

References

1. Artemenko N.A. (2011) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 2, no. 1, pp. 18—26. [in Rus].

2. Artemenko N.A. (2011) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 2, no. 2, pp. 79—87. [in Rus].

3. Bodrijar Zh. (2020) *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva*. Moscow, Gruppa kompanij Ripol klassik, Pangloss, 348 p. [in Rus].

4. Kudrja L.V. (2009) *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, no. 101, pp. 104—110. [in Rus].

5. Mihajlov I.A. (1999) *Rannij Hajdegger: mezhdju fenomenologiej i filosofiej zhizni*. Moscow, Progress-Tradicija, Dom intellektual'noj knigi, 284 p. [in Rus].

6. Molchanov V.I. (2007) *Vremja i soznanie: kritika fenomenologicheskoi filosofii // Issledovanija po fenomenologii soznanija*, Moscow. [in Rus].

7. Molchanov V.I. (2015) *Fenomen prostranstva i proishozhdenie vremeni*. Moscow, Akademicheskij projekt, 277 p. [in Rus].

8. Motroshilova N.V. (1991) *Filosofija Martina Hajdeggera i sovremennost'*. Moscow, Nauka, pp. 161—166. [in Rus].

9. Plotnikov N.S. (1994) *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 178—184. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/083/363/1223/Plotnikov_Absolyutnyj_duh.pdf [in Rus].

10. Rikjor P. (1998) *Vremja i rasskaz: Intriga i istoricheskij rasskaz*. T. 1. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaja kniga, 313 p. [in Rus].

11. Sartr Zh.-P. (2004) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii*. Moscow, Respublika, 639 p. [in Rus].

12. Fomin A.L. (2016) *Zaveshchanie marburgskogo demona. Predislovie k publikatsii // H.-G. Gadamer. Zagadka vremeni*. Moscow, Voshod A, pp. 6—47. [in Rus].

13. Hajdegger M. (2006) *Bytie i vremja*. St. Petersburg, Nauka, 452 p. [in Rus].

14. Hajdegger M. (2015) *Gegel'*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 320 p. [in Rus].

15. Hajdegger M. (2016) *Nemeckij idealizm (Fihte, Shelling, Gegel') i filosofskaja problematika sovremennosti*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 496 p. [in Rus].

16. Hajdegger M. (2013) *Osnovnye ponjatija metafiziki*. SPb., Vladimir Dal', 592 p. [in Rus].

17. Hajdegger M. (2001) *Osnovnye problemy fenomenologii*. St. Petersburg, Vysshaja religiozno-filosofskaja shkola, 446 p. [in Rus].

18. Hajdegger M. (1998) *Prolegomeny k istorii ponjatija vremeni*. Tomsk, Vodolej, 384 p. [in Rus].

19. Chernjakov A.G. (2001) *Ontologija vremeni. Bytie i vremja v filosofii Aristotelja, Gusserlja, Hajdeggera*. St. Petersburg, Vysshaja religiozno-filosofskaja shkola, 460 p. [in Rus].

20. Heidegger M. (2006) *Sein und Zeit*. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 446 p. [in Deu].

For citing: Oleinik V.A.
Temporal justification of M. Heidegger's
ontological differentiation: simultaneity //
Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 30—39.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-30-39

UDC 111.1+115+128

TEMPORAL JUSTIFICATION OF M. HEIDEGGER'S ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION: SIMULTANEITY

Varvara A. Oleinik,

Lomonosov Moscow State University,
Post-graduate student of the Department Chair
of Philosophy of the Humanities,
Master of Philosophy.
The Russian Federation, 119192,
Moscow, Lomonosovsky Prospect, 27, building 4.
E-mail: varvara994@yandex.ru.

Abstract

Introduction. The article considers the ontological difference as a fundamental idea dividing M. Heidegger's ontology into two levels. The author proposes an explication of temporal foundations for the main principle of fundamental ontology, the ontological difference, on the basis of existential analytics of Dasein. It is assumed that the organization of Dasein is a micromodel of being in general, which is the ultimate goal of M. Heidegger's philosophical work.

The aim of the study is to explicate the phenomenon of simultaneity as the ontological basis of the temporality of Dasein as a result of philosophical analysis. The author uses hermeneutic, phenomenological and some general scientific methods such as analysis, synthesis, and abstraction.

The scientific novelty of the study. When analyzing the self as an existential center of Dasein the author reveals the ontological duality of the first and, as a consequence, of the entire model of existence. The phenomenon of existence towards death is analyzed in the context of existential gap in the centre of the Dasein self, which gives rise to different ways of Dasein being - genuine and non-genuine; the author considers and analyzes the whole structure of the temporal Dasein in the light of the thesis of the human existence finiteness. On the basis of this idea, the key role of simultaneity is revealed, which becomes the ontologically initial concept in relation to the whole Dasein system of being and, accordingly, the fundamental ontology. It is suggested that the ontological difference is based on the more fundamental principle of temporal synthesis.

Results. The author presents a model of Dasein existence structure on the basis of the dual nature of the self, with the simultaneity belonging to the ontologically determining specificity of the organization.

Conclusions. The temporal justification of ontological differences reveals a feature of fundamental ontology, which consists in a specifically transformed dialectic of being and nothing. The study shows that fundamental ontology offers an atypical approach to the problem of time.

Key concepts:
temporality,
ontological difference,
self,
Dasein,
self-reproduction.

Для цитирования: Антонюк В. С., Кремер Д. В. Экономический потенциал крупных муниципальных образований: теоретические и методологические подходы к анализу // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 40—55. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-40-55.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-40-55

УДК 332.14

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРУПНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

Антонюк Валентина Сергеевна,

Южно-Уральский государственный университет, заведующий кафедрой экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления, доктор экономических наук, профессор. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76. e-mail: antoniukvs@susu.ru

Кремер Дарья Викторовна,

Южно-Уральский государственный университет, ассистент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76. e-mail: kremerdv@susu.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению подходов к рассмотрению крупных муниципальных образований и их экономического потенциала. Отмечается, что крупные муниципальные образования в современных условиях имеют полифункциональную

структуру, в силу чего предлагается междисциплинарный подход к их исследованию. В статье рассмотрены такие подходы к анализу крупных муниципальных образований, как философский; исследование с позиций социально-гуманитарных наук (политологический, социологический, психологический, историографический и этнографический подходы). Проведен анализ крупных муниципальных образований с позиций географического подхода; урбанизационной теории; градостроительства и архитектуры. Отдельно исследована проблема изученности крупных муниципальных образований в юридических науках. Использование экономического подхода показало, что в основе урбанизации и возникновения крупных муниципальных образований находятся три эффекта: сравнительное преимущество, эффект концентрации, эффект локализации. Осуществлена классификация крупных муниципальных образований. Предложен системный подход к анализу крупных городов, представляющий единство: функционального подхода, методологии открытых систем и факторного подхода. В качестве последнего предлагается понимать экономический потенциал города, который означает возможность эффективного использования и максимального включения имеющихся ресурсов в общественное воспроизводство для удовлетворения потребностей населения муниципалитета. Обосновывается классификация экономического потенциала крупного муниципального образования, состоящая из ресурсного (базового и использованного), инновационного и инфраструктурного потенциалов.

Ключевые понятия:

крупное муниципальное образование, экономический потенциал, ресурсный потенциал, инновационный потенциал, инфраструктурный потенциал.

Введение

Уникальным пространственным и социально-экономическим феноменом цивилизации является зарождение, становление и развитие городов. Именно в их пределах концентрируется значительное количество факторов производства (труда, капитала, предпринимательской способности), которые становятся драйвером производственной деятельности близлежащих территорий, а также стимулом развития социальной сферы и культурных традиций региона.

Город представляет собой «относительно самостоятельную, юридически оформленную, сложную динамическую территориальную и социальную систему, в которой воспроизводятся экономические, социальные, политические, идеологические, управленческие, демографические, этнические, экологические, правовые, градостроительные, градообслуживающие и другие отношения» [18].

Объективные процессы урбанизации на определенном этапе привели к формированию крупных городов, которые имеют, по самой часто употребляемой классификации, численность населения — более 500 тысяч человек.

Функционирование крупных городов в современных условиях представляет собой динамичный и весьма многоплановый процесс. Деятельность города может быть направлена на обслуживание не только эндогенных (внутренних) связей, направленных на удовлетворение потребностей населения, предприятий и организаций города, но также и на реализацию экзогенных, внешних связей (экономических, научных, административных и пр.), в результате чего город решает свои задачи в региональном и общенациональном разделении труда.

Полифункциональность города предполагает междисциплинарный подход к его исследованию. Поэтому крупные города всегда находились в центре внимания ученых многих наук. С этой точки зрения целесообразно использовать методологию системного подхода к изучению крупных муниципальных образований и их экономического потенциала.

С общеметодологической, философской точки зрения городское пространство представляет собой всеобщую форму существования материальных объектов и процессов, которому присущи следующие признаки: протяженность, т. е. сосуществование различных элементов; структурность различных экономических систем; связанность и

непрерывность, сочетающаяся с относительной прерывностью, т. е. отдельным существованием объектов экономических систем.

Специфика существования города как социума, т. е. особой формы концентрации людей, связанных между собой тысячами нитей привела к тому, что город становится объектом пристального изучения целой совокупности **социально-гуманитарных наук**: политологии, социологии, психологии, историографии, этнографии и пр.

С точки зрения политологии город выступает «центром, стягивающим вокруг себя социальное пространство. На него направлены материальные и социальные ресурсы региона, от него исходят каналы цивилизационного влияния на сельскохозяйственную округу. Это позволяет говорить об особой властной природе города, его роли как субъекта социально-политических отношений» [45]. При этом в условиях федеративного государства, каким является Российская Федерация, целесообразно использовать различные уровни политического исследования. Так, на макроуровне принято связывать политическое развитие города с политическим развитием общества в целом. На мезоуровне город отождествляется с политикой региона (субъекта Федерации). И на микроуровне, город рассматривается в рамках муниципальной политологии.

Социология города является отраслью социологии, изучающей «генезис, сущность и общие закономерности развития и функционирования города как элемента целостной системы социально-пространственной организации общества, как типа поселения»¹. Социологические исследования городов начались в первой половине XIX века как реакция на усиление социального неравенства между различными группами горожан [9]. За последние два столетия социологические теории городов претерпели следующую эволюцию:

1. Социография — направление, которое изучало социальные явления, используя методы наблюдения и статистики. Виднейшим представителем этой школы был французский социолог Ф. Ле Пле (1806—1882 гг.) [23].
2. Марксистский методологический подход, согласно которому процесс формирования капиталистического способа производства сопровождался становлением городов, в отличие от

¹ Национальная социологическая энциклопедия. URL: <http://voluntary.ru/termin/sociologija-goroda.html#item-13218>.

феодалного способа производства, характеризующемся аграрными отношениями [30].

3. Социальное картирование городских районов, основателем которого был Ф. Энгельс, а в дальнейшем оно было продолжено английским ученым Ч. Бутом (1840—1916 гг.), который впервые ввел в науку понятие «черта бедности» [46].
4. Изучение города как административно-политической системы [10].
5. Чикагская социологическая школа, лидером которой является виднейший социолог Р. Парк, изучавший городские процессы на стыке естествознания и обществознания и считавший город «наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» [36].
6. Социологические теории городов, которые основываются на архитектурном пространстве как решающем социокультурном градообразующем компоненте. Ведущими его представителями являются: европейский ученый Х. Делитц и др. [15]

С точки зрения психологического подхода в фокусе внимания ученых находится проблема городской идентичности [39]. Исследователи изучают место территориальной идентичности в структуре идентификаций индивида с другими группами [20], межличностные отношения горожан и их отношение к городу [7], особенности городской ментальности [17], ценностные ориентиры горожан [12], особенности городской идентичности [31] и территориальной идентичности [43].

С точки зрения историографического подхода муниципальное образование предстает как совокупность общественно-экономических, административно-управленческих и социокультурных связей, сложившихся в результате деятельности человека, где формирование жизненного пространства человека с определенным общественным укладом выступает в качестве его сущности [16].

Следует выделить также **этнографический подход** к анализу городов, который является относительно новым в этнографической науке и изучает народы-этноты и другие этнические образования, их происхождение (этногенез), состав, расселение, культурно-бытовые особенности в процессе урбанизации. Так, с позиций одного из ученых-этнографов советского периода М. Г. Рабиновича город является «местным

экономическим и культурным центром, относительно крупным поселением, с более сложным, чем у сельских поселений, социальным и этническим составом жителей, большинство которых занято в производстве для обмена и в обмене, что порождает совокупность особенностей домашнего и общественного быта, отличающих городской образ жизни» [38]. В современных условиях общепризнано, что в качестве компонентов городской культуры выступают хозяйство, материальная культура, общественно-культурная среда и досуг горожан, конфессиональное состояние и праздничная жизнь. С позиций этнологического подхода крупные муниципальные образования представляют собой города с разнообразной этнической структурой, со сложнейшим синтезом культурных подсистем, носителями которых выступают разные этнические, конфессиональные и социальные группы горожан [19].

Наиболее ранние исследования городов начались **в географии**. Например, словарь общегеографических терминов определяет город как «грандиозное по времени существования и занимаемой площади объединение людей и строений, отличающееся особым рода деятельностью». «Особого рода деятельность» указывает на ее коренное несходство с сельским хозяйством¹. Следует отметить, что понятие города в данной трактовке выходит за административные границы и связывает с городом и близлежащую территорию, зависимую от него. Значительный вклад в развитие методологических положений теории города был внесен такими географами, как Е. Г. Анимица [3], Г. М. Лаппо [25], И. М. Маергойз [28] и др. Географическое положение крупных муниципальных образований является решающим фактором его развития, поскольку оно определяет положение города:

- по отношению к источникам сырья и энергии;
- по отношению к источникам сельскохозяйственного сырья;
- относительно транспортных магистралей и узлов;
- по отношению к рынкам поставки товаров и сбыта услуг;
- информационно-географическое — по отношению к линиям связи и научно-информационным центрам и пр. [3]

В рамках географического подхода следует выделить **урбанизационную теорию, объясняющую** возникновение городских

¹ Словарь общегеографических терминов / под ред. Д. Стампа. М., 1975. 408 с.

агломераций. На локальном уровне появляются положительные агломерационные эффекты (экономия масштаба) в виде экономии на производственных, транспортных и других расходах, содействуя местному развитию процесса урбанизации.

Весьма важным является оценка урбанизации с помощью системы количественных и качественных показателей, которую предлагают Е. Г. Анимича и Н. Ю. Власова. К ней относятся:

- величина и удельный вес городского населения;
- появление новых городов и качественное изменение ранее сложившихся;
- плотность городского населения и плотность городов;
- ускоренное развитие больших городов (удельный вес населения, проживающего в больших городах, и удельный вес больших городов в общем количестве городов);
- направления и размеры миграционных потоков (деревня — малый город- крупный город- пригород);
- формирование и развитие городских агломераций, мегаполисов [3].

Основным методологическим подходом **градостроительной науки** к исследованию развития города является подход, который состоит в том, что муниципальное образование рассматривается как саморазвивающаяся, динамичная среда, где жизнь городского сообщества основана на тесном целостном взаимодействии экономической, социальной и экологической сфер города [18]. Муниципальное образование как объект **градостроительства и архитектуры** представляет собой сложный комплекс жилых и общественных зданий, промышленных предприятий, коммунальных сооружений, улиц и площадей, транспортных устройств, мест отдыха, зеленых насаждений и водных пространств¹. Представители этой науки имеют в большей степени возможность разработать и реализовать свои планы и проекты на практике посредством городского проектирования, представленного в виде генеральных планов и схем территориального планирования муниципальных образований.

С позиций юридической науки следует отметить, что в современных условиях отсутствует законодательно закрепленное определение понятия «город». Данный

термин используется в различных нормативно-правовых актах (земельном, градостроительном кодексе), но отсутствует его значение в строго определенном, юридическом, смысле слова. В Федеральном законе № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закреплено понятие «муниципальное образование». При этом понятие «город» входит в понятие «муниципальное образование», однако под определение муниципального образования подпадают и те населенные пункты, которые, по сути, не являются городами. Так, согласно Федеральному закону № 131, под муниципальным образованием признается городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения². На территории муниципального образования осуществляется местное самоуправление, имеется муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления. Таким образом, мы выделяем еще один подход к определению города, правовой.

В экономической науке методологические основы функционирования городов в рыночных условиях были заложены одним из признанных зарубежных ученых — Артуром О’Салливаном, занимающимся проблемами экономики городов, который считал, что в основе концентрации рабочих мест в городах лежит три основные причины:

- 1) сравнительное преимущество, которое делает выгодным торговлю между регионами, а она, в свою очередь, вызывает развитие рыночных городов [33];
- 2) внутренний эффект масштаба производства, позволяющий предприятиям производить продукцию более эффективно по сравнению с отдельными людьми, в силу чего происходит развитие городов [33];
- 3) эффект концентрации производства, который, в свою очередь, делится:
 - на эффект локализации, приносящий выгоды отдельным предприятиям города за счет расширения возможности:
 - использовать эффект масштаба производства промежуточных производственных факторов;

¹ Что такое Город? Терминология и классификации. URL: <http://integross.net/что-такое-город-terminologiya-i-klassifikacii>.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019).

- активизировать рынок труда;
- быстрого перелива знаний, обмена информации и технологиями;
- эффект урбанизации, который приводит к снижению производственных затрат фирмы по мере роста совокупного объема производства на территории города [33].

Современная экономическая наука предлагает **классификацию городов** исходя из множества критериев:

- 1) по экономико-географическому положению: крупные города делятся:
 - на группы, расположенные в узлах пересечения транспортных путей (г. Новосибирск);
 - группы, расположенные в крупных добывающих районах (г. Тюмень);
 - группы, расположенные в районах с развитой обрабатывающей промышленностью (г. Екатеринбург, г. Челябинск);
 - группы, расположенные в районах интенсивного сельского хозяйства (Краснодар);
- 2) по функциональному признаку, т. е. по отраслевой структуре, определяющей структуру занятости, а также профиль производственной деятельности градообразующих предприятий. Таким образом можно выделить:
 - административные центры территорий (г. Томск, г. Иркутск);
 - промышленные (г. Набережные Челны, г. Новокузнецк);
 - ресурсодобывающие города (г. Магнитогорск, г. Норильск);
 - агропромышленные города (города в Центрально-Черноземной зоне, на Северном Кавказе);
 - транспортные узлы и порты (г. Владивосток, г. Новосибирск);
 - города-курорты (г. Сочи, г. Анапа);
 - наукограды (г. Королёв, г. Мичуринск);
 - закрытые административно-территориальные образования (г. Трехгорный, г. Озерск и пр.).

В итоге все российские города делятся на монофункциональные, в которых преобладающей является одна функция и многофункциональные, в которых происходит сочетание комплекса функций (экономических, административно-политических и культурных функций). В основном это крупные города, являющиеся центрами своих регионов с широкими и разнообразными

связями. Эти различия отражают масштабность градообразующих функций (деятельность города, направленную на обслуживание внегородских связей — экономических, культурных, научных, административных), выполняемых городом;

- 3) по людности. На основе Градостроительного кодекса РФ можно выделить следующую классификацию городов по численности населения:
 - малые (до 50 тыс. чел.);
 - средние (50 — 100 тыс. чел.);
 - большие (100 — 250 тыс. чел.);
 - крупные (250 тыс. — 1 млн чел.);
 - крупнейшие (более 1 млн чел.).

В качестве объекта анализа в нашем исследовании приняты крупные города с численностью населения более 500 тыс. жителей (таких на сегодняшний день насчитывается — 34);

- 4) в зависимости от степени участия в территориальном разделении труда города подразделяются на участвующие:
 - в местных связях;
 - внутрирайонном разделении труда;
 - межрайонном разделении труда;
 - международном разделении труда.

Все многообразие указанных подходов к классификации городов носит весьма условный характер. В действительности крупные города намного разнообразнее и представляют вполне конкретный симбиоз этих свойств, в силу чего каждый город имеет свое неповторимое лицо.

В качестве объекта нашего исследования будут являться крупные муниципальные образования с численностью населения более 500 тыс. жителей, активно участвующие в территориальном разделении труда и имеющие экономику со значительной отраслевой диверсификацией, что придает им многофункциональный характер.

Подобные территориальные образования отличаются как **положительными, так и отрицательными особенностями** [4]. Положительные эффекты крупных муниципальных образований в экономической сфере проявляются в том, что:

- реализуются выгоды экономии за счет увеличения масштабов производства локальных естественных монополий;
- развивается производственная и социальная инфраструктура (система городского транспорта, здравоохранения, образования и пр.);

- формируется емкий рынок частных и общественных товаров и услуг;
- осуществляется концентрация научно-технических ресурсов и идет активное внедрение инноваций и пр.

В социальной сфере благоприятные эффекты проявляются в том, что происходит:

- привлечение квалифицированных работников в сферу общественного сектора, что стимулирует научно-технический прогресс;
- предоставление разнообразных видов культурной деятельности, обеспечивает высокий уровень досуга;
- интенсивная передача знаний, в силу чего город предстает как «машина контактов» и генератор социально-экономических инноваций.

Однако, в процессе урбанизации и укрупнения городов проявляются и их **негативные характеристики**, проявляющиеся:

- в усложнении транспортных связей;
- удаленности объектов коммуникации, что вызывает возрастание их средней стоимости;
- ухудшении использования жилого фонда;
- загрязнении окружающей среды;
- усилении неравномерности распределения налоговой базы по территории города, что, соответственно, увеличивает разрыв в доходах центра и периферии.

В социальной сфере отрицательные моменты урбанизации и укрупнения муниципальных образований проявляются:

- в росте расстояния до объектов социальной инфраструктуры;
- увеличении транспортной усталости в связи с увеличением времени передвижения от дома до работы и наоборот;
- возникновении кризисных районов и росте преступности.

Крупные муниципальные образования представляют сложные экономические территориальные системы, являются особыми территориальными социально-экономическими образованиями, имеющими свои движущие силы и свои закономерности развития. Поэтому необходимо применение **принципов системного анализа (функционального, методологии анализа открытых экономических систем, факторного)** при их исследовании и классификации.

Функциональный подход делает упор на ключевых функциях, выполняемых муниципальной экономикой. Так, на основании мнения некоторых авторов, городом

является населённый пункт, который выполняет различные функции: промышленные, транспортные, торговые, научные, культурные, административно-политические или курортные и соответствует определенным требованиям, установленным законодательством данной страны (размер, структура населения, характер застройки и благоустройства)¹.

Функциональный подход к исследованию крупных городов состоит в том, что в основе развития городского хозяйственного комплекса лежит его специализация на производстве определенного вида товаров и услуг, сложившая исторически в процессе территориального разделения труда. В соответствии с этим выделяют, как правило, две группы отраслей: отрасли специализации (градообразующие) и отрасли обслуживающие (градообслуживающие), каждая из которых выполняет свой набор функций.

Основу муниципальной экономики образуют **отрасли специализации**, поскольку они:

- отличаются высокой концентрацией в муниципальном образовании;
- занимают лидирующее положение за счет того, что созданная ими добавленная стоимость реализуется за пределами муниципального образования, обеспечивая тем самым поток денежных средств, подпитывающих городской экономической кругооборот;
- обладают мультипликативным эффектом, оказываемым влияние на уровень развития всех других отраслей и, соответственно, на состояние городской экономики в целом.

Градообразующие отрасли обеспечивают в значительной степени и состояние социальной сферы, поскольку от реализации их продукции зависят доходы населения. Кроме того, указанные отрасли играют также ключевую роль и в политической сфере, определяя политический «профиль» города и его позицию в решении городских задач в системе региональных и национальных приоритетов.

В противовес отраслям специализации, **градообслуживающие отрасли** муниципального образования обслуживают потребности основных субъектов города: градообразующих отраслей хозяйства и населения. Главным образом к ним относятся отрасли производственной (строительство, связь, транспорт и пр.), социальной

¹ Справочник технического переводчика. М. : Интент, 2009—2013.

(образование, здравоохранение, культура и пр.) и рыночной (торговля и пр.) инфраструктур. Значение этих отраслей в экономическом состоянии муниципального образования весьма значительно, поскольку созданная ими добавленная стоимость реализуется в пределах города, в силу чего происходит локализация денежных потоков в городской экономике.

В социальном плане градообслуживающие отрасли решают комплекс функций, удовлетворяющих потребности населения в социальной инфраструктуре (образование, здравоохранение, культура, физкультура и пр.).

Функциональная структура города воздействует на его развитие, особенно на состав населения, его качественные и количественные характеристики (квалификацию, половозрастной состав и др.). По мнению некоторых авторов, существует прямая зависимость между количеством и масштабом функций, выполняемых городом, и численностью его жителей. Как правило, многофункциональные города отличаются большей людностью и быстрым ростом населения [6].

Следует отметить, что по мере роста муниципальных образований многократно усложняется количество их функций, происходят процессы отраслевой диверсификации муниципальной экономики, которые в значительной степени влияют на динамическое развитие города, в частности, на его жизненный цикл. Под последним понимается последовательность сменяющих друг друга фаз зарождения, роста, зрелости и спада. На наш взгляд, стоит согласиться с научным утверждением И. Д. Тургель, которая считает, что в основе цикличности развития любого города лежит его функциональная специализация, обеспечивающая взаимодействие внешней среды и основных элементов городской экономики [47]. На этом основании она делает вывод о том, что жизненный цикл города предопределен жизненным циклом его градообразующего предприятия. Как правило, крупные муниципальные образования характеризуются более высоким уровнем диверсификации экономики, а значит их жизненный цикл зависит от целого комплекса предприятий-локомотивов, определяющих промышленное «лицо» города. В силу этого обеспечивается более значительное взаимодействие с внешней средой, в силу чего происходит приток денежных средств в город, что расширяет возможности крупного муниципального образования увеличить время своего подъема.

Следующая особенность крупных муниципальных образований заключается в том, что они являются **открытыми системами** вследствие того, что значительная часть доходов населения не принимает форму потребительских расходов, а направляется на покупку товаров и услуг, созданных за пределами города (другими регионами страны и за границей). В силу этого необходимо применить **методологию анализа открытых систем** к их исследованию и, прежде всего, корректировку коэффициента мультипликации путем введения в исследование особого показателя — предельной склонности населения к покупке товаров и услуг, созданных за пределами городской экономики.

Итак, вследствие более открытого характера городской экономики сила мультипликационного эффекта значительно меньше, чем в национальной и региональной экономиках. Этот факт имеет исключительное важное значение для городских органов власти, поскольку в практическом плане он означает, что:

- крупные города слабее реагируют на изменение экзогенных и эндогенных факторов, чем регион и страна в целом;
- экономика города более устойчива к изменению хозяйственной конъюнктуры;
- небольшое значение мультипликатора означает, что с помощью более значительных расходов можно стимулировать экономический рост города.

Следующим подходом к анализу крупных муниципальных образований является **факторный подход**, задача которого состоит в определении факторов, воздействующих на экономическое развитие крупного города. К ним, прежде всего, относятся следующие:

1. Географическое положение города и природные богатства — представляют собой базовый фактор развития муниципалитета во времени и в пространстве, кроме того он определяет и отраслевую структуру его производства.
2. Демографический фактор, для которого важны такие характеристики, как: динамика численности населения; отраслевая и половозрастная структуры занятости населения; уровень безработицы; возрастной и половозрастной состав горожан; уровень квалификации кадров города; особенности миграционных потоков. Ограниченность демографической базы

влияет на стягивание населения в крупные центры из сельской местности, что приводит к их обезлюдению. Демографические показатели в городе по сравнению с сельской местностью меняются (снижается уровень рождаемости, уменьшается средний размер семьи, увеличивается число разводов, «старение» населения), что приводит к значительной дифференциации демографических процессов в городах различных размеров и функциональных типов, а также в пределах крупных городских агломераций.

3. Общественно-политический фактор, характеризующийся спецификой общественно-политической среды, степенью преемственности власти, уровнем доверия и поддержки населения органов местного самоуправления, взаимоотношений городских органов власти с властями субъекта Федерации и пр.
4. Фактор сотрудничества города с городами внутри страны и за ее пределами. Характеризует интенсивность этих связей, а также результативность участия города в деятельности сетевых организаций и союзов городов, активности проведения мероприятий российского и международного уровня, планируемых крупных проектов и пр.
5. Экологические факторы развития крупных городов, поскольку концентрация населения и производства оказывают негативное влияние на состояние окружающей среды. Для снижения такой концентрации на основании учения Б. Б. Родмана (1974) была предложена модель поляризованного ландшафта, при которой крупный город и естественная природа разделяются промежуточными функциональными зонами — сельскохозяйственной, рекреационной — таким образом, чтобы искусственная среда постепенно переходила в естественную [41]
6. Градостроительно-планировочные факторы — представляют собой существенный резерв рационального освоения в инженерном отношении городского пространства для углубления процесса урбанизации.

Как видно из факторного анализа, решающим фактором экономического развития крупного муниципального образования

является его **экономический потенциал**. Термин «потенциал» произошел от латинского «*potentia*», что означает мощь, силу, власть, могущество, возможность. В естественных науках, под потенциалом понимается «возможность объекта совершить некоторую работу под воздействием определенных сил. Таким образом, потенциал не то, что выявлено, а то, что есть в скрытом виде и может быть проявлено при определенных условиях» [22]. В экономической литературе понятие «потенциал» используется для описания различных явлений. Можно встретить понятия экономического, производственный, трудовой, ресурсный, инновационный, инфраструктурный и множество других видов потенциала.

В экономической литературе можно выделить следующие подходы к классификации потенциала. По видам хозяйствующих субъектов его можно разделить на экономический потенциал:

- национальной экономики;
- региона;
- муниципального образования;
- предприятия.

Для начала рассмотрим понятие экономического потенциала на уровне национальной экономики. Ряд авторов (Н. М. Громова, Н.И. Громова [14], Т. Г. Ошуркова [35], Б. М. Мочалов, Ф. М. Русинов, Д. К. Шевченко и др [32]) **придерживаются мнения, что экономический потенциал национальной экономики** — это совокупная способность всех отраслей производить промышленную, сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство, перевозить грузы, оказывать услуги населению и т. д. При этом Т. Г. Ошуркова привязывает эту способность к конкретному временному промежутку, в котором проводится анализ экономического потенциала [35]. Еще одну трактовку экономического потенциала предлагает С. С. Линевич и рассматривает его как «совокупность потенциалов, характеризующих наличие и уровень использования ресурсов» национальной экономики [26]. Нередко экономический потенциал представляют как сумму ресурсов, имеющихся в стране, при помощи которых можно произвести максимальный валовый внутренний продукт [1]. Интересен еще один подход, в котором экономический потенциал связывают с национальным богатством¹. При этом одни авторы представляют его как часть

¹ Методологические положения по статистике. Вып. 1, 2, 3, 4, 5 // Федеральная служба государственной статистики.

национального богатства, поскольку он не создает природных ресурсов, а использует их для создания благ [29], а другие, наоборот, национальное богатство включают в состав экономического потенциала, отождествляя его с ресурсами, необходимыми для производства и которые являются частью потенциала [37].

Из представленных трактовок можно сделать вывод, что потенциал национальной экономики выступает как своеобразный интегральный показатель, объединяющий потенциалы или показатели различного уровня обобщения (потенциал отраслей, потенциал регионов, различных структурных элементов, совокупность ресурсов).

Если говорить об экономическом потенциале более низкого порядка (региональном), то его изучением занимались следующие отечественные ученые: Б. П. Плышевский, А. В. Тодосийчук, Ю. С. Лычкин, А. Н. Цыгичко, И. Лукинов, А. Ю. Чаленко, Ф. М. Русинов, Д. К. Шевченко, М. Ц. Будажданаева, С. Н. Растворцева, В. В. Печаткин, Е. А. Илларионова, Н. О. Аблова. Исследование их трудов позволяет выделить два подхода к трактовке экономического потенциала региона:

- 1) одни авторы, как и в случае с экономическим потенциалом национальной экономики, считают, что это набор имеющихся в наличии ресурсов [27; 45];
- 2) другие также определяют экономический потенциал как набор ресурсов, но уточняют, что использование ресурсов должно сопровождаться появлением результата экономических и производственных отношений между субъектами хозяйственной деятельности [8; 32; 50]. К этой же группе относятся авторы, которые идентифицируют экономический потенциал с набором ресурсов, который можно мобилизовать и максимально использовать для удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколений [2; 40].

Таким образом, авторы рассматривают экономический потенциал региона с точки зрения набора ресурсов или с позиции достижения определенного результата (удовлетворения потребностей населения, максимизации объемов выпуска и др.). Складывается два подхода: ресурсный и результатный. Однако тот и другой подход фокусирует свое внимание на ресурсную составляющую, которая определяет размер потенциала региона.

Следует отдельно рассмотреть подход к изучению экономического потенциала под углом зрения возможностей и способностей. При этом возможность представляет совокупность условий, позволяющих сделать что-либо, добиться чего-либо. С позиции возможности под потенциалом понимаются «совокупные возможности субъектов территории формировать доходы населения, определяющие уровень его жизни в процессе производственно-хозяйственной деятельности» [49], либо «выявленные ресурсные возможности социально-экономического развития, которые должны максимально удовлетворять потребности местного сообщества». Следует подчеркнуть, что в данном случае отождествляются понятия «возможности», «средства» и «ресурсные возможности», в силу чего данный подход можно считать аналогичным рассмотренным выше результатному и ресурсному подходам. Так, например, М. Т. Шафиков считает, что «потенциал — это совокупность средств, возможностей в какой-нибудь области. А возможность — это благоприятное обстоятельство, при котором можно что-то сделать» [51]. Акцент на ресурсные возможности делает и Т. С. Романишина, утверждая, что «потенциал территории — это комплексное состояние системы территории, включая все настоящие ресурсные возможности, а также пути их использования в целях получения дополнительного социально-экономического эффекта» [42].

С позиции способностей территории потенциал рассматривается как совокупная способность экономики муниципального образования осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления, обусловленную существующими ресурсами и условиями их использования¹. К такому определению близко другое: «Потенциал — это совокупная способность производственных систем, находящихся в границах данного региона, производить материальные блага и удовлетворять общественные потребности, обусловленная существующими ресурсами и условиями их использования» [34]. Следует отметить, что данный подход также акцентирует внимание на значимость ресурсной базы для формирования способности экономики осуществлять производственную деятельность.

¹ Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М. : Ин-т новой экономики, 2010. С. 706.

Трактовки категорий «экономический потенциал региона» и «экономический потенциал муниципального образования» представляются весьма схожими, в основе их отличий находится размер объекта, о котором идет речь. На этом основании рассмотренные подходы можно применить и при определении экономического потенциала на уровне муниципалитета. Система методологических подходов к определению категории «экономический потенциал муниципального образования» представлен в табл. 1.

На наш взгляд, при определении экономического потенциала крупного муниципального образования наиболее обоснованным является акцент на его ресурсную составляющую, поэтому *под экономическим потенциалом крупного муниципального образования*, на наш взгляд, следует понимать возможность эффективного использования и максимального включения имеющихся ресурсов в общественное воспроизводство для удовлетворения потребностей населения муниципалитета. Данное определение позволяет нам подчеркнуть тот факт, что на-

личие одних только ресурсов без возможностей их реализации в условиях конкретной территории не позволяет ресурсной базе муниципалитета служить фактором его экономического развития [5].

Изучая экономический потенциал и подходы к его определению, можно заметить что он выступает решающим фактором, влияющим на развитие территории. Наличие и степень реализации экономического потенциала муниципального образования детерминирует его возможность к росту и развитию.

На наш взгляд, совокупность элементов, составляющих экономический потенциал муниципального образования, можно структурировать следующим образом (рис. 1):

- ресурсный;
- инфраструктурный;
- инновационный.

Под ресурсным потенциалом крупного муниципального образования понимается совокупность ресурсов, которые используются или же могут быть задействованы в производстве товаров и услуг. К ресурсам в данном случае относятся: природные

Таблица 1

Методологические подходы к определению категории «экономический потенциал муниципального образования»: системный анализ

Ресурсный подход	
Т. Г. Краснова, Е. А. Балабанова [24]	«Выявленные ресурсные возможности социально-экономического развития, которые должны максимально удовлетворять потребности местного сообщества и вывести муниципальное образование на совершенно новый уровень конкурентоспособности»
Р. Я. Умяров [48]	«Совокупность материальных и нематериальных возможностей, позволяющих муниципалитету осуществлять управляющее воздействие и решать социальные и экономические проблемы территории»
А. Б. Грачев [13]	«Совокупность возможностей природного и социального характера, определяющих развитие или ограничивающих его развитие, приводящих к стагнации муниципального образования»
Е. Г. Коваленко [21]	«Трудовые ресурсы — основной источник экономического потенциала, которым является постоянное население в трудоспособном возрасте»
Результатный подход	
Т. С. Романишина [42]	«Ресурсы, а также возможности их использования и способность их применения к приумножению эффекта развития системы»
Н. О. Аблова [2]	«Выраженная в денежном измерении стоимость ресурсов города как актива, полученная через оценку будущих экономических выгод за вычетом сопутствующих затрат и показывающая возможный прирост «чистых доходов», которые могут быть вовлечены в экономику и возникающих в результате принятия управленческих решений»
Н. В. Галкина, Б. В. Савенков [11]	«Совокупные способности и возможности социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов, которые в процессе функционирования обеспечивают создание добавленной стоимости»
О. Н. Устюжина [49]	«Результат экономических и производственных отношений между субъектами хозяйственной деятельности»

Структура экономического потенциала

ресурсы, население (трудовые ресурсы), капитальные ресурсы (средства труда) и материальные ресурсы (предметы труда).

Ресурсный потенциал является фундаментальным элементом, от которого зависят все сферы жизни общества. Он складывается на основе сочетания сложившихся природных условий территории, а также органически связанных с нею трудовых и материально-технических ресурсов, образующих либо благоприятные, либо неблагоприятные условия сферы производства. Таким образом, ресурсный потенциал — это больше, чем просто ресурсы.

При этом особо подчеркнем, что ресурсный потенциал следует рассматривать с позиции реализации как ресурсный-базовый и ресурсный-используемый потенциал (см. рисунок). Ресурсный базовый потенциал представляет собой всю совокупность имеющихся ресурсов в границах крупного муниципального образования, которые могут быть задействованы в общественное воспроизводство при данном уровне развития территории. Под ресурсным используемым потенциалом понимается совокупность реализованных на данный момент времени ресурсов муниципального образования. Таким образом, первая трактовка ресурсного потенциала характеризует наличие ресурсов, а вторая — их использование.

Следующим структурным элементом экономического потенциала крупных муниципальных образований является инновационный потенциал. Под ним мы будем понимать возможность и способность территории самостоятельно формировать и использовать инновационные ресурсы (научно-технические, финансовые, правовые, технологические, социокультурные и др.), необходимые для ее развития, что позволит создавать, распространять и использовать различного вида новшества (технологии, разработки, новые виды товаров и услуг).

Следует отметить, что крупные муниципальные образования обладают серьезными возможностями для расширения своего инновационного потенциала в следствии значительной концентрации в них высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов и прочих структур. Наличие в достаточном количестве всевозможных ресурсов, а также наличие обслуживаемой инфраструктуры представляет собой готовность и способность крупных муниципальных образований к реализации инновационных проектов.

Последний элемент экономического потенциала крупного муниципального образования — инфраструктурный, который является своеобразным связующим звеном между ресурсным и инновационным потенциалами. На наш взгляд, под инфраструктурным потенциалом крупного города следует понимать совокупность объектов инфраструктуры, обеспечивающих для территории условия для производства, обращения товаров и жизнедеятельности людей с учетом рационального использования ресурсов. К объектам инфраструктуры относятся: производственная (транспортная, телекоммуникационная, энергетическая, инфраструктура водоснабжения и водоотведения), социальная (сферы здравоохранения, образования, культуры и пр.) и рыночная инфраструктуры.

Экономический потенциал оказывает решающее воздействие на социально-экономическое развитие крупных муниципальных образований, поскольку:

1. Ресурсный потенциал является исходным условием, определяющим дальнейшее социально-экономическое развитие территории. Наличие ресурсов (природных, трудовых, капитальных) определяет специализацию и место крупного муниципального образования в территориальном разделение труда. Количество и качество

ресурсов, а также эффективность их использования влияют на направление и темпы социально-экономического развития не только крупных муниципальных образований, но и региона в целом.

2. Инфраструктурный потенциал воздействует на экономическое развитие крупных городов за счет того, что он: а) оказывает влияние на увеличение доходов на душу населения вследствие увеличения уровня занятости горожан на стадии строительства объектов инфраструктуры; б) является безвозмездным фактором в процессах частного производства; в) приводит к сокращению затрат на перевозку материалов и рабочей силы, а также готовой продукции в случае расширения сети автодорог; г) облегчает связь с поставщиками, покупателями и другими партнерами путем развития телекоммуникационных сетей и пр. В целом, инфраструктурный потенциал усиливает связанность между сферами производства, обращения распределения и обмена, а значит повышает эффективность развития региона.
3. Инновационный потенциал как возможность и способность территории самостоятельно формировать и использовать инновационные ресурсы обеспечивает приток новых технологий, что повышает конкурентоспособность крупных муниципальных образований и позволяет достигать результатов, соответствующих меняющимся требованиям рынка.

Сравним значения отдельных показателей экономического потенциала крупных муниципальных образований со среднероссийскими (табл. 2).

На примере базового ресурсного потенциала можно увидеть, что показатель «доля экономически активного населения в общей численности населения» по крупным муниципальным образованиям выше по сравнению с данными по России (на 3 % выше в Челябинске и на 5 % в Екатеринбурге). Схожее положение характерно и для значения инфраструктурного потенциала (плотность автомобильных дорог с твердым покрытием), который намного больше у крупных муниципальных образований, чем в России в целом.

Таким образом, наличие значительного экономического потенциала обеспечивает возможность крупным муниципальным образованиям стабильно развиваться и повышать благосостояние и качество жизни его населения.

Заключение

Представленная статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических подходов к анализу крупных муниципальных образований и их потенциала. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Крупные муниципальные образования представляют собой сложные социально-экономические системы, выполняющих множество функций. В силу полифункциональности крупных городов целесообразно использовать междисциплинарный подход к их анализу.

Второе. Нами изучено содержание и основные характеристики таких методологических подходов к анализу крупных муниципальных образований, как общеметодологического (философского) и социально-гуманитарных (политологического, социального, историко-географического, этнографического, психологического) подходов.

Третье. Отмечено, что наиболее ранние исследования городов начались в географии, что связано с тем что именно географическое положение муниципалитета оказывает ключевое воздействие на параметры его социально-экономического развития. Особо подчеркивается значение урбанистической теории, и в частности теории

Таблица 2

Значение показателей экономического потенциала крупных муниципальных образований в сравнении с российскими показателями

	г. Челябинск	г. Екатеринбург	Россия
<i>Показатель базового ресурсного потенциала</i>			
Доля экономически активного населения в общей численности населения	57 %	58 %	55 %
<i>Показатель инфраструктурного потенциала</i>			
Плотность дорог с твердым покрытием, км/км ²	2,21	1,06	0,043

агломерации, объясняющей зарождение, развитие и функционирование городских агломераций, положительные и отрицательные эффекты от их деятельности.

Четвертое. Становление крупных городов в экономической науке объясняется действием трех эффектов: 1) сравнительным преимуществом; 2) внутренним эффектом масштаба производства; 3) эффектом концентрации производства. Предложен системный подход к анализу крупных муниципальных образований, состоящий из: а) функционального подхода; б) методологии анализа открытых экономических систем; в) факторного анализа.

Пятое. Обосновано, что решающим фактором социально-экономического развития крупного муниципального образования является его экономический потенциал, представляющий собой возможность эффективного использования и максимального включения имеющихся ресурсов в общественное воспроизводство для удовлетворения потребностей населения муниципалитета. Предложена классификация экономического потенциала крупных муниципальных образований (ресурсный (базовый и использованный), инфраструктурный, инновационный). Обоснован трансмиссионный механизм влияния экономического потенциала на социально-экономическое развитие крупных муниципальных образований. Проведенное исследование будет способствовать повышению эффективности управленческих воздействий муниципальных органов власти за счет расширения и результативного использования экономического потенциала крупных муниципалитетов.

1. Абалкин Л. И. Экономическая энциклопедия. М. : Экономика, 1999.

2. Аблова Н. О. Оценка экономического потенциала малых и средних городов России при разработке стратегий устойчивого развития регионов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 3 (75). С. 17.

3. Анимца Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение : учеб. пособие. Екатеринбург, 2010. 433 с.

4. Антонюк В. С. Устойчивое развитие городской экономики (аспекты стратегии) // Финансы: теория и практика. 2003. № 3. С. 79—88.

5. Антонюк В. С., Кремер Д. В., Корниенко Е. . Экономический потенциал ускоренного развития муниципальных образований: теоретические и методические аспекты // Инновации и инвестиции. 2018. № 12. С. 318—322.

6. Архипова Л. С. Изменение функций и роли крупных городов в экономике Центральной России // Известия Тульского государственного уни-

верситета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1-1.

7. Балакина А. А. Социально-психологические особенности отношения к другим людям и отношения к городу жителей мегаполиса, большого и малого городов // Российский психологический журнал. 2012. Т. 9, № 4. С. 70—75.

8. Будажданаева М. Ц. Методика оценки экономического потенциала муниципального образования // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 34.

9. Вальдес Одрисола М. С. Эволюция социологических теорий города XIX—XX вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 319—325.

10. Вебер М. История хозяйства. Город. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 576 с.

11. Галкина Н. В., Савенков Б. В. Потенциал муниципального образования как основа его устойчивого социально-экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. Т. 7, № 1. С. 65—66.

12. Голубева Н. А., Кончаловская М. М. Территориальная идентичность и ценностные ориентации как факторы структурирования социального пространства // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 7

13. Грачев А. Б. Социально-экономический потенциал муниципальных образований и методика его определения // Региональные исследования. 2008. № 4. С. 11—15.

14. Громова Н. М., Громова Н. И. Основы экономического прогнозирования. URL: <https://www.monographies.ru/rz/book/section?id=174> (дата обращения: 01.04.2020).

15. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113—121

16. Загороднюк Н. И., Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Определение понятия «Город» в отечественной историографии // Манускрипт. 2016. № 5 (67). С. 86—89.

17. Иванова Т. В. Социально-психологические проблемы городской ментальности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Самара, 2003. 362 с.

18. Игнатьев Ю. В., Костин А. М., Белов С. А. Территориальные ресурсы города: градостроительство и управление городскими территориями : монография. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. 146 с.

19. Канукова З.В. Полиэтнический город как объект историко-этнологического исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2001. 433 с.

20. Киричек О. Я. Изучение психологических особенностей региональной идентичности личности // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 1, № 4. С. 153—163.

21. Коваленко Е. Г. Проблемы и перспективы развития муниципальных образований // Фундаментальные исследования. 2004. № 3. С. 37—42.

22. Коробкова Н. А. Структура социально-экономического потенциала территории как основа его управления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 11. С. 166—169.

23. Кравченко А. И. История зарубежной социологии. М. : Культура : Академ. проект, 2005. 704 с.

24. Краснова Т. Г., Балабанова Е. А. Исследование социально-экономического потенциала муниципальных образований // Известия Байкальского государственного университета. 2010. № 1. С. 56—58.

25. Лаппо Г. М. География городов: учебное пособие для географических факультетов вузов. М. : ВЛАДОС, 1997. 480 с.

26. Линевич С. С. Организационно-экономический механизм формирования экономического потенциала стран СНГ : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 23 с

27. Лычкин Ю. П. Потенциал строительного комплекса // Экономист. 1997. № 6. С. 27—34.

28. Маергойз И. М. Географическое учение о городах. М., 1987.

29. Малиновская Н. В. Понятие «экономический потенциал» в современной литературе // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 5. С. 61—64.

30. Маркс К. Капитал. Т. 1. Кн. 1. М. : Изд-во полит. лит., 1983. 905 с.

31. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? М., 2011. 160 с.

32. Экономический потенциал развитого социализма / Б. М. Мочалов, Ф. М. Русинов, Д.К. Шевченко и др. ; под ред. Б. М. Мочалова. М. : Экономика. 1982. 278 с

33. О'Салливан А. Экономика города : учебник / пер. с англ. В. П. Пипейкина. 4-е изд. Москва : Инфра-М, 2002. 706 с.

34. Охлопков Г. Н. Прогнозирование производственного потенциала региона на основе системы эконометрических уравнений // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 12. С. 16—18.

35. Ошуркова Т. Г. Потенциал национальной экономики. URL: <https://center-yf.ru/data/economy/Potencial-nacionalnoi-ekonomiki.php>.

36. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3—12.

37. Петренко А. К., Иванченко Л. А. Национальное богатство России и его роль в экономике // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. Т. 2. № 9. С. 339—340

38. Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3. С. 20—21.

39. Радина Н. К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2015. 344 с.

40. Растворцева С. Н. Производительность труда и фондовооруженность в обеспечении экономического роста российских регионов // Социальное пространство. 2018. № 1 (13). С. 1—9.

41. Родоман Б. Б. Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов. Ресурсы, среда, расселение. М., 1974. С. 150—162.

42. Романишина Т. С. Критерии и методы оценки потенциала развития социально-экономической системы муниципального образования // Вестник Восточно-Сибирского государственного

университета технологий и управления. 2017. № 2. С. 65.

43. Самошкина И. С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2008. 187 с.

44. Скороходова О. С. Город как политический феномен : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005. 164 с.

45. Тодосейчук А. Научно-технический потенциал социально-трудовой сферы // Экономист. 1997. № 12. С. 63—68.

46. Трубина Е. Г. Город в теории: опыт осмысления пространства. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 520 с.

47. Тургель И. Д. Теоретико-методологические аспекты исследования жизненного цикла города // Вопросы управления. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2008/03/14/> (дата обращения: 01.04.2020).

48. Умяров Р. Я. Ресурсный потенциал социально-экономического развития муниципальных образований // Экономика и управление. 2007. № 4. С. 191—194.

49. Устюжина О. Н. Оценка экономического потенциала муниципальных образований // Концепт. 2014. Т. 20. С. 1196—1200.

50. Чаленко А. Ю. О понятии потенциала в экономических исследованиях. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/o_ponyatii_potenciala_v_ekonomicheskikh_issledovaniyah/ (дата обращения: 30.11.2019).

51. Шафиков М. Т. Потенциал: сущность и структура // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 242.

References

1. Abalkin L.I. (1999) *Jekonomicheskaja jenciklopedija*. Moscow, Ekonomika [in Rus].
2. Ablova N.O. (2015) *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami*, no. 3 (75), pp. 17 [in Rus].
3. Animica E.G., Vlasova N.Ju. (2010) *Gradovedenie*. Yekaterinburg, 433 p. [in Rus].
4. Antonjuk V.S. (2003) *Finansy: teorija i praktika*, no. 3, pp. 79—88 [in Rus].
5. Antonjuk V.S., Kremer D.V., Kornienko E.L. (2018) *Innovacii i investicii*, no. 12, pp. 318—322 [in Rus].
6. Arhipova L.S. (2014) *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*, no. 1-1 [in Rus].
7. Balakina A.A. (2012) *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, vol. 9, no. 4, pp. 70—75 [in Rus].
8. Budazhanaeva M.C. (2012) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 34 [in Rus].
9. Val'des Odriosola M.S. (2014) *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 319—325 [in Rus].
10. Veber, M. (2001) *Istorija hozjajstva*. Gorod. Moscow, Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 576 p. [in Rus].
11. Galkina N.V., Savenkov B.V. (2003) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 7, no. 1, pp. 65—66 [in Rus].
12. Golubeva N.A., Konchalovskaja M.M. (2013) *Psihologicheskie issledovanija*, vol. 6, no. 32, p. 7 [in Rus].
13. Grachev A.B. (2008) *Regional'nye issledovanija*, no. 4, pp. 11—15 [in Rus].

14. Gromova N.M., Gromova N.I. Osnovy jekonomicheskogo prognozirovaniya. Available at: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=174>, accessed 01.04.2020 [in Rus].
15. Delitc H. (2008) *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 113—121 [in Rus].
16. Zagorodnjuk N.I., Tomilov I.S., Fedotova D.Ju. (2016) *Manuskript*, no. 5 (67), pp. 86—89 [in Rus].
17. Ivanova T.V. (2003) Social'no-psihologicheskie problemy gorodskoj mental'nosti. Samara, 362 p. [in Rus].
18. Ignat'ev Yu.V. (2013) Territorial'nye resursy goroda: gradostroitel'stvo i upravlenie gorodskimi territorijami. Chelyabinsk, SUSU, 146 p. [in Rus].
19. Kanukova, Z.V. (2001) Polijetnichnyj gorod kak ob'ekt istoriko-jetnologicheskogo issledovaniya. Vladikavkaz, 433 p. [in Rus].
20. Kirichek O.Ja. (2011) *Prepodavatel' HHI vek*, vol. 1, no. 4, pp. 153—163 [in Rus].
21. Kovalenko E.G. (2004) *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 3, p. 37—42 [in Rus].
22. Korobkova N.A. (2017) *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, no. 11, pp. 166—169 [in Rus].
23. Kravchenko A.I. (2005) Istorija zarubezhnoj sociologii. Moscow, Kul'tura, Akademicheskij proekt, 704 p. [in Rus].
24. Krasnova T.G., Balabanova E.A. (2010) *Izvestija Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 56—58 [in Rus].
25. Lappo G.M. (1997) Geografija gorodov: uchebnoe posobie dlja geograficheskikh fakul'tetov vuzov. Moscow, VLADOS, 480 p. [in Rus].
26. Linevich S.S. (2006) Organizacionno-jekonomicheskij mehanizm formirovaniya jekonomicheskogo potenciala stran SNG. Moscow, 23 p. [in Rus].
27. Lychkin Yu.P. (1997) *Ekonomist*, no. 6, pp. 27—34 [in Rus].
28. Maergojz I.M. (1987) Geograficheskoe uchenie o gorodah. Moscow [in Rus].
29. Malinovskaja N.V. (2006) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5, pp. 61—64 [in Rus].
30. Marks K. (1983) Kapital. T.1. Kn. 1. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 905 p. [in Rus].
31. Mikljaeva A.V., Rumjanceva P.V. (2011) Gorodskaja identichnost' zhitelja sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchija ili zona povyshennogo riska? Moscow, 160 p. [in Rus].
32. Mochalov B.M. (1982) Jekonomicheskij potencial razvitogo socializma. Moscow, Ekonomika, 278 p. [in Rus].
33. O'Sullivan, A. (2002) *Jekonomika goroda*. Moscow, Infra-M, 706 p. [in Rus].
34. Ohlopkov G.N. (2008) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 12, pp. 16—18 [in Rus].
35. Oshurkova T.G. Potencial nacional'noj jekonomiki. Available at: <https://center-yf.ru/data/economy/Potencial-nacionalnoi-ekonomiki.php>, accessed 01.04.2020 [in Rus].
36. Park R. (2002) *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 2, no. 3, pp. 3—12 [in Rus].
37. Petrenko A.K., Ivanchenko L.A. (2013) *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*, vol. 2, no. 9, pp. 339—340 [in Rus].
38. Rabinovich M.G. (1983) *Sovetskaja jetnografija*, no. 3, pp. 20—21 [in Rus].
39. Radina N.K. (2015) Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noj identichnosti v kontekste social'no-jekonomicheskikh izmenenij. Nizhnij Novgorod, DEKOM, 344 p. [in Rus].
40. Rastvorceva S.N. (2018) *Sotsial'noe prostranstvo*, no. 1 (13), pp. 1—9 [in Rus].
41. Rodoman B.B. (1974) Poljarizacija landshafta kak sredstvo sohraneniya biosfery i rekreacionnyh resursov // Resursy, sreda, rasselenie. Moscow, pp. 150—162 [in Rus].
42. Romanishina T.S. (2017) *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tehnologii i upravlenija*, no. 2, p. 65 [in Rus].
43. Samoshkina I.S. (2008) Territorial'naja identichnost' kak social'no-psihologicheskij fenomen. Moscow, 187 p. [in Rus].
44. Skorohodova O.S. (2005) Gorod kak politicheskij fenomen. Saratov, 164 p. [in Rus].
45. Todosejchuk A. (1997) *Ekonomist*, no. 12, pp. 63—68 [in Rus].
46. Trubina E.G. (2011) Gorod v teorii: opyt osmyslenija prostranstva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p. [in Rus].
47. Turgel' I.D. *Voprosy upravlenija*. Available at: <http://vestnik.uap.ru/ru/issue/2008/03/14>, accessed 01.04.2020 [in Rus].
48. Umjarov R.Ja. (2007) *Ekonomika i upravlenie*, no. 4, pp. 191—194 [in Rus].
49. Ustjuzhina O.N. (2014) *Kontsept*, vol. 20, pp. 1196—1200 [in Rus].
50. Chalenko A.Yu. (2019) O ponjatii potenciala v jekonomicheskikh issledovaniyah. Available at: http://kapital-rus.ru/articles/article/o_ponyatii_potenciala_v_ekonomicheskikh_issledovaniyah, accessed 30.11.2019 [in Rus].
51. Shafikov M.T. (2012) *Social'no-gumanitarnye znanija*, no. 1, p. 242 [in Rus].

For citing: Antonyuk V.S., Kremer D.V.
The economic potential of large
municipal entities: theoretical
and methodological approaches to analysis //
Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 40—55.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-40-55.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-40-55

UDC 332.14

THE ECONOMIC POTENTIAL OF LARGE MUNICIPAL ENTITIES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ANALYSIS

Valentina S. Antonyuk,

South Ural State University,
Head of the Department Chair
of Economic Theory, Regional Economics,
State and Municipal Management,
Doctor of Economics, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
e-mail: antoniukvs@susu.ru

Darya V. Kremer,

South Ural State University,
Assistant Professor of the Department Chair
of Economic Theory, Regional Economics,
State and Municipal Management,
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
e-mail: kremerdv@susu.ru

Abstract

The article considers approaches in order to study large municipal entities and their economic potential. The authors specify that large municipal entities in modern conditions have a multifunctional structure, so they propose an interdisciplinary

approach to their study. The article discusses such approaches to analyzing large municipalities as: philosophical; research from the perspective of social sciences and the humanities (political science, sociological, psychological, historiographic and ethnographic approaches).

The authors analyze large municipalities from the perspective of the geographical approach; urban theory; urban planning and architecture. The problem of studying large municipalities in the legal sciences is separately investigated. With the help of the economic approach the authors show that at the core of urbanization and the emergence of large municipalities there are three effects: comparative advantage, concentration effect, and localization effect. The authors give classification of large municipalities.

The authors propose a systematic approach to analyzing large cities, representing the unity of the functional approach, open systems methodology and the factor approach. Under the latter, it is proposed to understand the economic potential of the city, which presupposes the possibility of efficient use of available resources and their maximum inclusion in social reproduction in order to meet the needs of the municipality population. The authors substantiate the classification of the economic potential of a large municipal formation, which consists of: the resource (basic and used), innovative and infrastructural potentials.

Key concepts:

large municipality,
economic potential,
resource potential;
Innovation potential;
infrastructure potential.

Для цитирования: Погорельская Е. Ю.,
Чернов Л. С. Между двух огней:
техника и вирус //
Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 56—64.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-00-00.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-56-64

УДК 001.18

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ: ТЕХНИКА И ВИРУС

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет,
факультет социальной психологии,
доцент кафедры социально-культурного
сервиса и туризма,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 620049,
г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Чернов Леонид Сергеевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления, г. Екатеринбург,
доцент кафедры философии и политологии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 620144,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Вирусная пандемия 2020 г. поставила человечество в условия вынужденной изоляции. Данная кризисная ситуация спровоцировала тотальное включение техники в современный диалог на разных уровнях связей и отношений. Это явление не только демонстрирует колоссальную значимость техники в современном мире, но и ставит вопрос о сущности такого «обязательного» партнера по диалогу.

Цель. Поставить вопрос об онтологической сущности техники, формулируя гипотезу о причастности «технического» к символическому миру.

Методы. В статье используется феноменологический подход, позволяющий видеть за массивом разнообразного человеческого опыта взаимодействия с «техническим» — анонимность сущности техники. Обычное отношение к технике и технологиям как к инструменту, выполняющему определенные заложенные изначально задачи, оказывается неудовлетворительным, поскольку значение техники в современной цивилизации гораздо шире. Кроме того, в статье используется аналитический подход, позволяющий видеть за научными теориями и фактами определенную «логику поведения» науки и техники, направленную на преодоление природ вещей.

Научная новизна. Символическое техники мигирует все природные и культурные границы.

Ключевые понятия:

техника,
вирус,
нечеловеческие объекты,
природа,
техническое.

Введение

Техника в современном мире находится в статусе обычного, привычного. Техническое настолько близко существует рядом с человеком, что каждый из нас считает себя вправе говорить о нём, и говорить существенно. «Техническое» проникло в социальную жизнь как необходимое условие её существования, и потому нам не просто сложно говорить о нём, нам трудно увидеть в нём проблему. Анализировать «техническое» сложно по дополнительной причине. В таких предметах, как философия, биология или, например, «денежный индекс», изначально присутствует специализация, некоторая профессиональная граница, которая гласит: здесь работают те, кто разбирается в предмете — философы, биологи, биржевые маклеры, политики и т. д. Мы не переходим границу, которую не можем перейти, поскольку понимаем, что биолог специально учился биологии, чтобы говорить о ней и высказывать какие — либо о ней суждения и оценки. Так же дело обстоит с искусствоведом, физиком и астронавтом. Трезвости нашего ума хватает, чтобы здраво признать презумпцию и право специалиста говорить о том, что он знает лучше нас. Кому взбрѣдет в голову учить переводчика переводить с немецкого, если ты сам не знаешь языка. Разве что в самом общем смысле, в смысле пожеланий. С техникой иначе. В современном мире каждый человек пользуется техническими вещами, и практически все люди понимают тотальную *интернетизацию* современной жизни. Но проблема «технического» состоит не только в этом. Главным, на наш взгляд, является вопрос о мере «технического» в самом человеке. Именно поэтому так трудно видеть стороны человеческого (живого) и технического (искусственного) внутри самого человека. Возможно, уже сейчас эта мера становится критической и потому мы так спокойно говорим о пост-человеке. Такие разные мыслители как М. К. Мамардашвили [11] и Д. Агамбен [1] уже зафиксировали ситуацию превращения внешне живого в мѣртвое. Сегодня «техническое» полноправно заявляет о себе как о живом субъекте цивилизации, и потому так важно исследовать его в самой его природе и сути.

Основная часть

Современная ситуация пандемии призывает атомизироваться. Принятые меры по вынужденной изоляции разбросали лю-

дей по ячейкам квартир и домов, посадили их «под ключ». Представить себя атомом может каждый; от многообразия связей, отношений, встреч, разговоров, писем, непрекращающегося общения мир пришел к отрицательному типу взаимодействий, к увеличению дистанции и отталкивающему страху. Сбылось пророчество Сартра: мы почувствовали, что «ад — это другие» [15, с. 95]. Как легко всплыла беспомощность, необязательность, зыбкость человеческих связей на фоне «глобальной катастрофы». Вспомним В. Розанова, который сказал, что старый режим исчез в два дня, максимум в три [14].

Эпидемии приходили в мир и раньше. В XIV в. чума положила в могилу более четверти населения Евразии. В 1520 г. черная оспа, завезенная в Мексику испанцами, привела к смерти 90 % коренного населения страны, сократив его к 1580 г. с 22 до 2 миллионов человек. Пандемия «испанки» в 1918 г. уничтожила в мире от 50 до 100 миллионов жизней; больше, чем Первая мировая война. Через статистику подобного рода, через цифры такого масштаба сложно пробиться к ценности каждой индивидуальной жизни. Но здесь, в вопросе смерти, в вопросе временности нашего существования количество никогда не выйдет в качество, в полноту. Говоря об атоме человеческой жизни, прежде всего имеют ввиду уникальность этого атома на фоне абсолютной ценности жизни как таковой, то есть равноценности человеческих атомов в аспекте существования. Жизнь ценна любая.

Мир сейчас на дистанте. Вирус занял всё возможное символическое пространство, сместив с повестки дня даже Бога. Ну, деньги — еще куда ни шло. Деньги пока держатся.

Что испуганному человечеству предлагается в помощь? В первую очередь Техника с её врожденной мощью и интеллектом. Какие психологические качества несет в себе техническая вещь? Машина умная и сильная, скажет автолюбитель и будет прав. Добавим — красивая. Как это хорошо, что есть телефон, скажет человек разговорчивый и будет прав. Как удобно, что есть Интернет, скажет тот, кому важны своевременные срочные сведения — и, естественно, будет прав. Как замечательно, что можно спасти этого человека, скажет врач, понимая, что без лазера и компьютера он не смог бы этого сделать. Спасибо и поклон техническому миру.

Технические предметы даруют человечеству массу иллюзий. Например, иллюзию

того, что техника меняет классическую дихотомию *далеко/близко* [10, с. 178]. Кажется, что расстояния в современном мире не помеха взаимодействию, и потому они условны. Сколько раз мы участвовали в разговорах «за тысячи километров», учились языку, игре в шахматы, брали уроки музыки, консультировались с доктором, психологом. Но тем не менее по телефону еще никто не забеременел. Географические расстояния до сих пор имеют объективное, реальное значение. Закрытые границы разделяют глобально родные души и, что бы ты ни говорил по телефону или ни писал в сети, реальное физическое присутствие заменить нельзя. Престарелые родители в ситуации пандемии остались без помощи детей. Туристические поездки и путешествия, как оказалось (!), не заменить путешествиями виртуальными. Дети без помощи учителей один на один срываются с домашними заданиями, отправляют «в космос» свои несовершенные послания, а ответы учителей на эти детские письма тоже непонятны. *Далькое осталось далеким*: километры и расстояния восстановили свои права, они демонстрируют объективное звучание в судьбах. Люди в очередях строго блюдут объективные «полтора метра», а демонстративные нарушители (есть и такие) рискуют нарваться на скандал.

На фоне массового дистантного обучения молниеносно возникли разнообразные социологические исследования, изучающие степень лояльности к новым технологиям. Конечно, технический мир, претендующий на установление приоритетов, заявляет свои права на власть. Коль скоро он способен «обойти проблему», пройти «сквозь вирус», фактически — по вражескому полю. Но что мы имеем без всяких социологических опросов, опираясь на очевидность фактического? Чему мы обучились на самом деле за это время «добровольной изоляции»?

Мы осознали то, что вряд ли возможно обучить математике, физике и естествознанию при помощи дистантных коммуникаций. Философию, историю искусства, литературу дистантными отношениями не передать. Любая технически обусловленная передача знания, опыта работает на той активной памяти, которая была уже сформирована вживую учителем, преподавателем, мастером. Доверие уже было построено. Уже сложилось отношение, уже был открыт энергетический канал. Начиная дистантное обучение студентов, мы проверяем: вход работает? Если да, если передо мной та же самая аудитория, те же лица и име-

на, с которыми я работал вживую, лично, то сейчас мы можем говорить с этими людьми на расстоянии, используя наш прежний преподавательский авторитет. Если аудитория новая, если в ней нет моей личности как преподавателя и нет памяти настоящих живых занятий, то крайне сложно будет эту аудиторию занять, заинтересовать. Хотя формально «дать информацию», конечно, можно. Нормально учиться в условиях полного технического посредничества — невозможно или же требует дополнительных ресурсов. Или же мы манифестируем «новую нормальность». Какая же там, в этой новой нормальности, учёба? Спросите у учителя, у преподавателя в институте.

Тем не менее вопрос: чему же мы научились на самом деле в этом логове изоляции? *Мы научились лучше обращаться с техникой*. Теперь мы умеем то, что не умели раньше, что считали необязательным в этом мире. Мы приблизились к новым технологиям, мы узнали, что «платформ» может быть много. [18] Желание соответствовать времени, быть «на волне» и, в конце-концов, обычная законопослушность силой сделали нас более-менее грамотными потребителями технического. Не хотите сами — вот вам жёсткое условие. Хочешь не хочешь, а придётся научиться. Не делал презентации в аудитории, сопротивлялся, любил проводить лекции по старинке — создавал «миры на доске» мелом? Отлично, а теперь веди семинары в чате. Говори тому, кого не видно, кто лежит в шортах на диване, кто умеет нажать кнопку «участник».

Новые технологии обещали, что они способны трансформировать наше восприятие возраста. Интернет кишит околонучными статьями об иллюзии старости. «Старость — это состояние души», — уверяют нас. «Вам столько лет, на сколько вы себя чувствуете». Ситуация с пандемией ставит на место вопрос о возрасте. *Возраст, оказывается, является объективным фактором человеческой жизни*, поскольку для людей старше 65 лет существуют дополнительные риски заболеть и не выжить. Мы читаем в современных источниках, что возраст — это стереотип, а физическая неполноценность — стереотип тем более. «Новые технологии способны трансформировать наше восприятие пола, возраста и самого человеческого организма. Люди с ограничениями по здоровью получают выгоду от технологий, которые позволяют расширить возможности человека. В итоге само понятие физической неполноценности постепенно исчезнет» [17, с. 84]. Так легко отказаться от реальности,

если новые технологии обещают сбыться давней застарелой мечте. Алхимические мечты о богатстве и вечной жизни никуда не делись, просто приобрели другую риторику. Мир ориентирован так же, как и во времена расцвета алхимических опытов, людям необходимы деньги и вечная молодость. Но сейчас эти мечты завернуты в рекламные слоганы, а на их реализацию направлены научные и социальные стратегии.

Вспоминается остроумное заявление Фаины Раневской, касающееся возможностей пластической хирургии: «Фасад обновить, а канализация все равно старая». Опынение, связанное с технологическими новациями, сбilo человеку все внутренние настройки. Технологии действует на человека как алкоголь. Дистант, изоляция и карантин вновь возвращают нас к вопросу о техническом. Что это — техника? Инструмент ли это, или в ней есть какая-то на самом деле метафизическая сущность, которая для нас закрыта?

Техника «зависает», она как малое дитя учится через нас разговаривать, она пробует ответственно присутствовать в этом мире не в качестве инструмента, а в качестве союзника, на равных с человеком, полноправно. Возможно, это связано не только с тем, что пандемия поставила условием опосредованное общение, но и с тем, что техника, будучи творением человека, несет на себе печать творения как такового. *Существо сотворенное всегда наследует потенциал своего творца.* Техническое надделено интеллектом, способностью быстро и нетривиально решать интеллектуальные задачи. Известны примеры, когда компьютер обыгрывает человека и в шахматы, и в го — интуитивные игры с практически бесконечным набором вариантов ходов. Человек делегировал технике часть своих полномочий по принятию решений. Например, военный дрон может выбрать объект для поражения, не боясь при этом ошибиться. Можно пуститься в виртуальное путешествие, доверяя иллюзии присутствия, например, на космическом корабле «Восток 1» в компании Юрия Гагарина. Таких примеров множество. Человечество «отдает» технологиям не только свою привилегию *ясно и творчески думать*, человечество «отдает» технологиям *возможность принятия принципиальных решений*. «Можно сказать, что современный человек рискует задохнуться в изобилии результатов собственной креативности» [8, с. 106]. Хороший вопрос: «Кто действует? Является ли беспилотник пассивным инструментом для оператора? А если решение о нанесении удара было делегиро-

вано машине (технические характеристики дронов уже позволяют такую передачу полномочий), сказали бы мы, что беспилотные летательные аппараты действуют вместе со своими операторами?..» [5, с. 3] Кто по сути ответственен за нанесение военного удара в случае с самоуправляемым дроном? Кто ответственен за автомобильную аварию с участием беспилотного автомобиля? Здесь присутствует желание снять ответственность с конкретного человека за действие. Анонимность и коллективность — вот модусы человеческого в технической вещи. Вместо конкретного человека присутствует сноска на разветвленную сеть социальных институтов и отношений. Ответственность размывается, а личность пропадает.

Амбициозные претензии техники на совершенство связи и полноту информации оказались необоснованными. Но *техника* тем не менее *требует включить её* в *человеческий диалог*. Техника желает присутствовать. В который раз обнаружила себя хайдеггеровская тема присутствия [19]. Присутствовать — значит быть «при-сути», при чем-то главном, важном. Захватывая человека целиком, техническое претендует на его время, на длительность, в которой человек будет встроен в техническое, оживляя его своими энергиями, восстанавливая и поддерживая жизнь технического.

Захват техническим человеческой экзистенции сейчас становится очевидным фактом. Техника из спящего состояния возможности включилась в активное наступление по всем фронтам. Вспомним отличие потенции от акта. То, что было возможным (потенциальным), — становится актуальным, реализованным. Техника втягивает человека в определенные настроения, заставляет его реагировать *всем своим существом* [20]. Она забирает наше существование, подчиняя себе и требуя пристального внимания к своей сути, к своему естеству. Не работает техника, она не настроена? «Товарищ, настрой технику!» — слоган современной жизни. Представить тех, у кого нет ноутбука, почти невозможно. Техника присутствует в современном диалоге, проверяя не только наличие определенных навыков и компетенций, но и глубину переживаний, способность человека адаптироваться к ситуации *захвата мира нечеловеческими объектами*.

Человечество привыкло чувствовать себя субъектом, активным, сильным, решающим. Эта вера человека в себя, в свою выделенность и эксклюзивность сохраняется по сей день. Но современная ситуация свидетельствует, что надо считаться с мнением

«нечеловеческих» объектов. Вирус COVID-19 тому пример.

Ситуация с вирусом говорит о том, что в мире полно нечеловеческих агентов, которые могут ставить условия человечеству. С этими агентами приходится разговаривать, вести диалог, чтобы разобраться с собственными человеческими проблемами. Нам приходится признать, что диалог приходится вести со всем, а не только с тем, что, по мнению традиционалистов, имеет отношение к добру. Современный диалог тотален. Глобальный мир наделен противоречивыми характеристиками: с одной стороны связь всего со всем дает этому миру целостность, единство; с другой стороны — захват мира вирусными стратегиями позволяет сказать, что периодически какая-то часть, нюанс этого мирового целого выходит на авансцену и предлагает (либо навязывает) всему миру свою логику. Вирус, зародившийся в мутации (случайной или вынужденной) живой ткани, распространяет свое влияние на глобальные отношения, которые традиционно и исторически скрепляют весь мир. Парализована мировая экономика, в некоторой растерянности мировая медицина, ситуацию неопределенности переживают политические системы, обычные люди не видят будущего, они подавлены. Кризис, созданный пандемией, показывает, насколько шатка целостность мира. Налицо ситуация, когда *целое не больше суммы элементов, его составляющих. Элемент подчиняет себе целое.*

Вещи, связи и отношения смешались в вихре Эмпедокла, *случайным образом* стыкая руки и ноги, символы и бытовой мусор, симпатии и следы. Отсюда появление таких мутантов, как коронавирус. Если всё со всем связано, то почему бы нам не получить такую версию? Коронавирус — типичное порождение хаоса бытия. Но эта ситуация верна, если мы априори примем за основание жизни первичность хаоса и онтологическую равноположенность всех сущностей и смыслов. Такая плоская онтология, представленная авторами акторно-сетевой теории технического, например Бруно Латуром [10], Мануэлем Деландом [6], Грэмом Харманом [21]. При крайней привлекательности и убедительности этой теории, объясняющей возможность тотального диалога всего со всем, остаётся без ответа серьезный нерешенный вопрос. *Что является энергией/силой этого прекрасного тотального всемирного взаимодействия?*

Равенство онтологий предполагает идею, что граница между живым и неживым

условна. Ранее мы писали об этом. «Сущность техники (вмешательства, инструмента) не просто в расширении спектра сенсорных возможностей человека, не просто в том, чтобы «дальше видеть и лучше слышать», — ее суть во внедрении в старую классическую античную природу чего-то иного, другого. Мы фиксируем, пока предварительно, что это внедрение *техники в свою очередь само имеет вирусную природу, иначе — способность подключения к природе вещи как к генетической программе с целью видоизменить природу исходного предмета, подчинить, поработить, дать новую задачу, программу.* Техника в этом аспекте не есть «освобождение» природы вещи, прояснение ее цели, как это было в античности. Техническое вмешательство «меняет вид» исходного предмета, дает ему «новую природу» [13, с. 113].

В ситуации равенства онтологий ставится под вопрос понятие природы вещи. Природа вещи, по Аристотелю, — это некоторая граница нашего влияния на вещь. Мы не можем делать с вещью всё, что угодно нам, а можем делать только то, что нам позволяет природа этой вещи. Например, мы не можем построить из воды дом, потому что природа воды не подходит для реализации этой цели; мы всегда выбираем для реализации наших целей определенные материалы, которые годятся для этого, природа которых позволяет нам добиться желаемых результатов. Но в современной науке заложена совсем другая интенция — интенция на изменение природы вещей под запрос, создание новых природ вещей. Это означает не только то, что естественное не удовлетворяет растущим потребностям человека, но и то, что границы в природах вещей размываются, становятся условными, проходимыми. И прежде всего теряется граница между живым и неживым [22].

Когда мы говорим о жизни, мы понимаем, что жизнь присутствует в мире в качестве особого региона бытия, который представлен бесконечным количеством объектов. Кажется, что этот регион самодостаточен, и до определенного времени считался автономным. Искусственно жизнь создать было нельзя, живым можно было только родиться. Но идея отсутствия принципиальной границы между живым и неживым давно рассматривалась в биологических науках. Известны теории Александра Опарина и Джона Холдейна о происхождении жизни из неживого вещества, известны эксперименты Стэнли Миллера, в которых он получил аминокислоты — структурные

компоненты белков, основы жизни. Такие теоретические построения и эксперименты могли возникнуть только на основе веры в абиотическое происхождение жизни. Только на основе веры в отсутствие границ между живым и неживым. Точно так же идея эволюции считает границы между видами организмов условной. Сейчас говорят, что нет никакого принципиального разрыва между «живым» и «неживым». «Жизнь — вопрос степени, вопрос того, что может быть в большей или меньшей степени; выделить ее можно лишь относительно чего-либо и ситуативно. Есть много промежуточных случаев между жизнью и не-жизнью: достаточно вспомнить о вирусах или «машинной искусственной жизни». Даже самые простые физические процессы более жизненны, чем мы часто думаем; и даже самые однозначно живые процессы всегда включены в сравнительно неживые и навсегда вплетены в них. Жизненность распределена неравномерно, но она действует повсюду» [16, с. 148]. Такая вот тотальная проходимость. Наука выступает здесь в качестве своеобразного «сталкера» по единому миру, условно разобращенному и иерархичному, а по сути гомогенному, выстроенному по принципу спонтанных временных ассамбляжей. *Символическое техники минует все природные и культурные границы*. «Рано или поздно любая состоявшаяся революция сеет и дожидается всходов» [7, с. 84].

Можем ли мы на самом деле говорить о равенстве онтологий вируса и, например, человека; или техники и человека? Здесь дело не в претензии человека на моральное и интеллектуальное превосходство. Здесь речь идет о качественном различии энергетической субстанции и паразита. Когда авторы акторно-сетевой теории связывают всё со всем, показывая тотальность и отсутствие иерархии связей, в которые включены все возможные элементы мира, важным тем не менее остается вопрос: насколько самодостаточен тот или иной элемент, имеет ли он в себе качества субстанции. Или это тень, поменявшая свой очевидный статус паразита/прилипалы на хозяина. Мераб Мамардашвили писал, что «умереть может только живое» [11]. Если так, то сколько вокруг нас зомби, только кажущихся живыми.

Известная сказка Х. К. Андерсена «Тень» [2] пророчески повествует о возможном развитии отношений между ученым и тенью. Ученый, по сказке, был очень любопытным, как и полагается быть ученым. Его интересовала чарующая музыка, доносившаяся из дома напротив. Скорее, даже

не сама музыка, а ее источник, коль скоро науке всегда интересна прежде всего причина, вызывающая то или иное явление. Но не было у ученого иного способа проникнуть в соседний дом, кроме как благословить свою Тень туда пробраться. Здесь Андерсен интуитивно улавливает, что первичная интенция ученого была в лучшем случае легкомысленной. Он решил, что любой метод хорош для познания мира, и благословил на возможность свободного действия то, онтологическую природу чего он не знал. Он «выпустил» на свободу свою Тень, полностью уверенный в зависимости Тени от него самого, полностью убежденный в том, что Тень им полностью контролируется. Но Тень, как известно, не вернулась. Она обрела плоть, то есть созрела, чтобы зажить самостоятельно. Идеи ученых чаще всего обретают плоть, они становятся искусственной вещью или технологией.

Ученый, видя перед собой свою бывшую Тень, очень удивлялся тому, как много в ней стало человеческого. Задав вопрос Тени об источнике ее преобразования, он услышал, что Тень познала/обрела свою внутреннюю сущность, соприкоснувшись с Поэзией, то есть в творческом актом в самом чистом виде. Тот есть, чтобы обрести сущность, необходимо пройти через живое/жизнь. Тень должна была пройти акт творения, а не просто быть отражением. Став существом *оживленным*, Тень получает возможность проявлять свою сущность, свой ценностный строй, символическое основание, внедренное в плоть, как вирус, который оживает только в живом теле и подчиняет его себе. Техническое оживает при взаимодействии с человеком, в ситуации киборгизации, в ситуации связи технического и человеческого. «Технологии Четвертой промышленной революции не остановятся на проникновении во все объекты окружающего мира, они станут частью нас самих. Некоторые люди уже ощущают свои смартфоны продолжением себя. Современные внешние устройства, почти наверняка будут имплантироваться в человеческое тело и даже в мозг. Экзоскелеты и протезы увеличат нашу физическую силу, а достижения нейротехнологий помогут улучшить когнитивные способности. Мы научимся точнее манипулировать собственными генами и генами наших детей» [17, с. 35].

Когда речь идет об *оживлении техники*, на первый взгляд кажется, что метафора «оживления» просто предполагает присутствие человека в технологизированном процессе. Считается, что «оживление» —

это именно метафора, которая показывает, что без человека техническая вещь не будет работать. Без человека техническая вещь останется замкнутой изолированной системой, предоставленной себе, вещью, которая со временем превратится в груды бесполезного металла, микросхем, органических остатков и т. д., в зависимости от того, какие типы материи задействованы изначально в конструкции этой вещи. Существует большой соблазн видеть в технологиях «простые инструменты, которые могут быть использованы для добрых и злых целей, а сами по себе нейтральны» [17, с. 27]. На самом деле, ценности не просто встраиваются в техническую вещь на этапе проектирования для реализации какого-либо общественного заказа. Это внешняя сторона технической вещи или технологического процесса. Обычно внешняя сторона технической вещи определяется по следующим параметрам. Техническое *полезно*, техническая вещь решает определенную утилитарную проблему; например, холодильник сохраняет продукты питания. Техническая вещь имеет потребительскую стоимость, она имеет цену, то есть является *товаром* — важнейшим элементом любой экономической системы. Техническая вещь поддерживает иерархические отношения в социальной системе, она выступает определенным маркером, *знаком*. Например, не всякий человек может себе позволить автомобиль BMW и не всякий человек обладает достаточным уровнем образования, чтобы управлять высокотехнологичным процессом. Т. е. благодаря встроенности человека в различные цепи технического происходит стратификация общества. Но эти характеристики — польза, товар, знак — лишь внешние характеристики технических вещей. Когда Жан Бодрийяр в своей работе «К критике политической экономии знака» [4, с. 68—77] выносит символическое за границы материального обмена, т. е. за утилитарное, меновое и знаковое, — вещи лишаются онтологических основ. Они все становятся симулякрами, их присутствие в мире становится необязательным и случайным. Но *символическое тотально*. Оно внедрено в потоки вещей, в том числе технологические потоки, анонимно; и только в предметах символических по своему дискурсу, оно выходит на первый план (например, иконы, храмы, мечети, святые места).

В большинстве вещей и связей символическое не проглядывает. Человек в таком случае имеет дело только с «верхушкой айсберга» вещи. Это особенно наглядно на

примере технической вещи, которой мы умеем пользоваться, но абсолютно не понимаем, как она устроена. Нам кажется, что разберись мы с алгоритмом, как разбирается в вещи ее создатель-мастер, мы поймем техническую вещь «до конца». Но на самом деле, техническая вещь скрывает гораздо больше, чем систему взаимосвязанных элементов. *Она скрывает свою сущность в общей картине мира*. Это ее подлинный символический строй, который остается инкогнито. Но диалоговый режим отношений с техническими вещами идет не только по уровню осознанности, не только по принципу грамотного использования вещи, но и по уровню неосознанного. Мы включаем технические вещи в наши повседневные миры, не замечая, как *они вырастают в нас, и становятся нашей частью*. «Граждане технообществ фактически живут в своих смартфонах, когда гуляют, водят машину, работают, общаются или садятся за еду. Их тела движутся, как зомби, сквозь реальность, а их сознание целиком погружено в виртуальный мир» [12, с. 21]. Ситуация с вирусной пандемией — это новая голографическая картинка тотального внедрения технического в ткань человеческой жизни. Мы оказываемся между двух огней, Сциллой и Харибдой, и вновь от нас требуется быть Одиссеями. Но Одиссей плыл и путешествовал из любопытства, ему было интересно познавать, воевать, и важно, что он пожертвовал бессмертием ради дома и женщины.

Заключение

Может, возникновение техники в этом мире не является обязательным, как не является обязательным и происхождение человека. Но человек тем не менее существует, и существует техника. Возможно, что человек в своей природе несет в себе семя технического, за которое он пострадает, как страдает Бог за свое свободное творение.

1. Агамбен Д. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М. : Европа, 2012. 192 с.

2. Андерсен Х. К. Сказки: для сред. школ. возраста : пер. с дат. / вступ. ст. Л. Брауде. М. : Мектеп, 1988. 624с.

3. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 208 с.

4. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака/ пер. с фр. Д. Кралечкин. М. : Академический проект, 2007. 335 с.

5. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2 (27). С. 1—48.

6. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. № 3 (27). С. 35—56.

7. Дыдров А. А. Мышление современного человека в контексте инновационной гонки (заметки о романе-антиутопии «Мы») // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 83—88.

8. Дыдров А. А., Невелева В. С. «Конец света» и «конец мира»: философская интерпретация постапокалиптической фантастики // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 100—108.

9. Дыдров А. А., Починская В. А., Шарипова А. Р. Механизация человека и гуманизация машины: тенденции существования человека и техники // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 7—14.

10. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. № 1 (27). С. 175—200.

11. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 548 с.

12. Маринофф Л. Гуманитарная терапия как средство защиты от вредных воздействий технообщества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 19—28.

13. Погорельская Е., Чернов Л. Эксперимент: перерождение и трансформация природы // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 2 (17). С. 110—122.

14. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени: публицистика / В. В. Розанов. Москва: Директ-Медиа, 2011. 155 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=84020> (дата обращения: 14.06.2020).

15. Сартр Ж.-П. За закрытыми дверями // Хрестоматия по философской антропологии: учеб. пособие. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2008. 201 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209243> (дата обращения: 14.06.2020).

16. Шавиро С. Вселенная вещей // Логос. 2017. № 3 (27). С. 127—152.

17. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

18. Философия техники: история и современность / ред. В. М. Розина. М.: ИФ РАН, 1997. 284 с.

19. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

20. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие / пер. В. В. Библихина. М., 1993. 447 с.

21. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. № 3 (27). С. 1—34.

22. Цурр И. Усложнение понятия о жизни: «полуживые» существа // Логос. 2006. № 4 (55). С. 148—157.

References

1. Agamben D. (2012) Homo sacer. Chto ostaetsja posle Osvencima: arhiv i svidetel'. Moscow, Evropa, 192 p. [in Rus].

2. Andersen H.K. (1988) Skazki. Moscow, Mektep, 624 p. [in Rus].

3. Ahutin A.V. (1988) Ponjatje «priroda» v antichnosti i v Novoe vremja («fjuzis» i «natura»). Moscow, Nauka, 208 p. [in Rus].

4. Bodrijjar, Zhan. (2007) K kritike politicheskoj jekonomii znaka/ per.s fr.D Kralechkin. Moscow, Akademieskij proekt, 335 p. [in Rus].

5. Vahshtajn V. (2017) Logos, no. 2 (27), pp. 1—48 [in Rus].

6. Delanda M. (2017) Logos, no. 3 (27), pp. 35—56 [in Rus].

7. Dydrov A.A. (2018) *Socium i vlast'*, no. 2 (70), pp. 83—88 [in Rus].

8. Dydrov A. A., Neveleva V. S. (2018) *Socium i vlast'*, no. 5 (73), pp. 100—108 [in Rus].

9. Dydrov A.A., Pochinskaja V.A., Sharipova A.R. (2018) *Socium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 7—14 [in Rus].

10. Latur B. (2017) Logos, no. 1 (27), pp. 175—200 [in Rus].

11. Mamardashvili M.K. (1995) Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti). Moscow, Ad Marginem, 548 p. [in Rus].

12. Marinoff L. (Marinoff Lou) (2020) *Socium i vlast'*, no. 2 (82), pp. 19—28 [in Rus].

13. Pogorel'skaja E., Chernov L. (2017) *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (17), pp. 110—122 [in Rus].

14. Rozanov V.V. (2011) Apokalipsis nashego vremeni: publicistika. Moscow, Direkt-Media, 155 p. [in Rus].

15. Sartr Zh.-P. (2008) Za zakrytymi dverjami. V kn.: Hrestomatija po filosofskoj antropologii. Perm', Permskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 201 p. [in Rus].

16. Shaviro, S. (2017) Logos, no. 3(27), pp. 127—152 [in Rus].

17. Shvab K., Devis N. (2018) Tehnologii četvertoj promyšlennoj revoljutsii. Moscow, Eksmo, 320 p. [in Rus].

18. Filosofija tehniki: istorija i sovremennost' (1997). Moscow, IF RAN, 284 p. [in Rus].

19. Hajdegger M. (2013) Osnovnye ponjatija metafiziki. St. Petersburg, Vladimir Dal', 592 p. [in Rus].

20. Hajdegger M. (1993) Vopros o tehnike // M. Hajdegger. Vremja i bytie. Moscow, 447 p. [in Rus].

21. Harman G. (2017) Logos, no. 3 (27), pp. 1—34 [in Rus].

22. Curr I. (2006) Logos, no. 4 (55), pp. 148—157 [in Rus].

For citing: Pogorelskaya E. Yu., Chernov L.S.
Between two dangers: technology and virus //
Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 56—64.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-56-64.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-56-64

UDC 001.18

BETWEEN TWO DANGERS: TECHNOLOGY AND VIRUS

Elena Yu. Pogorelskaya,

Humanitarian University,
The Department of Social Psychology,
Associate Professor of the Department Chair
of Social-cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 620049,
Yekaterinburg, ulitsa Studencheskaya, 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Leonid S. Chernov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Management,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Political Sciences,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
The Russian Federation, 620144,
Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 66.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The 2020 viral pandemic put humanity in a forced isolation environment. This crisis situation provoked the total inclusion of technology in the modern dialogue at different levels of connections and relationships. This phenomenon does not only demonstrate the enormous importance of technology in the modern world, but also raises the question of the essence of such a “mandatory” dialogue partner.

The aim of the study is to raise a question about ontological essence of technology, formulating a hypothesis about the involvement of the “technical” in the symbolic world.

The authors use the phenomenological approach that makes it possible to see behind an array of diverse human experience interacting with the “technical” — the anonymity of the essence of technology. The usual attitude to engineering and technology as a tool that performs certain initially laid down tasks is unsatisfactory, since the importance of technology in modern civilization is much wider. In addition, the authors use the analytical approach that makes it possible to see behind scientific theories and facts a certain “logic of behavior” of science and technology aimed at overcoming the nature of things.

Symbolic technology passes all natural and cultural boundaries.

Key concepts:

technology,
virus,
non-human objects,
nature,
technical.

Для цитирования: Пеннер Р. В. «Технологии себя» в условиях самоизоляции // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 65—73. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-65-73.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-65-73

УДК 101

«ТЕХНОЛОГИИ СЕБЯ» В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

Введение. В условиях пандемии COVID-19, распространившейся по миру в начале 2020 г., особое внимание уделяется внешним трансформациям в бытии человека: вынужденное пребывание дома, использование средств индивидуальной защиты в общественных местах, социальная дистанция и т. д. Тем не менее серьезной трансформации подвержен и внутренний мир человека. Другой из необходимого элемента, структурирующего мир я (позиция Ж. Делеза), превращается в потенциального носителя вируса. Поэтому особую актуальность приобретает проблема рефлексии человека с целью заботы о самом себе в ситуации кризисности.

Цель. Обосновать эффективность духовных практик периода Античности и раннего Средневековья как форм заботы о внутреннем в человеке в условиях пандемии.

Методы. В исследовании были использованы общенаучные методы — анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. Кроме того, применены сравнительно-исторический метод, метод интерпретации и системный подход. С помощью диалектического подхода была обозначена связь внешнего и внутреннего в человеке.

Научная новизна исследования. Обозначены три сценария ответов человека на самоизоляцию в контексте события (внешнее) — смысл (внутреннее): ориентация на внешнее событие; создание внешнего события; обращение к себе.

Результаты. В условиях самоизоляции, оставшись наедине с собой, человек столкнулся с проблемой — кризисом идентичности (эмпирическое подтверждение наличия этой проблемы предоставили психологи и психотерапевты Челябинска и Челябинской области¹). Проблема эта обусловлена тем, что пандемия сократила многие связи человека с внешним миром (работа, учеба, отношения с друзьями и родственниками) и/или перевела их в дистанционный формат. Поэтому сознательно или, опционально, на уровне неосмысленного запроса, у человека возникла потребность в переосмыслении своего «я». Переосмысление есть рефлексивная процедура, когда человек заново учится общаться со своим я. М. Фуко проанализировал и систематизировал примеры духовной работы с я, изучая практики заботы о себе античных мыслителей и ранних христиан.

Выводы. Вирус COVID-19 внес существенные коррективы в бытие человека. Не меньшие коррективы были внесены в события (Ф.И. Гиренок), наполняющие жизнь человека. Ответы человека на изменения в своем бытии можно уложить между двумя полюсами: событием и смыслом. Даже находясь дома, многие продолжают ориентироваться на внешнее, создавая что-то свое (например, аудиовизуальную продукцию) или потребляя результаты деятельности другого. Вместе с тем ориентация на смысл предполагает сосредоточение на самом себе. Философы и богословы, практиковавшие заботу о себе около двух тысячелетий назад, предложили разные формы рефлексии, преследующие одну цель — научиться разговаривать с самим собой.

Ключевые понятия:

забота о себе,
технологии себя,
духовные практики,
античные философские практики,
внутреннее,
внешнее,
я,
самоизоляция,
пандемия.

¹ Психологи и психотерапевты рассказали, как челябинцы отреагировали на угрозы эпидемии COVID-19 // URL: https://www.znak.com/2020-05-21/psihologi_i_psihoterapevty_rasskazali_kak_chelyabincy_otreagirovali_na_ugrozy_epidemii_covid_19 (дата обращения: 12.06.2020)

Постановка проблемы

В феврале 2020 г. весь мир узнал о новом инфекционном заболевании, получившем название COVID-19. В марте этого года Всемирная организация здравоохранения постановила, что распространение вируса COVID-19 приобрело характер пандемии. Уже в марте некоторые организации, в том числе, учреждения высшего образования перешли в режим дистанционной работы. С 30 марта по указу президента «в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации» на самоизоляцию ушло большинство трудоспособного населения страны [12].

Вместе с тем я не ставлю перед собой задачи по восстановлению хронологии пандемии. Обращение к хронологии в рамках этой статьи носит прикладной характер, как указание на основные точки вынужденной встречи человека с самим собой и с тем другим, кто оказался на период самоизоляции под одной крышей с ним. Я не случайно маркирую эту встречу как вынужденную по одной простой причине, вне зависимости от того, как мы встретили Указ Президента РФ от 25.03.2020 и последующие указы и распоряжения (положительно или критически), все мы оказались в ситуации необходимого «сидения дома». В контексте этой «изоляции» человек встречается с самим собой; но не с повседневным образом своего я, вовлеченного во множество социальных контекстов (работа, друзья, интересы и др.), а со своим я, «очищенным» от всего внешнего, наносного.

Замечу, что в ситуации самоизоляции произошла не только встреча человека со своим «голым» я, но и с другими (главным образом, с членами семьи), а также с практическими, прежде всего финансовыми трудностями. Однако в статье я сосредоточу свое внимание исключительно на контексте идентичности, а именно на проблеме движения я от внешнего к внутреннему. Отмечу, что под идентичностью я понимаю соотношения человеком своего я с внешними пределами (ролями, статусами) и одновременно осмысление человеком своего я вне опоры на внешнее, самотворение при опоре только на внутреннее.

Диалектика внешнего и внутреннего в человеке

Еще Р. Декарт как один из ярких представителей эпохи Нового времени и Про-

свещения, вводя принцип методического сомнения, разграничил внешнее и внутреннее в человеке. Согласно этому принципу, «я» сомневается во всем, что его окружает, вплоть до того, что «я» сомневается в существовании собственного тела. Единственное, что сомнению не подлежит, это сама сомневающаяся мысль, которая вместе с тем является неопровержимым доказательством существования я.

В контексте сомнения Р. Декарта мне, прежде всего, интересно противопоставление тела и мысли. Вопросом о том, что есть человек и из каких элементов он состоит, задавались еще древние. Остановимся на позиции Сократа, утвердившего, что «человек, заботящийся о своем теле, заботится о том, что ему принадлежит, но не о себе самом» [9]. В диалоге Платона «Алкивиад I» Сократ концептуализирует понятие *epimeleia heautou*, «забота о себе». Введя понятие заботы в диалоге с Алкивиадом, Сократ стремился доказать юному политику, что, во-первых, феномен человека не ограничивается человеческим телом и его речами; во-вторых, забота нужна не только внешнему в человеке (телу и имуществу), но, прежде всего, внутреннему (душе).

Однако вернемся к современному человеку. Сегодня человека можно рассматривать двояко, с позиций внешнего и внутреннего. С одной стороны, Я формируется под воздействием социального статуса, ролей и «масок», которые используются в повседневности. С другой стороны, за этим набором стоит (или должно стоять) некое внутреннее я, которое в идеале свободно от внешних личин, указывает на лицо человека в его стремлении к лику как к нечто трансцендентному (не обязательно религиозному) (П. И. Флоренский, «Иконостас»).

Тогда проблема встречи с собой поднимает другой вопрос: кто есть я, встреча с которым возможна при приглушении или даже заглушении внешнего шума?

Здесь натываемся на серьезную концептуальную проблему: а есть ли это я вне социальных ролей, масок и личин? Философы-постмодернисты, например, отвечают на этот вопрос отрицательно: человек разожествляется, его идентичность как бы ускользает от схватывания, она не зафиксирована, пребывает в ситуации имманентного становления.

Постмодернисты не были одиноки в отходе от некой самости, «чтойности» (П. Рикер), устойчивой идентичности. В философии диалога, к примеру, М. М. Бахтин, в том числе ставил вопрос о подлинном «я», точ-

нее — о «внаходимости» человека, т. е. о том состоянии человека, когда нахождение себя происходит только в точках несовпадения с собой, в со-причастности другому [4].

В этом ключе интересна идея В. В. Бибихина, утвердившего потерянность человеческого существа:

Нет ничего лучше потерянности и растерянности...

Почему? Что теряешь в потерянности? Теряешь дорогу, теряешь себя — какого «себя»? Того, который и так был потерян в своих слишком четко поставленных целях, на своих слишком ровных путях. Потерять этого потерянного, потерять дорогу, которая сама — потеря... Такая потеряность — выход в открытость, где все непрерывно начинается заново... [19]

В. В. Бибихин предложил удивительную трактовку потери и потерянности себя, зафиксировав то положение человека в мире, когда впервые происходит встреча с собой, таким отличным от себя повседневного, работающего, проживающего или даже выживающего. Дальше В. В. Бибихин продолжает (отчасти согласуясь с установкой М. Хайдеггера о стоянии на границе бытия): чтобы эта встреча состоялась необходимо «бросить себя-потерянного и обрести себя-потерявшегося, идущего в пространстве без указателей и заранее проложенных путей...» [19]. Бросок в мир полагает принципиальную открытость миру, открытость бытию.

Прежде чем бытию открыться, человек должен задаться вопросами: что есть это бытие? и кто этот я, бытию открывающийся? В этих вопросах человек вопрошает об основаниях собственного бытия; по Н. А. Артеменко, он превращается в то существо, которое способно в определенный момент времени поставить перед собой эти вопросы. В игру вступает своеобразная диалектика: с одной стороны, именно человек задает эти вопросы; с другой стороны, человек, вопрошая о собственных основаниях, является тем, кто задан этими вопросами [2]. Разразившуюся эпидемию можно оценить в качестве катализатора тревоги человека за свое настоящее и будущее. В определенном смысле она обусловила обращение человека к смысловым вопросам, значимое место среди которых занимает вопрос «кто я?».

Все это приводит Н. А. Артеменко к выводу о том, что современный человек не знает, кто он [3]. В этом современный человек не одинок. Сократ в диалоге с Алкивиадом сначала развивает миф о знании юного политика того, кто он есть, затем утверждает необходимость *epimeleia heautou* как усло-

вия власти над собой (необходимое первое) и управления государством (возможное второе).

Подступы к «заботе о себе»: диалог Платона «Алкивиад I»

В этом диалоге Сократ обращается к своему возлюбленному (любовь в данном контексте не есть нечто телесное, но духовное чувство, как Эрос из «Пира»), прекрасному Алкивиаду. Суть их диалога Сократ сводит к проблеме: «Ты утверждаешь, что тебе не нужен никто из людей: мол, присущее тебе величие — как телесное, так и душевное — таково, что ты ни в ком не нуждаешься» [9]. Действительно, в самом начале диалога Алкивиад предстает перед читателями как прекрасный юноша из благородной семьи, увлеченный идеей заняться политикой и повести афинскую армию против богатых территорий Лакедемонии и Персии.

Однако в ходе диалога выясняется, что Алкивиад не способен дать основания многим из своих убеждений, в том числе, тому, что есть справедливость или образованность:

Алкивиад. Я думаю, мой Сократ, что афиняне да и все остальные эллины редко задаются вопросом, что справедливо, а что несправедливо: они считают, что это само собою ясно. Поэтому, отложив попечение о справедливости, они заботятся лишь о пользе дела. Ведь справедливое и полезное, как я полагаю, — это не одно и то же: скольким людям, чинившим величайшую несправедливость, это принесло выгоду, в то время как другим, хоть и вершившим справедливые дела, по-моему, не повезло [9].

Более того, принцы Персии и Спарты, в речи Сократа, прежде чем воссесть на положенном им троне обучаются искусствам мудрости, справедливости, воздержанности и мужества. Алкивиад же не получил никакого образования. Поэтому Сократа не удовлетворил ответ его юного собеседника; Алкивиад ориентируется на конкретные примеры, но упускает суть. Незнание понятий является для него препятствием на пути к знанию как таковому. Однако Сократ утверждает, что все еще можно исправить: Алкивиад должен обрести технэ, искусство работы с собой. Сократ, в голове которого звучит демон, стремится вывести Алкивиада из пещеры незнания. Выход этот сопровождается идеей заботы о себе:

Сократ. Пусть. Однако что ты собираешься делать с самим собою? Остаться таким, каков ты есть, или проявить о себе некоторую заботу?

Алкивиад. Мы должны это решить сообща, мой Сократ ... [9].

Сократ выводит своего собеседника на проблемы распространенных мнений, не требующих доказательств: если твое тело красивое и гибкое, то тебя окружают толпы поклонников; если ты произошел из благородной семьи, то твое дело — заниматься политикой. Такие мнения подобны теням пещеры («Государство» Платона), что диктуют человеку «истину», но истина эта растворяется при свете Солнца.

Чтобы предотвратить «растворение» Алкивиада, Сократ обращает внимание юноши на вопрос о том, что является предметом заботы о себе. В ходе рассуждений они выходят на следующее: забота о башмаках не тождественна заботе о ногах; гимнастические упражнения есть забота человека о своем теле, но само я — нечто большее, чем тело и все то, что ему принадлежит: бамшаки, одежда, дом и иное имущество.

Сократ. Послушай же: каким образом могли бы мы отыскать самое «само»? Ведь так мы, быть может, узнали бы, что мы собой представляем, не зная же первого, мы не можем знать и себя [9].

Красивый оборот «самое “само”» как раз указывает на то внутреннее в человеке, что не имеет наружного (поверхностного) плана, и, тем не менее, выступает его остовом. В дискурсе Сократа этим «само» является душа, которая должна пробудиться в процессе обучения. Это пробуждение Сократ именовал вторым рождением человека. Рождение самости возможно в процедурах майевтики, где в ответах на вопросы философа в устах отвечающего рождается истина.

М. Фуко и П. Адо были первыми из современных философов, кто возродил идею заботы о себе в ее первоначальном философском понимании. Если П. Адо интересовал исторический план идеи, т. е. вопрос о том, кто есть человек как представитель античной Эллады, реализующий заботу о себе; то М. Фуко задался кантовским вопросом, что есть человек; в поисках ответа он использовал призму истории для конструирования картинки современности.

**«Технологии себя»:
доклад, прочитанный М. Фуко
в университете Вермонта
осенью 1982 г.**

Теме заботы о себе посвящен третий том историко-философской работы М. Фуко

«История сексуальности». Работа вышла в свет в 1984 г. До этого, в 1982 и 1983 г., М. Фуко прочел доклады в рамках семинаров «Забота о себе» (англ. Care of The Self) и «Технологии себя» (англ. The Culture of The Self) в университетах Вермонта и Беркли (США). Оба семинара нашли отклик у академической аудитории и университетской молодежи Северной Америки.

В своем докладе, переведенном на русский язык как «Технологии себя» (*более точный перевод — культура себя*), М. Фуко сосредоточился на вопросе о том, «что же мы представляем собой вот в это наше время?» [17]. Для ответа на этот вопрос он обратился к четырем типам технологий, конституирующих практическое мышление человека:

- 1) технологии производства — манипуляция инструментами и вещами;
- 2) технологии знаковых систем — манипуляция знаками, денотатами и сигнификатами;
- 3) технологии власти — манипуляция субъектами;
- 4) технологии себя — манипуляция телами, душами, мыслями, поступками с целью обретения счастья [17, с. 99—100].

Именно четвертый тип технологий вызвал особый интерес М. Фуко в его многолетних исследованиях субъективности. В поисках ответа на вопрос, как человек превращает самого себя в субъекта, он обратился к духовным практикам античных философов и ранних христиан. Это обращение не случайно. С одной стороны, именно античные философы вошли в историю как знатоки и лекари человеческой души. К примеру, Марк Аврелий в своих «Размышлениях» утверждал практику культивирования себя; Цицерон, в свою очередь, определял приоритет мысли человека над его поступком: «Каждый человек — отражение своего внутреннего мира» [18, с. 253]. С другой стороны, христианские аскетические практики стали основой в формировании мировоззрения европейского человека. М. Фуко в аналитике широкой источниковой базы, расположившейся между крайними фигурами, вопрошающим Сократом и несущим слово Божье Григорием Нисским, сумел отыскать в отличных друг от друга духовных практиках принципиально общее — «забота о себе конституировалась не только как принцип, но и как постоянная практика» [17, с. 100].

Практика заботы о себе, epimelēsthai sautoi, возникла на территории Древней Греции. Возникновение это неслучайно: забота о себе была одним из ключевых

принципов в существовании гражданина свободного города-государства; в основе такой заботы лежало не намерение, но действие, регулирующее общественную и личную жизнь человека. Так как в городах была установлена непосредственная власть народа, то представители этого народа должны были эту власть уметь осуществлять (обращение Сократа к мечтающему о власти Алкивиаду).

М. Фуко обозначил, что в истории духовных практик можно выделить разные формы заботы о себе:

- 1) в отношении мысли (Платон, Аврелий, Плиний);
- 2) в соотношении мысли с правилами внешнего поведения — ориентация на действие, доброе дело для успокоения совести (Эпикур, Сенека);
- 3) в отношении скрытой мысли — обнаружения греха внутри себя (христианство).

Ключевым элементом всех трех форм заботы является рефлексия — обращение к внутреннему в себе с целью понимания своего понимания, видения мира. Как раз на это ориентировался Сократ в майевтической методе. Как было показано выше, в диалоге Сократ демонстрирует то, что его собеседник зачастую транслирует некую доксу, распространенное мнение. Это то убеждение, что существует в головах многих, но не концептуализировано ни в чьей голове. Майевт, в свою очередь, подобно искусной повитухе, помогает собеседнику в рождении истины. Особую важность приобретает в этом процессе даже не разубеждение соучастника диалога в доксе, но нащупывание философом возможного пути к истине. И здесь участники диалога наталкиваются на проблему, что условно можно обозначить как рамки или границы мировоззрения. Мировоззрение с необходимостью существует в конкретных границах. Но границы эти накладывает внешнее, та ситуация, из которой я произошло и в которой я существует (семья, профессиональное сообщество, город и т. д.). Внешнее в этом «я» не является благодатной почвой для того, чтобы встреча с внутренним во мне состоялась. Поэтому беседа в контексте духовной практики становится аскезой, не речь для услаждения себя и другого, а движение к истине:

Только уж, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи с разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду

говорить, — правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, на подобие юноши с придуманною речью [10].

Но вопрос, что есть правда и где истина, Сократ тем не менее оставляет без ответа. Только последующие слова вносят ясность: «Началось у меня это с детства: вдруг — какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет» [10]. Истина в этом контексте представлена не чем-то внеположенным по отношению к я, но тем, что «скрывается» во мне. Отсюда духовные практики античности ориентированы на обращение вовнутрь себя, встречу с таким своим я, что как бы спрячано за слоями повседневных дел и забот.

Необходимость «быть рефлексивным» находит свое отражение во многих практиках античности: от движения к уединению (Плиний, Марк Аврелий) до писем друзьям (Эпикур, Сенека). В этих практиках реализуется желание уйти от шумного мира и побыть наедине с собой. Именно в такой ситуации философы находили душевный покой, сосредотачиваясь на анализе своих поступков, зачастую детализируя описание того, как прошел день, или анализируя те идеи и мысли, что наполняли сознание. В этом контексте интересны дневники стоиков (от Эпиктета до Аврелия), размышления которых переходят в наставления.

К примеру, в самом начале своих «Размышлений», во второй книге, Аврелий фиксирует:

Помни, с каких пор ты откладываешь это и сколько уже раз, получив от богов отсрочку, ты не воспользовался ею. А пора уж тебе понять, какого мира ты часть и какого мироправителя истечение, и очерчен у тебя предел времени; потратишь его, чтобы так и не просветлиться душой — оно уйдет, ты уйдешь, и уж не придется больше [8].

Или далее:

Поступать во всем, говорить и думать, как человек, готовый уже уйти из жизни. Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет? [8]

В обоих отрывках примечательно то, что в своих наставлениях Аврелий обращается не к кому-то внешнему, к другому, но к себе. В этом обращении он рефлексивирует над произошедшим и настраивается на будущее так, что всегда соотносит свое действие или

намерение с неким негласным правилом, которое, тем не менее, синтезирует квинтэссенцию всей жизни: проживи так, чтобы с достоинством встретить смерть.

Как известно, письма и дневники являются примерами письменного дискурса, столь интересовавшего М. Фуко. В письме «я» фиксирует мысль на бумаге, благодаря чему к этой мысли можно обращаться в последующем, уже после момента ее проживания и переживания. Более того, на бумаге фиксируются истины, «в которых нуждаешься». Соотнесение зафиксированного опыта с этими истинами открывает пространство большей рационализации своих поступков в прошлом.

Как раз в сосредоточении на прошлом состоит отличие философских практик античности от духовных раннехристианских практик. Уже Кассиан (IV—V вв. н. э.), по М. Фуко, медитирует (сосредотачивается, концентрируется) на «теперешние мысли». Нельзя утверждать, что при распространении христианства произошла значительная трансформация духовных практик. Скорее, произошло смещение направления опыта на постоянную заботу о настоящем, на разграничение своих мыслей и всего мыслительного потока: тех, что ведут к Богу, от тех, что затягивают по направлению к греху.

Во всей этой аналитике интерес М. Фуко прочитывается в том, чтобы закрепить момент рождения дисциплины и дисциплинарности в мировоззрении человека. Меня же привлекают сами практики как опыт философствования с другим и с собой; как опыт встречи с самим собой; как опыт обнаружения оснований внутри себя, когда все внешние основания рушатся; как опыт, благодаря которому современный человек может справиться с теми коррективами, что внесла в его бытие пандемия.

Заключение

Современный философ-антрополог Ф. И. Гиренок в противопоставлении события и смысла отмечал текучесть первого и устойчивость второго; смысл сдерживает событие, затягивает его, тем самым создавая порядок, традицию; смысл преодолевает становления. Но события играют, а смыслы утрачиваются. События расширяют горизонт пространства, а вертикаль растворяется. Кажется, что события предшествуют смыслу, но их связь не подобна диалектической — существование. Смысл возникает только тогда, когда человек дает ему право возникнуть.

Человек вовлечен в карнавал событий; динамика внешнего сопутствует его становлению. С событиями человек изменяется и развивается; со смыслом же он приобретает устойчивость, укорененность. Событие существует во времени, торопит его; смысл же пророс в пространстве, своими повторениями он лишь тормозит время. Событие множественно — смысл един во множественном. Событие вот оно: включайся, утекай; чтобы обрести смысл, внешнего включения не достаточно: «Тебе нужно всего лишь взять себя в руки, войти в берега. Но войти в берега можно, если ты из них когда-то вышел. Вышел и попал в состояние несобранности, несвязности» [6, с. 127].

По Ф. И. Гиренку, бытие человека может быть расположено между двумя модусами, событием и смыслом. Ориентация на событие есть движение за чем-то внешним; вовлечение я в по-ту-стороне себя. В статье я обращаюсь к изменению бытия человека в период пандемии. Сама по себе пандемия есть как раз это по-ту-стороне. Но она «загнала» человека в его дом, пространство укоренения. Как показали события марта — апреля 2020 г., не для всех россиян дом стал местом прорастания смысла; гонка за событием продолжилась, только перешла она из пространства реального в виртуальное.

В контексте отношения человека к событию позволю себе выявить сценарии ответов на самоизоляция:

- 1) ориентация на внешнее событие, когда внешнее событие перешло из физической реальности в Интернет;
- 2) создание внешнего события (выход и фиксация «я» в Интернете, иллюстрация — TikTok, сервис самодельных видеоклипов);
3. обращение к себе.

Наверное, забота о себе существует во всех трех вариантах. Безусловно, технологии себя во всех вариантах присутствуют. Но в первых двух настолько сильна ориентация на внешнее, что в дело вступают внешние сборки: лицо, навыки, знания, эмоции, — все то, что способно зацепиться и зацепить. Однако это сцепка временная: событие торопит время, множит возможности нового, ищет новое. Более того, эта сцепка ориентирована на чувства и эмоции человека (я смешно, грустно, страшно; я раздражен или весел); во внешнем она иррациональна. В ней и с помощью нее я ориентирован на мир, разговариваю с ним. В свою очередь, забота о себе есть поиск своего «само»; оно не может быть где-то снаружи, оно заключено внутри самого я. Задача человека,

обращающегося к себе, как обращались философы и богословы две тысячи лет назад, — научиться разговаривать с собой заново. Сегодня человеку нужно вновь определить «свои берега» и снова в них войти.

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. : Степной ветер, 2005.

2. Артеменко Н. А. Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материале «Бытия и времени»). Часть 1. Хайдеггеровская версия феноменологии темпоральности человеческого бытия: вопрос о целостности Dasein // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2, № 1. С. 18—25.

3. Артеменко Н. А. Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». Санкт-Петербург, 2012.

4. Бахтин М. К философии поступка. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahutin/postupok3.html> (дата обращения: 03.06.20).

5. Борисов С. В. Как практиковать философию в мире повседневности // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. № 1. С. 1—14.

6. Гиренок Ф. И. Археография событий. М. : ИФ РАН, 1999.

7. Декарт Р. Рассуждение о методе. Москва : АСТ, 2019.

8. Марк Аврелий. Размышления. URL: <http://lib.ru/POEEAST/avrelij.txt> (дата обращения: 03.06.20).

9. Платон. Алкивиад I. URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/alki1.htm> (дата обращения: 03.06.20).

10. Платон Апология Сократа. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/01apols.htm> (дата обращения: 03.06.20).

11. Рикер П. Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля: курс, прочитанный в университете Страсбурга в 1953—1954 гг. М. : Изд-во гуманит. лит., 2019.

12. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485 (дата обращения: 03.06.20).

13. Флоренский П. А. Иконостас. Москва : Азбука, 2013.

14. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007.

15. Фуко М. История сексуальности-III: забота о себе. М. : Грунт, 1998.

16. Фуко М. О начале герменевтики себя // *Логос*. 2008. № 2.

17. Фуко М. Технологии себя // *Логос*. 2008. № 2.

18. Цицерон. Философские трактаты. М. : Наука, 1985.

19. Янина Мановас. Библихин: опыт слушания. URL: http://bibikhin.ru/opyt_slushaniya (дата обращения: 03.06.20)

20. Guan W., Ni Z., Hu Y., Zhu S., Zhong N. Clinical characteristics of coronavirus disease 2019 in China // *New England Journal of Medicine*. 2020. № 382 (18). P. 1708—1720.

21. Heyes C.J. (2007) *Self-Transformations: Foucault, Ethics, and Normalized Bodies*. Oxford : Oxford University Press, 2007.

22. Koopman, C. *A Companion to Foucault*. John Wiley and Sons, 2013.

23. Ladkin, D. Self Constitution as the Foundation for Leading Ethically: A Foucauldian Possibility // *Business Ethics Quarterly*, 2018, no. 28 (3), pp. 301—323.

24. Mcgushin E. Foucault and the problem of the subject // *Philosophy & Social Criticism*. 2005. № 31 (6). P. 623—648.

25. Murray S.J. Care and the self: Biotechnology, reproduction, and the good life // *Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine*. 2007. № 2 (1).

26. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. № 55 (1). P. 68—78.

27. Wain K. Foucault, education, the self and modernity // *Journal of Philosophy of Education*. 1996. № 30 (3). P. 345—360.

References

1. Hadot P. (2005) *Duhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya*. Moscow, Stepoj veter. [in Rus].

2. Artemenko N.A. (2011) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 2, no. 1, pp. 18—25. [in Rus].

3. Artemenko N.A. (2012) *Hajdeggerovskaya «poteryannaya» rukopis': na puti k «Bytiyu i vremeni»*. St. Petersburg [in Rus].

4. Bakhtin M. K filosofii postupka. Available at: <http://www.infoliolib.info/philol/bahutin/postupok3.html>, accessed 03.06.20 [in Rus].

5. Borisov S.V. (2017) *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 1, pp. 1—14. [in Rus].

6. Girenok F.I. (1999) *Arheografiya sobytij*. Moscow [in Rus].

7. Descartes R. (2019) *Rassuzhdenie o metode*. Moscow [in Rus].

8. Marcus Aurelius *Razmyshleniya*. Available at: <http://lib.ru/POEEAST/avrelij.txt>, accessed 03.06.20 [in Rus].

9. Plato. *Alkiviad I*. Available at: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/alki1.htm>, accessed 03.06.20 [in Rus].

10. *Plato Apologiya Sokrata*. Available at: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/01apols.htm>, accessed 03.06.20 [in Rus].

11. Ricoeur P. (2019) *Bytie, sushchnost' i substanciya u Platona i Aristotelya: kurs, pročitannyj v universitete Strasburga v 1953—1954 gg.* Moscow [in Rus].

12. *Ob ob'yavlenii v Rossijskoj Federacii nerabochih dnei*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485, accessed 03.06.20 [in Rus].

13. Florensky P.A. (2013) *Ikonostas*. Moscow [in Rus].

14. Foucault M. (2007) *Germevnetika sub'ekta: kurs lektisij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1981—1982 uchebnom godu*. St. Petersburg [in Rus].

15. Foucault M. (1998) *Istoriya seksual'nosti-III: zabota o sebe*. Moscow [in Rus].

16. Foucault M. (2008) *Logos*, no. 2 [in Rus].

17. Foucault M. (2008) *Logos*, no. 2 [in Rus].
18. Cicero (1985) *Filosofskie traktaty*. Moscow [in Rus].
19. Ioannina Manovas. Bibihin: opyt slushaniya. Available at: http://bibikhin.ru/opyt_slushaniya, accessed 03.06.20 [in Rus].
20. Guan W., Ni Z., Hu Y., Zhu S., Zhong N. (2020) *New England Journal of Medicine*, no. 382 (18), pp. 1708—1720. [in Eng].
21. Heyes C.J. (2007) *Self-Transformations: Foucault, Ethics, and Normalized Bodies*. Oxford, Oxford University Press, 2007 [in Eng].
22. Koopman C. (2013) *A Companion to Foucault*. John Wiley and Sons [in Eng].
23. Ladkin, D. (2018) *Business Ethics Quarterly*, no. 28 (3), pp. 301—323. [in Eng].
24. Mcgushin, E. (2005) *Philosophy & Social Criticism*, no. 31 (6), pp. 623—648. [in Eng].
25. Murray S.J. (2007) *Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine*, no. 2 (1) [in Eng].
26. Ryan, R.M., Deci E.L. (2000) *American Psychologist*, no. 55 (1), pp. 68—78 [in Eng].
27. Wain, K. (1996) *Journal of Philosophy of Education*, no. 30 (3), pp. 345—360 [in Eng].

For citing: Penner R.V. "Care of self" in conditions of self-isolation // *Socium i vlast'*. 2020. № (83). P. 65—73. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-65-73.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-65-73

UDC 101

"CARE OF SELF" IN CONDITIONS OF SELF-ISOLATION

Regina V. Penner,

South Ural State University,
Associate professor of the Department Chair
of Philosophy, Cand.Sc. (Philosophy),
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Abstract

Introduction. In the context of the COVID-19 pandemic, which spread around the world in early 2020, special attention is paid to external transformations in human life: forced staying at home, using personal protective equipment in public places, social distance, etc. Nevertheless, the inner world of a man is susceptible to serious transformations.

Another necessary element that structures the world of self (J. Deleuze's point of view) is turning into a potential carrier of the virus. Therefore, the problem of human reflection with the goal of taking care of oneself in a crisis situation is of particular relevance.

The aim of the study is to substantiate the effectiveness of spiritual practices of the period of Antiquity and the early Middle Ages as forms of caring of the internal in a person in the pandemic.

Methods. The author uses general scientific methods: analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. In addition, a comparative historical method, an interpretation method and a systematic approach are applied. With the help of the dialectical approach, the connection between the external and the internal in a person was designated.

Scientific novelty of the study. Three scenarios of human responses to self-isolation in the context of an event (external) – meaning (internal) are outlined: orientation to an external event; creating an external event; appeal to the self.

Results. In the context of self-isolation, staying alone with himself, a person faced a problem, a crisis of identity (empirical evidence for this problem was provided by psychologists and psychotherapists in Chelyabinsk and the Chelyabinsk region). This problem is due to the fact that the pandemic has reduced many of the person's connections with the outside world (work, study, relationships with friends and relatives) and / or transferred them to a remote format. Therefore, consciously or optionally, at the level of an unreasonable request, a person has a need to rethink his self. Rethinking is a reflexive procedure when a person re-learns to communicate with his self. M. Foucault analyzed and systematized examples of spiritual work with I, looking into the practices of care of the self in ancient thinkers' and early Christians' studies.

Conclusion. The COVID-19 virus has made significant adjustments to human life. No less adjustments were made to the events (F. Girenok) that fill the life of a person. A man's replies to changes in his being can be laid between two poles: event and meaning. Even while at home, many continue to focus on the external, creating something of their own (for example, audiovisual production) or consuming the results of others. At the same time, orientation to meaning involves focusing on oneself. Philosophers and theologians who practiced self-care about two millennia ago, proposed different forms of reflection, pursuing one goal, to learn to talk with oneself.

Key concepts:

care of self,
technologies of self,
spiritual practices,
ancient philosophical practices,
internal,
external,
self-isolation,
pandemic.

Для цитирования: Конфедерат О. В., Дядык Н. Г. Гедонистическая онтология фильма: порождающие модели // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 74—84. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-74-84.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-74-84

УДК 130.2; 175

ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ ФИЛЬМА: ПОРОЖДАЮЩИЕ МОДЕЛИ

Конфедерат Ольга Владимировна,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры истории России
и зарубежных стран,
кандидат культурологии, доцент.
Российская Федерация, 454129,
г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.
E-mail: olga.confederat@yandex.ru

Дядык Наталья Геннадьевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологи,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 69.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Аннотация

Введение. Наблюдение за производственно-потребительской областью современного кинематографа дает возможность сделать заключения о ценностных доминантах современного общества, провести его социо-культурный анализ. Кино, как авторское, так и массовое, есть способ рефлексии и моделирования духовного состояния социума и его анализ позволяет сделать достаточно серьезные и обоснованные философско-социальные выводы. Фильм в философском смысле онтологизирован доминирующей интенцией эпохи. Такой доминирующей интенцией современности является гедонизм. Наслаждение, удовольствие, счастье, по мнению гуманитарной науки, являются базовыми ценностями социума в XXI в. Кинематограф является наиболее исчерпывающим ответом на запросы гедонизма, поскольку и в его технической (движение, фотографическая феноменология), и социальной природе (искусство и развлечение) в той или иной степени заложены гедонистические предпосылки. В связи с этим представляется актуальным провести философский анализ онтологического уровня современного кинематографа.

Цель: провести философский анализ онтологического уровня современного кинематографа; выявить онтологические модели, вариации и комбинации которых обеспечивают его художественное разнообразие.

Методы: нами использовались общенаучные методы анализа и синтеза, феноменологический метод, поскольку мы выявляем чувственные интенции, лежащие в основе современного кино. Также мы используем герменевтический метод, поскольку выявляем скрытые смыслы фильма, определяемые временем и условиями его создания, а так же семиотический подход, позволяющий проанализировать структурно-семиотическое целое фильма.

Научная новизна заключается в том, что мы подходим к анализу фильмов с философских позиций, а не только культурологических, как это принято традиционно. Мы ищем в современном кинематографе отражение «социальной души», выявляем те интенции, которые лежат в основе современного кино, как авторского, так и массового. Это позволяет нам вывести типологию моделей фильма, ранее не применявшуюся к анализу кинопроцесса.

Результаты. В ходе анализа нами была разработана гедонистически-онтологическая типология кинематографических моделей, было выделено пять порождающих моделей кинематографа, четыре из которых имеют гедонистическую направленность: алиментарная модель, доставляющая удовольствие реципиенту путем интенсивной стимуляции его перцептивной сферы; паркурная модель, доставляющая удовольствие легкого и беспрепятственного движения, минимизации тяжести и сопротивления окружающей среды; аркадная модель, обеспечивающая зрителю наслаждение победы путем виртуальной иммерсии в перипетии «фильма действия» (action film); детективная модель, дающая зрителю удовольствие через снятие познавательной неопределенности. Пятая модель, условно называемая экзистенциальной, должна привести зрителя в сложное философское состояние *бытия-с-самим-собой*, переживание собственной исполненности, связанное со страданием претерпевания. Однако в силу гедонистических ориентаций современной культуры эта модель оказывается неактуальной в первые десятилетия XXI в.

Выводы. Философский анализ современного кино выявил, что на онтологическом уровне основу его составляет философия гедонизма. Современный кинематограф доставляет реципиенту следующие виды наслаждений: наслаждение плотью мира, наслаждение телесной свободой в движении, наслаждение покоя, познавательное наслаждение.

Ключевые понятия:

гедонизм,
интенция,
кинетическое наслаждение,
статическое наслаждение,
онтологическая модель фильма.

Введение

Искусство в целом и кинематограф в частности являются способом познания мира при помощи чистых концептов, способом «всматривания в бытие» и социальное сознание. Намерение классифицировать массу кинематографических явлений последнего времени на этих основаниях приводит нас к философским аспектам проблемы, к поискам онтологического уровня, где могут быть расположены абстрактные модели фильма, некие «идеи» в платоновском смысле, каждая из которых порождает в социокультурной реальности ряды кинолент, различных по фабуле, сюжету, пластической риторике, жанровым признакам, но роднящихся как производные одной мыслительной модели.

Онтологическим уровнем кино для разных периодов его существования с конца 1890-х гг. и по наше время может быть доминирующая в культуре того или иного периода интенция, то есть направленность сознания, и обусловленная ею ценностная система. Такими порождающими интенциями могут быть страх, любопытство, наслаждение, забота, сопротивление и т. д. Условия возникновения доминирующей интенции сложны, поскольку в них сказываются базовые установки культуры, восходящие к ее мифологическим началам, структура менталитета, текущие изменения в политической и культурной жизни, стихийные бедствия и катастрофы, нарушающие этический и эстетический баланс в мыслительной картине мира. Свое влияние оказывают события в искусстве, экономике, технологии, возникающие как результат актуального хода вещей и генерирующие новые ряды событий. Сейчас нам достаточно взять за основу очевидное предположение, что кинематограф является видом философской рефлексии и одновременно способом художественного моделирования этой рефлексии, о чем мы писали ранее: «Концептуальное кино является художественной формой философского вопрошания, погружающего реципиента в состояние философской рефлексии» [6, с. 96]. Кинематограф как вид философской рефлексии в значительной мере определяется и регулируется доминирующей в культуре интенцией. Но не меньшие возможности для философских выводов представляет обширный план развлекательного кино, по-своему отвечающего на вопросы времени. За период с 1980-х гг. до последнего времени характеристики интенционального уровня, на котором складываются порождающие модели

фильмов, заметно изменились. Преобладание тревоги, страха перед неизвестностью, характерное для 1980—1990-х гг., сменилось в 2010—2020-х преобладанием эйфорически-гедонистической интенции, что не раз отмечено современной гуманитарной наукой. В междисциплинарном исследовании «Hedonism and the choice of everyday activities (Гедонизм и выбор повседневных дел)» [18], сделанном группой европейских и американских психологов, социологов и экономистов, гедонистический принцип существования современного человека варьируется в концепции «гедонистического оппортунизма» (стимуляции хорошего настроения всякий раз, когда появляется такая возможность), «гедонистической значимости» состояний, действия и занятий, «гедонической гибкости», требующей краткосрочных вознаграждений за неприятные, но необходимые действия. В ряду таких стимуляций и вознаграждений (еда, игра, развлечение, психологическая поддержка в социальных сетях) визуальное удовольствие занимает далеко не последнее место [17]. По нашему мнению, ориентация кинематографа 2010—2020-х на гедонистическую интенцию объяснима большей экономической стабильностью по сравнению с 1980—1990-х и формированием феномена общества потребления, ориентированного на потребление не только материальных благ, но и всевозможных удовольствий, широкий спектр которых предоставляет кинематограф.

Гедонистическая философия как духовный базис кинематографа 2010—2020-х гг.

Как мы показали выше, интенции эпохи, обуславливающие ту или иную кинематографическую модель, не всегда являются гедонистическими. Но нельзя при этом игнорировать то обстоятельство, что, будучи зрелищным искусством, фильм по природе своей связан с удовольствием и наслаждением. Это заставляет нас иметь в виду два аспекта проблемы. С одной стороны, нам важно проследить, какие модели кинематографического зрелища сегодня являются востребованными, и описать их гедонистическую природу. С другой стороны, нам неизбежно придется обратиться к природе самого фильма, выявить источники специфического удовольствия, заключенные в нем, и соотнести их с наиболее общими, классическими философскими трактовками удовольствия, на которых базируется западная культура и западное искусство. При таком подходе типология

«моделей удовольствия» будет иметь относительно общий характер, не очерченный какой-то одной эпохой, и сведется к небольшому числу основных кинематографических моделей. Их вариациями и комбинациями, на наш взгляд, обеспечено разнообразие художественного кинематографа.

Для наших целей нам достаточно привлечь положения античной греческой философии, тем более, что учения Эпикура и Аристиппа в контексте современной апологии и критики гедонизма вызывают повышенный интерес.

Диоген Лаэртский приводит цитату из сочинения Эпикура «О конечной цели»: «Не знаю, что и помыслить добром, как не наслаждение от вкушения, от любви, от того, что слышишь, и от красоты, которую видишь» [5, с. 398].

Из письма Эпикура Менекею: «...когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, <...> мы разумеем свободу от страданий тела и смятений души» [5, с. 435]. Поэтому «часто боль мы предпочитаем наслаждениям, если, претерпев долгую боль, мы ждем за нею большего наслаждения» [5, с. 434]. В книге «О предпочтении» философ различает два вида удовольствия — кинетическое и статическое: «Наслаждение в покое — это безмятежность и безболезненность, наслаждения в движении — радость и удовольствие» [5, с. 436].

Б. М. Никольский в статье «Эпикур о наслаждении: проблема кинетического и статического наслаждения», предваряющей публикацию книги Цицерона «О пределах добра и зла», пишет: «Согласно свидетельству Цицерона, высшим благом и конечной целью, с точки зрения Эпикура, служило статическое наслаждение. Однако некоторые другие свидетельства противоречат или по крайней мере не очень хорошо согласуются с этим» [13, с. 424—425]. Для нас важным кажется замечание Никольского, что по существу «статическое удовольствие» Эпикура является не состоянием покоя, но претерпеванием, то есть своего рода движением, при котором поток впечатлений проходит сквозь тело и сознание реципиента, фокусирующего себя в точке восприятия. «Эпикур характеризует всякое наслаждение как «претерпевание» — πάθος, что заставляет нас видеть в любом наслаждении результат воздействия и не говорить о некоем статическом наслаждении, которое ни с каким воздействием не связано» [13, с. 430].

Это положение отсылает нас к философии наслаждения Аристиппа, трактованной Е. В. Алымовой и С. В. Караваевой в контекс-

те концепции времени у Августина: «Время нашего существования растянуто, мы пребываем во времени. Но в состоянии наслаждения, удовольствия человек находится в консенсусе с самим собой, топосе, где осуществляется собрание-воедино всего человеческого существа» [1, с. 13].

Философский анализ положений гедонистической философии не является для нас целью, поэтому мы можем довериться приведенным рассуждениям, чтобы обозначить основные состояния наслаждения: снятие боли (тревоги, страха, дискомфорта), разнообразные чувственные удовольствия и, наконец, экзистенциальное наслаждение исполненности («собрание-воедино»).

Несложно увидеть, насколько сама природа фильма расположена к стимуляции таких удовольствий. Чувственное богатство фотографических образов, последовательно возрастающее с приходом цвета, а затем высокоскоростных цифровых камер, производящих «срезы» реальности, исключительные по феноменологической плотности, дает зрителю самый широкий спектр удовольствий. Кинетическая природа фильма позволяет насладиться свободой и ритмом движения, освобождая нашу естественную моторику от тяжести плоти, сопротивления среды и препятствий. Отсылая здесь к известному замечанию М. Мерло-Понти о том, что «искусство не создано для изложения идей; <...> современная философия состоит не в сцеплении понятий, но в описании смещения сознания с миром, его ангажированности в теле, его сосуществования с другими, <...> сюжет этот исключительно кинематографичен» [12], мы лишь напоминаем о тотальном присутствии телесности мира и человека в кинематографическом изображении. Специфика кино как технологии искусства позволяет испытать наслаждение этой телесностью синэстетически полно, с глубокой иммерсией, что и делает фильм таким привлекательным для зрителя-гедониста.

Сложнее обстоит дело с наслаждением экзистенциального «претерпевания». Фильм, изначально оперирующий длительностью и зрелищной предметностью, может, согласно намерениям автора, отказать от них, чтобы оставить зрителя в чистом фотографическом «здесь-и-сейчас», в точке *punctum'a*, по терминологии Р. Барта. При этом технология фильма, в отличие от фотографии, допускает временную протяженность этой точки «разрыва», не заполняемого содержанием *studium'a*, что может вызвать у нетребовательного зрителя, ориентированного на кинематогра-

фические удовольствия, в лучшем случае, дискомфорт скуки, в худшем — раздражение и отторжение. Таковы, например, фильмы А. Тарковского («Сталкер», «Солярис», Андрей Рублев»), М. Антониони («Красная пустыня»), В. Вендерса («Положение вещей», «Алиса в городах», «Небо над Берлином и др.»), повествование в которых как бы растянуто, присутствуют так называемые «пустые» и «зависающие» кадры, затяжные паузы, что является намеренными приемами режиссера, направленными на то, чтобы дать зрителю опыт переживания претерпевания неопределенности как экзистенциальной ценности [6, с.111]. По замыслу режиссера, находясь в состоянии ожидания, зритель невольно обращается к переживанию собственной экзистенции, но неподготовленному зрителю легко классифицировать подобные моменты фильма как ошибки, провалы или неоправданную претенциозность автора. Однако даже этот нетребовательный зритель охотно принимает саспенс в триллерах, например, у Хичкока, по опыту зная, что длительность и степень дискомфорта в этом сюжетном «зависании» прямо пропорциональны наслаждению последующего «снятия».

И, наконец, нельзя не упомянуть о познавательном наслаждении, которое способен дать фильм зрителю. Гедонистическая философия не говорит о радостях знания, хотя у Эпикура есть учение о познавательном «предвосхищении» и «выжидании», первое из которых обеспечивает легкость узнавания вещей, а второе связано с трудом постижения. Кроме того, знание философ считает залогом душевного покоя и безмятежности духа, принадлежащих к статическим наслаждениям. Наука, по его мнению, «не служит никакой иной цели, кроме как безмятежности духа и твердой уверенности» [5, с. 421], а знание необходимо, чтобы «с быстротой мысли облететь все самое нужное для достижения душевного покоя» [5, с. 421]. Таким образом, первые «наслаждения знания», которые мы упомянем применительно к фильму, — это снятие познавательной неопределенности (разгадка тайны или разрешение саспенса) и удовольствие узнавания уже знакомого. Простейшие примеры первого мы встречаем в мистических или криминальных триллерах, в детективных фильмах и т. д. Второй тип познавательного удовольствия специально провоцируется фильмами, построенными по интертекстуальной модели, включающей в оригинальную сюжетно-пластическую форму регулярные отсылки к уже известным тек-

стам, образам, именам или событиям в виде цитаты, аллюзии, пародии, оммажа. Кроме того, кино удовлетворяет любопытство зрителя, его потребность в познавательном развлечении. На этом основано научно-популярное кино и видовое «кино путешествий», но игровое кино не в меньшей степени учитывает любопытство зрителя, поставляя ему наглядные сведения о других эпохах, об экзотических местах на планете, о быте других сословий, обстоятельствах жизни и деятельности известных людей.

Учитывая вышесказанное, мы выделяем пять наиболее очевидных наслаждений, фундирующих кинематографическое зрелище:

1. Наслаждение плотью мира в широком спектре наших перцептивных возможностей. Фотографическая природа кино, особенно на цифровой стадии развития, стимулирует не только цвето-световые ощущения зрителя, но и тактильные, моторные, ольфакторные, вкусовые, температурные и множество других, более тонких и неопределимых чувственных переживаний. При определенной гедонистической установке это свойство фильма позволяет моделировать в кадре чувственный комфорт, трудно достижимый в реальности, комфорт тактильно-предметный, алиментарный, природный (ландшафтный, ботанический), сексуальный и т. д.
2. Наслаждение телесной свободой в движении, идеально представленное свободным полетом, выходом телесной энергии, не встречающей внешних препятствий или легко преодолевающей их. Такого рода свободу в самом удобном и распространенном виде дают некоторые жанры компьютерных игр или инсталляций, снимающих естественную тяжесть и инертность тела пользователя в виртуальном пространстве. Но этого же качества достигает кино в эпоху, когда тяжелая громоздкая съемочная техника заменяется на компактные кино-фотоаппараты типа «Red Epic» или фильм целиком моделируется в виртуальном компьютерном пространстве.
3. Наслаждение покоя, трактованного как снятие боли и страдания. Для достижения этого фильму достаточно саспенса, располагающего и удерживающего зрителя в дрящемся состоянии неведения, ожидания,

оптического, психологического и эмоционального дискомфорта. Наиболее простым примером может быть классическая сцена из «Молчания ягнят» Д. Демми, где героиня Д. Фостер продвигается в поисках убийцы по темному дому. Наступающее вслед за тем разрешением саспенса, снятие страха неизвестности, доставляет тем большее наслаждение, чем интенсивнее чувствовался предыдущий дискомфорт.

4. Познавательное наслаждение в виде снятия гносеологической неопределенности, узнавания хорошо известного и удовлетворения любопытства.
5. Пятый вид наслаждения наиболее сложен по своей структуре и кинематографическими воплощениям, но базируется он на том самом состоянии полноты *бытия-с-самим-собой*, которое Аристипп связывает с наслаждением исполненности, а Августин — со страданием претерпевания. Пользуясь мифом о Сизифе, трактованном в известном тексте А. Камю, можно сказать, что один полюс этого состояния определяется как точка преодоления внешнего препятствия, последний акт усилия, достигающего своей цели, момент победы и связанный с ним аффект полной самореализации. Другой полюс, наиболее важный для самого Камю, — длительность бесконечного возвращения Сизифа к исходной точке усилия. В этой философской апологии страдания постулируется и высшее наслаждение бытийной исполненности, не имеющей иных условий кроме *бытия-с-самим-собой*: «В этом вся тихая радость Сизифа. Ему принадлежит его судьба. Камень — его достояние. Точно так же абсурдный человек, глядя на свои муки, заставляет умолкнуть идиолов. В неожиданно притихшей вселенной слышен шепот тысяч тонких восхитительных голосов, поднимающихся от земли» [7, с. 92]. Этот безусловный, чистый акт-существование, достигаемый устранением его предикатов, как негативных (страдание, боль, усилие), так и позитивных (удовольствия жизни, победа, награда), обладает чистой позитивностью самотождественности, не нуждающейся в онтических доказательствах. Но сложно предположить, что позитивность такого акта может стать залогом популяр-

ных культурных практик, в том числе и жарового кино, рассчитанного на широкого зрителя. Оно охотнее принимает другой полюс сизифовой ситуации — виртуальный полюс победы над богами и камнем. Мы уже говорили об удовольствии снятия эмоционального дискомфорта или познавательной неопределенности, предпочтительном для зрителя. Точно так же снятие угрозы свободе и жизни героя со стороны враждебных сил, реализованное в момент победы, зритель переживает как наслаждение, прямо пропорциональное масштабу угрозы, и не готов отказаться от него ради трудного наслаждения «быть от начала до конца собой».

Гедонистически-онтологическая типология кинематографических моделей.

Теперь мы можем определить пять базовых моделей фильма, основанных на том или ином из пяти вышеназванных видов наслаждения либо их комбинирующих. Напомним, что мы не оперируем понятием жанра, поскольку объемы понятий «жанр» и «модель» не совпадают. Модель в данном случае есть лишь формула ответа на интенцию эпохи. Обращаясь к первым десятилетиям XXI в., мы определяем эту интенцию как гедонистическую и готовы констатировать популярность некоторых моделей и их комбинаций в современном кинематографе. Вместе с тем мы подчеркиваем, что сама типология моделей имеет универсальный характер и может быть приложена к любой эпохе, охваченной существованием кинематографа. Важно заметить, что эта типология имеет ряд отличий от типологии текстов, разработанной Ю. М. Лотманом на основаниях их социального функционирования [11] и принимающей во внимание коммуникативный акт, взятый в аспектах понимания и интерпретации сообщения. Поэтому понятия «сказка» или «детектив» в наших рассуждениях имеют несколько иное наполнение. Мы всего лишь типологизируем конструкции, работающие на зрительское удовольствие.

На этих основаниях мы выделяем следующие типы конструкций:

«Алиментарная» модель. Понятие «алиментарный» здесь берется в более широком содержательном объеме, чем просто «пищевой» (фр. *alimentaire*), «съестной», «питательный». Уже Р. Барт, вводя

понятие в теорию культуры, замечает, что *alimentaire* — это и пища, набор продуктов, «и в то же время система коммуникации, собрание образов, свод обычаев, ситуаций и поступков» [2, с. 368]. «Что может стоять за такими алиментарными значениями? — говорит Барт, — <...> не только установка на показное благополучие, но и гораздо более обширный комплекс тем и ситуаций; можно сказать, что в пище присутствует как озабоченное «весь мир» [2, с. 373].

Алиментарная модель в кино не ограничивается демонстрацией гиперреалистических образов съестного, хотя тенденция выделения «кулинарных» сериалов и фильмов в особый жанровый подвид возникает в 2007-2014 («Рататуй» (*Ratatouille*, 2007), «Вкус жизни» (*No Reservations*, 2007), «Душевная кухня» (*Soul Kitchen*, 2009), «Джули и Джулия» (*Julie & Julia*, 2009), «Повар для президента» (*Les saveurs du Palais*, 2012), «Шеф» (*Comme un chef*, 2012), «Кухня» (телесериал, «СТС», сезоны 2012—2014), «Повар на колесах» (*Chef*, 2014), «Пряности и страсти» (*The Hundred-Foot Journey*, 2014). Понятие «алиментарный» мы трактуем как синэстезию предметного образа, обращенного сразу ко многим нашим органам чувств: зрению, обонянию, слуху, тактильности, тончайшим моторным, температурным и пространственно-телесным ощущениям. Оно указывает на специфику зрительского «обладания» привлекательным визуальным образом, на широкий спектр чувственных наслаждений, доставляемых образами как гастрономическими, так и ландшафтными, дизайнерскими, эротическими и т. д. Фильмы «алиментарной» модели построены на стремлении максимально заполнить кадр чувственно-насыщенными предметными вещами-образами: продуктами питания, сервировкой, одеждой, красивыми телами, элементами интерьера, ботаническими объектами т. д. Пример такой модели дает успешный сериал 2010 г. «Аббатство Даунтон», переформатированный в 2019 г. в полнометражный фильм. Снятый в *Wentworth Woodhouse*, крупнейшем георгианском поместье Англии, фильм демонстрирует ботанические ландшафты, интерьеры, одежду, дизайнерские объекты (кухонную утварь, туалетные принадлежности, бытовую технику) с той же щедростью, что и гастрономическое содержание аристократических трапез.

В ряду чувственных объектов мы должны специально оговорить здесь объекты сексуальные. Модификации такого объекта в искусстве вообще и в кино в частности варьируются в слишком широком диапазоне

значений: от «комфорта» до «угрозы», от «красоты» до «безобразия», от «удовольствия» до «отвращения», от «покоя» до «катастрофы» и т. д. Алиментарная модель включает сексуальные объекты только на условии позитивного синэстетического удовольствия. Поэтому, например, ряд фильмов, апеллирующих к сексуальности, например, фильмов, датированных концом 1990-х гг. («Порнографическая связь», 1999, Ф. Фонтейн; «Клер Долан», 1998, Л. Керриган; «Широко закрытые глаза», 1999, С. Кубрик), сложно отнести к алиментарной модели в силу драматизма и даже трагичности, с какой освещается сексуальная сторона человеческой жизни. Напротив, фильмы 2020-х гг. трактуют сексуальность главным образом как потребительскую алиментарность. Наиболее яркими примерами этого могут быть «Пятьдесят оттенков серого» (2015, С. Тейлор-Джонсон) или «Назови меня твоим именем» (2017, Л. Гуаданьино), предлагающие зрителю чувственный комфорт самого широкого спектра, в том числе — эротический.

«Паркурная» модель. Название условно и восходит не к спортивному термину, а к французскому глаголу *parcourir*, что переводится в широком синонимическом диапазоне, включающем «обозревать, бегло просматривать, пролетать, пробегать, проходить» и т. д. Какую-то часть содержания в определении модели может занимать и собственно паркур как искусство перемещения и преодоления препятствий, а более того — зрелищное ответвление паркура — фриран. Непрерывный «скользящий» ритм движения, точные и мгновенные пластические решения в рискованных местах дистанции, — это может быть и полуса препятствий, и танец. Поэтому уточняющим определением модели будет еще и «пластически-хореографическая». Такого рода фильм строится на стремительном и вместе с тем плавном движении, размеченном выразительными пластическими точками-узлами, завершающими пассаж или обозначающими поворот действия в другом направлении. Эта модель, например, включена как доминирующая в фильм, открывающий новую эпоху бондианы, «Квант милосердия» (2008, М. Форстер) или в третью часть франшизы «Пираты Карибского моря» (2007, Г. Вербински). Но жанровое ограничение «фильмами действия» (*film action*) и авантурными фэнтэзи-фильмами здесь не обязательно.

«Аркадная» модель. Название также условно и восходит к компьютерным «ар-

кадным» играм, построенным как цепочка локаций, объединенных линейной «миссией». Локации, расположены одна за другой по принципу возрастания сложности препятствий и угроз, объединены в замкнутом обозримом игровом пространстве с точкой входа/выхода. Аркадная модель не предоставляет пользователю свободы выбора, зато позволяет пережить на каждом уровне наслаждение от победы, от выполненной задачи. И это удовольствие возрастает в ходе игры соразмерно уровню сложности преодоленных препятствий. По «аркадной» модели сделаны, например, такие фильмы как «Чужие» Дж. Камерона, вся франшиза «Терминатор», начиная с фильма Камерона 1984 года, новейшие фильмы, датированные 2019 годом: «1917» С. Мендеса, фильм-сериал «Мандалорец» Д. Фавро и т. д. Популярность этой модели обусловлена тем, что она оперирует, как минимум, двумя типами наслаждений: наслаждением покоя, наступающего в момент снятия напряжения, и экзистенциальным наслаждением бытийной исполненности, банализированным в этой модели до аффекта победы.

«Детективная» модель предполагает зрительское наслаждение, получаемое в результате снятия познавательной неопределенности. В зависимости от характера такой неопределенности, смоделированной в фильме, его жанр может варьироваться от триллера до комедии, использующей пародийное столкновение разнородных структурно-семиологических блоков, имеющих определенное происхождение, авторство, социо-культурное значение, как это происходит, например, в «Криминальном чтиве» (1995) К. Тарантино или в сериале «Благие знамения» (2019) Д. Маккиннона. В триллере или детективе (в жанровом смысле этого понятия) наслаждение узнавания соединено со снятием экзистенциальной тревоги, которой чревата всякая познавательная неопределенность, причем эта тревога может быть усилена драматургическими и пластическими средствами до степени страха. Зрителю бывает зачастую сложно выделить в собственном затянущемся аффекте тревогу познавательного любопытства. Тем не менее, «незнание», «ошибочное знание», «узнавание» — основа интриги в фильмах, варьирующих элементы детектива, триллера и даже хоррора. Несколько иного рода познавательное удовольствие моделируется в интертекстуальных комедиях, построенных как инкрустация фрагментов иной культурной вселенной (фильма, книги, биографии, политического манифеста, компью-

терной игры, популярного бренда, формата ТВ и т. д.) в тело фильма или сериала. Эти фрагменты могут иметь характер цитаты, аллюзии, пародии, оммажа, cameo. В любом случае узнавание первообраза или первоисточника доставляет зрителю наслаждение определенного толка: наслаждение собственной наблюдательностью и эрудицией.

Современный кинопроцесс не дает очевидных примеров модели кино, которую мы могли бы назвать **«экзистенциальной» моделью** и связать с пятым видом наслаждения, с трудным счастьем Сизифа быть поистине. Гедонистическая интенция эпохи минимизирует значение такого счастья. Однако для эпох, доминирующей интенцией которых является тревога неопределенности, страх перед будущим, неуверенность в выборе ценностей, «экзистенциальная» модель становится значимой. Может показаться, что определение тревоги как порождающей интенции противоречит практическому определению фильма как искусства и зрелища, предназначенного, в первую очередь, для развлечения и удовольствия. Возражением, однако, могут быть положения философской альгодицеи и экзистенциализма, апологетизирующие трудное наслаждение *быть поистине*, проживать чистый акт-существование (Э. Левинас) в претерпевании тревоги, страха, непонимания, скуки, боли, т. е. модусов существования, имеющих человекообразующую силу.

«Безусловно, в опыте боли, — пишет сторонник философской альгодицеи В. Лехциер, — мы теряем себя, ускользаем от себя в бездну, готовую нас поглотить. Крайней точкой такого опыта является болевой шок — полное отключение субъекта и его возвращение к состоянию чистой неразличимости. На другом полюсе опыта боли — стиснутые зубы: сопротивляясь боли, претерпевая ее, мы обнаруживаем пропасть, разрыв, отделяющий нас от всего остального. Вот как об этом говорит Сиоран: «Страдать означает быть от начала до конца собой, находиться в состоянии неслиянности с миром, ибо страдание — генератор дистанций; и когда оно терзает нас, мы ни с чем не идентифицируем себя, даже с ним; а это значит, что сознавая собственное сознание, мы неустанно наблюдаем за собственным бодрствованием» [10, с. 46]. Применяя к этому случаю сократовское рассуждение о ценности измерительного знания, благодаря которому мудрый человек скорее выбирает страдания, ведущие к благу, нежели блага ведущие к страданию («Протагор» Платона), можно сказать, что сиорановское страдание есть

мера совпадения человека с самим собой в акте существования. И в этом отношении оно может быть приравнено наслаждению, которое, согласно учению античных киренаиков, тоже служит самоощущению человека. «Гедонистическая доктрина Аристиппа (и в его лице киренаиков), является, по нашему мнению, весьма оригинальной философской позицией (увы, не устоявшей в полемике с эпикуреизмом), согласно которой наслаждение может быть истолковано как экзистенциальная форма человеческого существования, в которой собирается воедино все человеческое существо, своего рода точка сборки самого себя» [1, с. 12].

Возвращаясь к кинематографу 1980—1990-х, можно заметить, что состояние тревоги, характерное для западной культуры этого времени и вызванное вполне объективными историческими причинами, снимается для зрителя посредством четырех перечисленных нами моделей, чаще всего в их комбинации.

Первая группа фильмов использует «аркадную» модель, которая позволяет изжить тревогу в аффектах физического действия, в активном телесном преодолении страха перед бытием-в-мире (М. Хайдеггер). При этом, соответственно, и сама тревога принимает вид физиологического ужаса перед угрозой телесного уничтожения. Тем более впечатляющим становится финальная победа героя/героини над монстром. Наиболее интенсивно эта модель используется в популярных для 1980—1990-х жанрах хоррора, слэшера, эротического триллера: «Пятница, 13-е» (1980) Ш. Каннингема, «Кошмар на улице Вязов» (1984) и «Крик» (1996) У. Крейвена, ставшие началом успешных франшиз; «Роковое влечение» (1987) Э. Лайна, «Основной инстинкт» (1992) П. Верховена, «Автокатастрофа» (1996) Д. Кроненберга.

Второй тип фильмов этого времени использует комбинацию «алиментарной», «паркурной» и «детективной» моделей, поскольку ставит своей целью минимизировать тревогу современника-зрителя, микшировать ее, пользуясь мифологемами массового искусства (в том числе рекламными визуальными образами, ориентированными на потребителя), апеллируя к культурными традициям, к извечному ходу вещей, в сравнении с которым актуальные тревоги эпохи — всего лишь временное, переходящее волнение. Такая комбинация моделей заложена в комедиях и мелодрамах, использующих фольклорные и сказочные конструкции: «Красотка» (1990) Г. Маршалла, «Привидение» (1990) Д. Цукера, «Тутси»

(1982) С. Поллака, «Один дома» (1990) К. Коламбуса. Но особенно эффективна она в драматических фильмах действия, где угроза нешуточна и приобретает масштаб катастрофы вплоть до глобальной. Ответом на эту угрозу становится образ Спасителя, ангела-хранителя, супергероя с нечеловеческими способностями («Флэш Гордон» (1980) М. Ходжеса, «Терминатор» (1984) Дж. Кэмерона, «Бэтмен» (1989) Т. Бёртона) или просто цельного, неререфлексирующего героя, спасающего мир из самых близких побуждений профессионального долга или защиты близких, как в «Крепком орешке» (1988) Д. Мактирнана или в фильмах со Стивеном Сигалом.

И наконец, третья группа фильмов 1980—1990-х основана на философском принятии тревоги во всем диапазоне ее модусов (дискомфорт, страх, ужас, боль) как необходимого условия экзистенциального акта-существования. В таких фильмах доминирует экзистенциальная модель. Этот выбор, безусловно, характерен для авторского философского кино: «Положение вещей» и «Хэммет» (1982) В. Вендерса, «Более странно, чем в раю» и «Отпуск без конца» (1984) Д. Жармуша, «В белом городе» (1984) А. Таннера, «Ностальгия» (1986) А. Тарковского, «Дни затмения» (1988) А. Сокурова. Но в несколько ином, романтическом модусе, рассчитанном на широкого зрителя, охотно идентифицирующего себя со страдающим героем-одиночкой, она работает и в жанровых фильмах этого времени: «Бегущий по лезвию» (1982) и «Тельма и Луиза» (1991) Р. Скотта, «Молчание ягнят» (1991) Д. Демми, «Дракула» Брэма Стокера (1991) Ф. Ф. Копполы, «12 обезьян» (1995) Т. Гиллиама.

Переходя к конкретной реальности кинопроцесса, надо отметить, что тот или иной фильм или серия фильмов чаще всего сочетают две или даже три базовые модели. Так, например, серия фильмов «Пуаро Агаты Кристи», особенно начиная с сезона 2003 г., использует «детективную» и «алиментарную» модель, причем первая является номинальной, декларированной как ответственность литературному первоисточнику, а вторая — собственно порождающей для всей материи фильма, что делает фильмы этой серии по большей части комфортабельными, уютными, доставляющими чувственное удовольствие от созерцания комфортных интерьеров, гастрономических и вестиментарных «деликатесов», туристических красот. Точно так же «детективная» модель британского сериала «Шерлок», заявленная авторами в силу традиции, в первых

двух сезонах сериала несколько ослаблена, поскольку в качестве порождающей в ней действует еще и «паркурная» модель, реализованная в пластическом динамизме кадра, в «скользящем» монтаже, затрудняющем «считывание» кадра для неопытного зрителя, и, что немаловажно, в специфической «хореографии» актерского исполнения (Б. Камбербетч, Э. Скотт)...

Здесь необходимо, заметить, что понятие «онтологическая модель фильма» не покрывается содержательным объемом понятия «жанр фильма». Говоря «модель» мы всего лишь имеем в виду формулу ответа на порождающую интенцию времени. Жанровые конструкции и телесное облачение фильма, включая кастинг и художественное решение, — это всего лишь драматургические (сюжетно-фабульные) и пластические вариации «ответа». Поэтому, например, мы различаем два первые фильма «бэтменианы», созданные Т. Бёртоном в одном и том же жанре фильма-комикса, согласно различию их порождающих моделей. «Бэтмэн» 1989 г., безусловно, сделан по мифологической модели трансцендентного спасения, поэтому алиментарные, паркурные и аркадные конструкции здесь определяют стиль. Фильм 1992 г. базируется в основном на экзистенциальной модели, хотя и разработанной в популярно-романтическом ключе. Иначе говоря, мы допускаем строение фильма одновременно по нескольким моделям, одна из которых является доминирующей, определяющей, а прочие способствуют глубине и сложности ее реализации в фильме. Это особенно характерно для так называемых авторских фильмов с оригинальной художественной и философской концепцией, но и коммерческое кино нередко пользуется сразу несколькими гедонистическими моделями для достижения максимального успеха.

Изучение модельной основы современного кинематографа начала XXI в. дает возможность сделать предварительные заключения о ценностных доминантах современного общества, взятых в динамике. Важно заметить, что ценность «экзистенциальной» модели в эти два десятилетия не отменяется. Во всяком случае, фильмы, построенные на ее основе, привлекают внимание общественности и становятся даже объектами зрительского культа, как, например, фильмы Д. Вильнёва «Прибытие» (2016), «Бегущий по лезвию 2049» (2017) или сериал «Сказки из Петли» («Tales from the Loop», 2020), созданный по мотивам дистопических книг С. Столенхага.

Таким образом, проведенный нами философский анализ современного кинематографа показал, что базовой интенцией современной эпохи является интенция наслаждения и удовольствия, что позволяет нам определить онтологию современного кино как гедонистическую. Кино как культурный феномен само по себе имеет гедонистическую природу, поскольку изначально является зрелищным искусством, связанным с удовольствием и наслаждением. Кинематограф 2010—2020-х гг. доставляет зрителю следующие виды удовольствий: удовольствие от тотального присутствия телесности мира и человека, удовольствие телесной свободы в движении, удовольствие покоя, познавательное наслаждение, удовольствие от преодоления препятствий и трудностей. На основании указанных видов удовольствий нами была разработана и описана гедонистически-онтологическая типология кинематографических моделей, включающая в себя алиментарную, паркурную, аркадную, детективную, экзистенциальную порождающие кинематографические модели. Порождающие модели фильма — это всего лишь схема, позволяющая следить за процессами, определяющими духовную жизнь эпохи, замечать, отслеживать, анализировать и оценивать наиболее важные ее проявления. Классификация этих моделей, с одной стороны, позволяет систематизировать массу произведений киноискусства на основаниях более существенных, нежели жанрово-тематические, учитывая доминирующие духовные интенции эпохи и варианты ответов на вызов времени. С другой стороны, она позволяет наблюдать за изменениями в состоянии социальной «души», сменой ее желаний и намерений, приоритетов и убеждений. Успех того или иного фильма может свидетельствовать о востребованности моделей, его порождающих, и в таком случае стать достаточно точным и глубоким философским диагнозом времени.

1. Алымова Е. В., Караваева С. В. Аристипп из Кирены: феноменология наслаждения // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2019. № 1. С. 7—15.

2. Барт Р. К психосоциологии современного питания // Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 366—377.

3. Василенко Ю. В. «Системный гедонизм» как этическое учение // Философская мысль. 2019. № 12. С. 28—28.

4. Деменев А. Г. Эвдемонические и гедонистические теории в современных исследованиях счастья // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2020.

№ 4. С. 15—23. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2016/04/2016-04-02.pdf> (дата обращения: 13.04.2020).

5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.

6. Дядык Н. Г., Конфедерат О. В. Концептуальный фильм как форма философствования (экзистенциальная проблематика фильмов В. Вендерса) // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 95—106.

7. Камю А. Миф о Сизифе / пер. с фр. А. М. Руткевича // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. С. 90—92.

8. Кузьменков В. А. Аномия и гедонизм: поиск взаимосвязи // Манускрипт. Т. 13. Вып. 2. Тамбов: Грамота, 2020. С. 142—145. URL: www.gramota.net/materials/9/2020/2/25.html (дата обращения: 15.03.2020).

9. Левинас Э. Избранное: трудная свобода: пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 752 с.

10. Лехциер В. Л. Боль и переходность: набросок экзистенциальной альгодицеи // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 41—49.

11. Лотман Ю. М. К проблеме типологии текстов // Статьи и семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект. 2002. С. 17—23.

12. Мерло-Понти М. Кино и новая психология / пер. М. Ямпольского // Sens et non-sens. Paris: Nagel, 1948. P. 97—122.

13. Никольский Б. М. Эпикур о наслаждении: проблема кинетического и статического наслаждения // Цицерон. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков. М.: РГУ. 2000. С. 424—425.

14. Нуреев Р. М. Западный мир на пути к постиндустриальному обществу // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4. С. 120—142.

15. Орешин В. П., Халиков М. С. Системный кризис глобализирующегося капитализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 105—123.

16. Рассадина С. А. Герменевтика удовольствия: наслаждение вкусом. СПб.: Петрополис, 2010. 254 с.

17. Kron A., Pilkiw M., Goldstein A., Lee D.H., Gardhouse K., Anderson A.K. Spending one's time: the hedonic principle in ad libitum viewing of pictures // Emotion. 2014. № 14 (6). P. 1087—1091.

18. Taquet M., Quoidbach J., de Montjoye Y.-A., Desselles M., Grossg J.J. Hedonism and the choice of everyday activities // PNAS (Proceeding of the National Academy of the United States of America). 2016. № 113(35). P. 9769—9773.

19. Veenhoven R. 'Hedonic' and 'Eudaimonic' Happiness: Which qualifies best as a moral guide. Erasmus University Rotterdam, 2020. URL [https://www.eur.nl/ehero/media/2020-01-hedoniceu-](https://www.eur.nl/ehero/media/2020-01-hedoniceu)

[daimonichappiness-liontievbook2020-2](https://www.eur.nl/ehero/media/2020-01-hedoniceu-daimonichappiness-liontievbook2020-2) (дата обращения: 16.04.2020).

20. Walton S. Cinema's Baroque Flesh: Film, Phenomenology and the Art of Entanglement. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. P. 284. URL <http://en.aup.nl/books/9789089649515-cinema-s-baroque-flesh.html> (дата обращения: 03.05.2020).

References

1. Alymova E. V., Karavaeva S. V. (2019) *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, no. 1, pp. 7—15. [in Rus].
2. Bart R. (2003) *K psihosociologii sovremennogo pitanija*. Moscow [in Rus].
3. Vasilenko Yu.V. (2019) *Filosofskaja mysl'*, no. 12, pp. 28—38 [in Rus].
4. Demenev A.G. (2020) *Vestnik VGU*, no. 4, pp. 15—23 [in Rus].
5. Diogen Lajertskij (1979) *O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov*. Moscow [in Rus].
6. Djadyk N.G., Konfederat O.V. (2019) *Socium i vlast'*, no. 3 (77), pp. 95—106 [in Rus].
7. Kamju A. (1990) *Mif o Sizife* // *Filosofija. Politika. Iskusstvo*. Moscow [in Rus].
8. Kuz'menkov V.A. (2020) *Manuskript*, vol. 13 (2), pp. 142—145 [in Rus].
9. Levinas E. (2004) *Izbrannoe: Trudnaja svoboda*. Moscow [in Rus].
10. Lehcier V.L. (2007) *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 41—49 [in Rus].
11. Lotman Yu.M. (2020) *K probleme tipologii tekstov* // *Stat'i i semiotike kul'tury i iskusstva*. Moscow, pp. 17—23 [in Rus].
12. Merlo-Ponti M. (2000) *Kino i novaja psihologija*. Moscow [in Rus].
13. Nikol'skij B.M. (2000) *Epikur o naslazhdenii: problema kineticheskogo i staticeskogo naslazhdenija* // *Ciceron. O predelah dobra i zla. Paradoksy stoikov*. Moscow, pp. 424—425 [in Rus].
14. Nureev R.M. (2013) *Terra Economicus*, no. 4, pp. 120—142 [in Rus].
15. Oreshin V.P., Halikov M.S. (2010) *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 3, pp. 105—123 [in Rus].
16. Rassadina S.A. (2010) *Germevtika udovol'stvija: naslazhdenie vkusom*. St. Peterburg [in Rus].
17. Kron A., Pilkiw M., Goldstein A., Lee D.H., Gardhouse K., Anderson A.K. (2014). *Emotion*, no. 14 (6), pp. 1087—1091 [in Rus].
18. Taquet M., Quoidbach J., de Montjoye Y.-A., Desselles M., Grossg J.J. (2016) *PNAS (Proceeding of the National Academy of the United States of America)*, no. 113 (35), pp. 9769—9773. [in Eng].
19. Veenhoven R. (2020) 'Hedonic' and 'Eudaimonic' Happiness: which qualifies best as a moral guide. Erasmus University Rotterdam [in Eng].
20. Walton S. (2016) *Cinema's Baroque Flesh: film, Phenomenology and the Art of Entanglement*. Amsterdam, Amsterdam University Press, p. 284 [in Eng].

For citing: Konfederat O.V., Dyadyk N.G.
Hedonistic ontology of the film:
generative models //
Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 74—84.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-74-84.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-74-84

UDC 130.2; 175

HEDONISTIC ONTOLOGY OF THE FILM: GENERATIVE MODELS

Olga V. Konfederat,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Russia's and Foreign Countries'History,
Cand.Sc. (Cultural Studies), Associate Professor.
The Russian Federation, 454129,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyev Kashirinykh, 129.
E-mail: olga.confederat@yandex.ru

Natalia G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Abstract

Introduction. Observing the production and consumer area of modern cinematography makes it possible to draw conclusions about the value dominants of modern society, to conduct its socio-cultural analysis. Cinema, both auteur and mass, is a way of reflecting and modeling the society spiritual state and its analysis makes it possible to draw quite serious and justified philosophical and social conclusions. The film in a philosophical sense is ontologized by the dominant intention of the era. Such a dominant intention of modernity is hedonism.

Pleasure, enjoyment, happiness, according to the humanities, is the basic values of the 21st century society. Cinema is the most comprehensive reaction to the needs of hedonism, since hedonistic prerequisites are to some degree laid down in its technical (movement, photographic phenomenology) and social nature (art and entertainment). In this regard, it seems relevant to conduct a philosophical analysis of the ontological level of modern cinema.

The aim of the study is to conduct a philosophical analysis of the ontological level of modern cinema; identify ontological models, variations and combinations of which provide its artistic diversity.

Methods: the authors use the general scientific methods of analysis and synthesis, the phenomenological method, since they identify the sensory intentions that underlie modern cinema. The authors also use the hermeneutic method, since they reveal the hidden meanings of the film, determined by the time and conditions of its creation, as well as the semiotic approach, which makes it possible to analyze the structural-semiotic whole of the film.

The scientific novelty of the study lies in the fact that the authors analyze films from philosophical aspects, and not just cultural studies, as is customary. In modern cinema, the authors look for a reflection of the "social soul", identify those intentions that underlie modern cinema, both auteur and mass. This makes it possible to deduce a typology of film models that have not previously been applied to the analysis of the film process.

Results. During the analysis, the authors developed a hedonistic-ontological typology of cinematic models, identified five generative models of cinema, four of which have a hedonistic orientation: an alimentary model that pleases the recipient by intensively stimulating his perceptual sphere; a parkour model that gives pleasure to light and unhindered movement, minimizing the severity and resistance of the environment; an arcade model that provides the viewer the pleasure of victory through virtual immersion in the ups and downs of the "action film"; a detective model that gives the viewer pleasure through the removal of cognitive uncertainty.

The fifth model, tentatively called existential, should lead the viewer into a complex philosophical state of being-with-self-self, an experience of one's own fulfillment, associated with the experience of suffering. However, due to the hedonistic orientations of modern culture, this model is not relevant in the first decades of the 21st century.

Conclusions. Philosophical analysis of modern cinema has revealed that at the ontological level it is based on the philosophy of hedonism. Modern cinema delivers the following types of pleasures to the recipient: enjoyment of the flesh of the world, enjoyment of bodily freedom in motion, enjoyment of peace, cognitive enjoyment.

Key concepts:
hedonism,
intention,
kinetic pleasure,
static pleasure,
ontological model of the film.

Для цитирования: Борисов С. В. «Детские вопросы» и «взрослые ответы»: экзистенциальный психоанализ (размышление по поводу книги: Эпштейн М. Н. Детские вопросы: диалоги. М. : ArsisBooks, 2020. 176 с.) // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 85—90. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90

удк 1(091) + 101.1 + 101.9

**«ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ»
И «ВЗРОСЛЫЕ ОТВЕТЫ»:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ
ПСИХОАНАЛИЗ
(размышление по поводу
книги: Эпштейн М. Н.
Детские вопросы: диалоги.
М. : ArsisBooks, 2020. 176 с.)¹**

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский
университет),
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой философские размышления автора, вызванные книгой М. Н. Эпштейна «Детские вопросы: диалоги» (М., 2020). В книге представлено более 300 детских вопросов, охватывающих самые разные грани бытия: от мироздания в целом до психологических, нравственных, социальных, эстетических проблем. Замысел книги — вовлечь детей и взрослых в общий разговор о самых важных явлениях мироздания. Автор статьи вплетает материал книги в канву экзистенциального постижения истины.

Ключевые понятия:
философия,
философствование,
экзистенциализм,
общение,
понимание,
диалог.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева в рамках темы «Проблема субъектности в условиях современного общества и общества будущего: теоретические основания и проективные модели» (договор № 16-272 от 01.06.2020 г.).

Вопрос: Кто я? (мальчик, 12 лет)

Ответ: Это тебе самому предстоит решать. Для этого дается долгая жизнь, и отвечать придется со всеми подробностями.

М. Эпштейн

Рецензируемая книга известного филолога, философа, культуролога и эссеиста Михаила Эпштейна возникла благодаря телепередаче «Детские не детские вопросы», которую ведет израильский художник и журналист Дмитрий Брикман. Он приглашает в свою студию людей, как правило, творческих профессий и задает им наивные детские вопросы, которые поначалу сбивают с толку, а потом наводят на самые неожиданные размышления. Автор книги тоже оказался участником данных встреч и, вдохновленный часовой беседой, получил от ведущего все 700 «детских вопросов», которые накопились за время передач. Отобрав из них примерно половину, дополнив их вопросами из книги М. Дымова «Дети пишут Богу» (Рига : Вайделоте, 1997), разбив их по темам, автор дал на каждый из этих вопросов свой «взрослый» ответ. Таким образом, в книге представлено более 300 детских вопросов, охватывающих самые разные грани бытия: от мироздания в целом до психологических, нравственных, социальных, эстетических проблем. Замысел книги — вовлечь детей и взрослых в общий разговор о самых важных явлениях мироздания. «Конечно, — пишет автор, — многие вопросы допускают самые разные толкования, а некоторые и вообще относятся к разряду вечных и неразрешимых. Но мне думается, что, если какие-то вопросы возникли в сознании ребенка, на них лучше отвечать, пусть неполно и даже неточно, хотя бы только для того, чтобы вызвать несогласие, пробудить встречную мысль, обозначить тему возможного диалога...» [5, с. 9].

В этом мне видится главное проявление философской практики — диалогизм и антидогматизм. Академическая философия до сих пор не может выработать иммунитет к догме, господствующей в ущерб Логосу. Прилежно исполняя роль «служанки» сначала богословия, а потом науки, философия невольно жертвовала своей критической функцией в угоду функции методологической или же идеологической. В философию и философствование стал проникать яд самоуспокоенности, всезнайства, самолюбования и самодостаточности. Сциентизм, давно заразивший философию, превратил ее в «знание ради знания»,

заставил ее пренебрежительно отвернуться от «наивно» философствующего субъекта. Особенно глубоко эта болезнь проникла в философию «школьную». Преподавание философии стало напоминать некий загадочный ритуал, лишенный какой-либо связи с тем, что происходит в реальной жизни людей, которые участвуют в этом ритуале. В этих условиях насущной проблемой стало возвращение к «истокам» философствования, как их определял и характеризовал К. Ясперс: удивлению, сомнению, рефлексии по поводу «пограничных ситуаций» [6, с. 230]. Только в момент этого «вновь-возвращения» философия становится для человека действительно актуальным, жизненно важным делом, только тогда человек начинает понимать, что без философствования нет и его самого. Каждый человек — философ, но проблема в том, что он не знает и не ценит этого, потому что зачастую за философию принимает тот «школьный» суррогат, которым его потчевали в годы юности.

Нужно освободить философствование от догматизма. Для этого нужно сделать философию максимально открытой, а типологию философствования максимально разнообразной. Только тогда в ней найдется место, например, для... *наивного философствования*. Я считаю, что это на первый взгляд странное понятие лучше всего обозначает ту специфическую форму философствования, которая связана с осмыслением экзистенциальных вопросов-состояний человека в мире, т. е. всего того, что непосредственно происходит с ним лично. Возможно ли в таком случае «наивное философствование» как дискурс? Конечно. Это тот спонтанный процесс мыслительной деятельности, основанный на обыденно-практическом знании, в который погружен каждый человек. Просто не всегда человек способен занять рефлексивную позицию по отношению к этому процессу или воспользоваться им с целью самопознания. Ведь именно здесь и коренится философствование. Понятно, что это не есть философствование в его «школьном» значении.

Книга М. Эпштейна — замечательный ответ всем скептикам. Хотя, как заметил М. Хайдеггер, скептика нельзя опровергнуть, как и нельзя «доказать» существование истины. Скептик уже своей скептической позицией «всезнайства» и отстраненности отрицает онтологическую истину, т. е. воспринимает истину исключительно гносеологически. Поэтому тут и опровергать нечего, если разговор ведется на разных философ-

ских языках. Находясь в своем «языковом коконе», скептик, по словам М. Хайдеггера, «гасит в отчаянности самоубийства присутствие, а вместе с ним истину» [4, с. 229]. Экзистенциальная (онтологическая) истина не нуждается в доказательстве, она просто есть, она присутствует. А если ты присутствуешь, то ты не можешь усомниться в этом присутствии (сомневаться могут другие, но ты-то для себя не другой, ты «свой собственный»), тебе и не нужно ничего доказывать. Просто принимай меня, какой я есть, или не принимай, если тебе так хочется, но ты не можешь меня игнорировать. Любой спор или «доказательство» это уже игнорирование моего присутствия, моего свидетельства (истины) о бытии. Поэтому как нет «вечных истин», которые можно доказать, так и нет «настоящих скептиков», которые якобы в состоянии опровергать истины.

Здесь и далее по тексту статьи я позволю себе приводить небольшие цитаты из рецензируемой книги, чтобы читатель оценил неповторимый стиль диалога ребенка и взрослого в процессе совместного философствования.

«Вопрос: Когда сказку читают — она правда? (девочка, 8 лет)

Ответ: В твоём сердце она становится правдой, а было ли так на самом деле, уже не имеет значения» [5, с. 76].

Обращение к детству не случайно, ведь именно там источник утраченной наивности. Детские вопросы о мире и о себе рождаются спонтанно как моменты мышления-присутствия, «разомкнутости бытия», когда обнаруживается экзистенциальная истина. По словам М. Хайдеггера, «разомкнутость есть сущностный способ бытия присутствия, а истина “имеется” лишь поскольку и пока есть присутствие» [4, с. 230]. Я, подобно любопытному Буратино, протыкаю (размыкаю) сущее (холст с изображением очага) носом своего присутствия. За холстом — таинственная дверь — «страшная тайна» истины, обнаруженная моей экзистенцией здесь и сейчас. У меня еще нет понятия о том, в чем суть этой «страшной тайны», я не знаю, почему эта дверь была сокрыта, но я ее обнаружил, это факт! Так фактом своего обнаружения бытие предстало передо мной в своей несокрытости, теперь мне нужно подобрать к этой таинственной двери «ключики» моих мыслительных операций, пока не найдется тот «золотой ключик», с помощью которого я и совершу «открытие» этой «страшной тайны». Ребенок как мыслитель, вопрошая, подбирает ключи к тайне бытия.

Вопрошание — это пребывание подле не-сокрытости.

«Вопрос: Почему у родителей нет покоя? (девочка, 9 лет)

Ответ: Тебе хочется все время бегать, прыгать, играть, ну и они делают то же самое, но иначе, не ногами-руками, а сердцем и головой: заботами, тревогами, волнениями» [5, с. 19].

Бытие истины стоит в исходной взаимосвязи с присутствием. Просто дети и взрослые присутствуют по-разному. Ребенок понимает (размыкает) бытие через освоение мира. Взрослый — через присвоение. Однако бытие «имеется» лишь поскольку есть истина, а истина есть присутствие, следовательно, бытие и истина «существуют» равноисходно. Ребенок присутствует непосредственно, ему легче в интеллектуальном плане, но труднее в эмоциональном, потому что истина открывается ему за пределами себя, экзистенциально. Взрослый присутствует опосредованно, ему труднее в интеллектуальном плане, но легче в эмоциональном в силу того, что эмоции подавлены и вытеснены интеллектом, и он присутствует в мире главным образом своими мыслями, заборами, тревогами, т. е. внутри себя.

«Вопрос: А нельзя не родиться? (девочка, 8 лет)

Ответ: Конечно, можно, нерожденных гораздо больше, чем рожденных. Но если уж родился, делать нечего, обратного хода нет. Полный вперед!» [5, с. 34].

Бытие, согласно П. Тиллиху, «охватывает как само себя, так и небытие» [3, гл. II]. Внутри бытия присутствует и небытие, которое везде обнаруживает свои пустоты, воронки, тупики и «повороты не туда», куда на протяжении всей своей жизни человек проваливается, засасывается, попадает и сворачивает. Небытие требует от человека мужества для своего преодоления. Бытие — это не широкое поле, светлое небо и радужный горизонт, как правило, это весьма загадочное и таинственное место, где много запутанных и извилистых троп, дремучих лесов и странных непонятных знаков. Чтобы идти по этой местности требуется не только мужество (чтобы «выкарабкаться» из ловушек небытия), необходимо проявлять творчество (чтобы проложить свой собственный путь). Утверждение бытия есть самоутверждение, в этом источник «мужества быть» (П. Тиллих).

«Вопрос: Как мне избежать своей смерти? (мальчик, 14 лет)

Ответ: Самое страшное, когда люди умирают еще при жизни. Живые мертвецы перестают меняться, вбирать в себя новое и сопротивляются любым переменам. Они только повторяют старое, известное. Они как засохшие деревья без листвы. Такое бывает даже с детьми, если они ведут себя как маленькие старички. Самое главное — избежать смерти, пока еще жив» [5, с. 40].

Сущность истины есть свобода (М. Хайдеггер). Свобода может быть основой истины, только если понимать ее как сущность, которая укоренена в бытии. Для ребенка свобода — это естественная и очевидная открытость и доступность мира. Весь мир существует только для меня! Это не эгоизм, это исходная точка Я, другой не бывает. Свобода — это загадочный серебристый единорог, появляющийся на опушке леса бытия, освещенный лунным светом и влекущий за собой, «белесый зверь с глазами, как у лани украденной, и полными тоски» (Р. М. Рильке). Но его невозможно ни приручить, ни оседлать, да и встреча с ним для непосвященных может быть смертельно опасна. Это иллюзия полагать, что человек «обладает» свободой как неким свойством, наоборот, свобода как истина бытия владеет человеком изначально. Это иллюзия считать, что истина — это правильно выстроенная мысль или согласованное предложение «субъекта» об «объекте», нет, истина — это и «открытие» сущего, и «первооткрыватель» сущего в одном лице.

«Вопрос: Почему взрослые бывают такие злые? (девочка, 7 лет)

Ответ: Некоторые так заняты, что нет времени быть добрыми. Для доброты нужно время: посмотреть вокруг, услышать другого, помочь, поделиться. У детей больше свободного времени, поэтому им легче быть добрыми» [5, с. 22].

«Вопрос: Почему тут слишком любят Бога и забывают любить людей? (девочка, 10 лет)

Ответ: Когда Бога любят, а людей — нет, то это уже не любовь, а оправдание своего безлюбия» [5, с. 56].

Экзистенциальная тревога — спутник свободы. У экзистенциальной тревоги нет объекта. П. Тиллих выражает это при помощи парадокса: «объект тревоги представляет собой отрицание любого объекта» [3, гл. II]. Если нет объекта, то и не с кем бороться, а также нет возможности помочь. Человек, охваченный экзистенциальной тревогой, лишен всякой опоры и поддержки. Он дезориентирован внутренне, он также дезориентирует других. Это «помутнение»,

«помешательство», отсутствие привычного ориентира в жизни, отсутствии «интенциональности» (т. е. связи с осмысленными содержаниями знания или воли). В моей экзистенциальной тревоге нет объекта, на котором я бы мог сосредоточиться, чтобы мобилизовать свои силы. Жалким подобием «объекта» в этом состоянии является смутное ноющее ощущение «опасности», «угрозы», того, что «что-то в моей жизни не так». А что не так? Ничего. Вот именно — ничего, ничто. В этом суть экзистенциальной тревоги. Я тревожусь по поводу неизвестности, но неизвестности особого рода, поскольку в мире много неизвестного, что воспринимается с радостью и энтузиазмом, наподобие припевки «ужасно интересно, все то, что неизвестно». Однако иногда, когда накатывает экзистенциальная тревога, от этой припевки остается только «ужасно...» Неизвестное особого рода по самой своей природе не может стать известным, ведь это — небытие.

«Вопрос: Хотя мне кажется, что души у меня нет, но иногда она все-таки побаливает. Почему? (мальчик, 8 лет)

Ответ: Это и есть самый верный способ ощутить свою душу: когда она болит» [5, с. 96].

«Вопрос: Есть ли такая вещь, как судьба? (девочка, 15 лет)

Ответ: Есть, но ты об этом узнаешь не раньше, чем попробуешь ее изменить. Например, ты живешь в своей стране и всем доволен. А потом решаешь уехать, но никак не получается. То работа не пускает, то незнание языка, то родители или любимый человек, то страх перед заграницей. И тогда ты понимаешь, что эта страна для тебя не просто место проживания, а судьба. Судьба — то, что пытаешься изменить, но не можешь. Это необходимость, которая познается стремлением к свободе» [5, с. 62].

Экзистенциальная тревога, обретая объект, может превратиться в страх. Страх, по меткому замечанию С. Кьеркегора, — это «симпатическая антипатия и антипатическая симпатия» [1, с. 60]. Такой страх для детства (невинности) не воспринимается как вина, даже если взрослые стыдят тебя за проявление страха: «Этот мальчик просто трус, это очень плохо!» (В. Маяковский). Кроме того, этот страх не ложится на сердце своей утомительной тревожной тяжестью, ожиданием страдания, что тоже больше свойственно взрослым: «думай о плохом», «готовься к худшему», «жизнь не подарок», «слава Богу, обошлось, а могло быть и хуже» и т. д. Страх Буратино — это жадное стрем-

ление «везде совать свой нос», «влипать» в разные истории, пускаться в приключения и авантюры, стремиться разгадать «страшную тайну». Буратино не бежит от своего страха, он совсем не хочет его лишиться, наоборот, чем страшнее, тем интереснее. Страх опутывает ребенка своей сладкой привлекательностью.

«Вопрос: Ты можешь со мной побояться? (мальчик, 5 лет)

Ответ: Да. Когда двое боятся вместе, им уже почти не страшно» [5, с. 121].

«Вопрос: Ты боишься ошибиться? (девочка, 7 лет)

Ответ: Боюсь. Но есть ошибки маленькие, когда ты чего-то не знаешь, и большие, когда ты знаешь, как правильно, но ведешь себя неправильно. Большие ошибки труднее исправить, потому что недостаточно узнать что-то от других — нужно изменить себя самого» [5, с. 79 — 80].

Поскольку истина в своей сущности есть свобода, то человек может поддаться обманчивой иллюзии «погони за единорогами», которая обернется горьким разочарованием «упущенной» истины. Даже если единорог пойман, он не живет в неволе, он не делается ручным, он погибает. Так и с экзистенциальной истиной: если она не осуществлена, не присутствует, остается только видимость присутствия, кажимость, «новое платье короля» в сказке Г.-Х. Андерсена, что всегда разоблачает наивный возглас ребенка: «А король-то голый!»

«Вопрос: День — это много или мало времени? (мальчик, 5 лет)

Ответ: День — это много времени для того, кто делает что-то нужное, и мало времени для того, кто не делает ничего. Но ощущается это наоборот: для занятого человека день пролетает быстро, а для бездельника тянется медленно: он сам себя наказывает скукой» [5, с. 31].

Открытость сущего — это качество, которое дается целиком и сразу. Его нельзя свети к количественной сумме уже известных сущих. Там где много неизвестного и неясного, где леса и болота и не видно «просвета», там как раз гораздо больше шансов найти что-то уникальное, значимое, набрести на «земляничную поляну» бытия, усыпанную неожиданными и щедрыми дарами. Там же, где очевидность сущего предстает в виде знакомого и стандартного ландшафта «парка культуры и отдыха», где все привычно и общедоступно, там она мелькает до банальности. Как правило, все банальные «истины» «голые короли»-взрослые вещают

ребенку с очень серьезным выражением лица.

Миром взрослого правит «дух серьезности». Заставить нас отказаться от *духа серьезности* — в этом, по словам Ж.-П. Сартра, состоит главная цель «экзистенциального психоанализа» [2, с. 172]. Дух серьезности берет культурные ценности с подручных «полок» гипермаркета цивилизации и с натренированной ловкостью komponует из них «потребительские корзины» для удовлетворения тех или иных культурных потребностей. Все предельно объективировано и механизировано, все поставлено на поток. Человеческая субъективность, выраженная в желаниях (явных и неявных), в данных культурных гипермаркетах просто переносится на свойства «желаемого» объекта или сумму этих свойств. «Мальчик, ты что хочешь: машинку или ракету? Мальчик: Я хочу мечту... Мальчик, тебе кого хочется: ковбоя или робота? Мальчик: Я хочу друга...» Для духа серьезности, например, детям нужно ходить в школу, а взрослым на работу, потому что первым нужны знания, а вторым — деньги. Однако истинные желания человека (как ребенка, так и взрослого) влекут его в другом направлении. Результатом духа серьезности, который правит миром, оказывается то, что он ставит впереди желания средство для его достижения и именно это средство выдает за желаемое. Таким образом, через воспитательные практики в область морали вкрадывается «самообман». Такая лживая мораль даже немного стыдится самой себя; носить ей имя морали, как и носить «новое платье» королю, помогают только «наглость и хамство» — единственное спасение от экзистенциальной тревоги.

«Вопрос: О чем надо больше беспокоиться: сделать вещи правильно или сделать правильные вещи? (мальчик, 15 лет)

Ответ: Правильные вещи должны быть сделаны правильно — или никак. Если делать неправильно правильные вещи или делать правильно неправильные вещи, то это хуже, чем не делать ничего» [5, с. 73].

Вопрос: Есть ли совершенные люди в мире? (девочка, 15 лет)

Ответ: Совершенных нет, но есть те, кто искренне стремится к совершенству и страдает от своего несовершенства. Совершенный был бы неживым, остановился бы в своем развитии. А тот, кто требует от людей совершенства, — либо наивный идеалист, либо жестокий диктатор (порой это одно и то же) [5, с. 153].

Человек отыскивает бытие вслепую, не видя связи между этим поиском и тем свободным проектом, которым является он сам. Экзистенциальный психоанализ, по Ж.-П. Сартру, раскрывает человеку действительную цель его поиска, которым является бытие как синтетический сплав двух его модусов «в-себе» и «для-себя». Этот экзистенциальный психоанализ практиковали многие, используя его как средство своего освобождения и спасения, но лишь немногие поняли, что целью их поиска было открытие самого бытия.

«Вопрос: Давай договоримся, Господи: я верю в тебя, ты — в меня (девочка, 8 лет)

Ответ: Уже договорились. Тысячи лет назад. Сначала появился Ветхий Завет, потом Новый. Но все равно — для каждого существа нужен еще один, Личный Завет» [5, с. 57].

Сущность истины есть истина сущности (М. Хайдеггер). В этой загадочной фразе заключен главный смысл философской практики «экзистенциального психоанализа». Самая великая мудрость, которая может открыться человеку и в отношении этого не будет никого мудрее его, — мудрость самопознания.

«Вопрос: Почему я родился в это время? (мальчик, 9 лет)

Ответ: Мы нужны именно в то время, когда рождаемся. Но чтобы понять, почему именно в это время, нужно сначала прожить это время до конца — тогда станет ясно, почему» [5, с. 30].

С детских вопросов начинается «феноменология духа» каждого человека на пути к мудрости самопознания. Хочется пожелать, чтобы наша взрослость помогала нам находить достойный философский ответ на каждый детский вопрос.

1. Кьеркегор С. Понятие страха / пер. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М. : Академ. проект, 2014. 224 с.

2. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Заключение / пер. Т. М. Тузовой // Путь в философию : антология. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Унив. кн., 2001. С. 162—173.

3. Тиллих П. Мужество быть / пер. Т. И. Вевюрко // Избранное. М. : Юрист, 1995. С. 7—131.

4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.

5. Эпштейн М. Н. Детские вопросы: диалоги. М. : ArsIsBooks, 2020. 176 с.

6. Ясперс К. Введение в философию / пер. В. И. Кононова // Путь в философию : антология. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Унив. кн., 2001. С. 224—235.

References

1. K'erkegor S. (2014) Ponjatie straha. Moscow, Akademicheskij proekt, 224 p. [in Rus].
2. Sartr Zh.-P. (2001) Bytie i Nichto. Zakljuchenie // Put' v filosofiju. Moscow, PER Sje, St. Petersburg, Universitetskaja kniga, pp. 162—173 [in Rus].
3. Tillih P. (1995) Muzhestvo byt' // Izbrannoe. Moscow, Hurist, pp. 7—131 [in Rus].
4. Hajdegger M. (1997) Bytie i vremja. Moscow, Ad Marginem, 452 p. [in Rus].
5. Epshtejn M.N. (2020) Detskie voprosy: dialogi. Moscow, ArsisBooks, 176 p. [in Rus].
6. Yaspers K. (2001) Vvedenie v filosofiju // Put' v filosofiju. Moscow, PER Sje, St. Petersburg, Universitetskaja kniga, pp. 224—235 [in Rus].

For citing: Borisov S.V.

“Children’s questions” and “adult answers”: existential psychoanalysis (reflection on the book: Epstein M.N. Children’s questions: dialogues. Moscow, ArsisBooks Publishing House, 2020. 176 p.) // Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 85—90. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90

UDC 1(091) + 101.1 + 101.9

**“CHILDREN’S QUESTIONS”
AND “ADULT ANSWERS”:
EXISTENTIAL
PSYCHOANALYSIS
(reflection on the book:
Epstein M.N. Children’s
questions: dialogues.
Moscow, ArsisBooks
Publishing House, 2020.
176 p.)**

Sergey V. Borisov,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article is a philosophical reflection of the author, caused by M.N. Epstein’s book “Children’s Questions: Dialogues” (Moscow, 2020). The book presents more than 300 children’s questions, covering the most diverse facets of being: from the universe as a whole to psychological, moral, social, aesthetic problems. The idea of the book is to engage children and adults in a general conversation about the most important phenomena of the universe. The author of the article weaves the material of the book into the outline of existential comprehension of truth.

Key concepts:

philosophy,
philosophizing,
existentialism,
communication,
understanding,
dialogue.

ICPP 2020 St. Petersburg

Международная онлайн-конференция по философской практике стартует в июле 2020 года

Проект онлайн-конференции по философской практике, подготовленный профессором кафедры философии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, доктором философских наук Сергеем Борисовым, получил финансовую поддержку в виде гранта РФФИ по конкурсу «Лучшие проекты организации онлайн-конференций, проводимых во втором полугодии 2020 года».

С. В. Борисов посвятил себя практической философии с 2014 года, когда стал участником 13-й международной конференции по философской практике, которая проходила в Сербии. С тех пор по его инициативе вокруг это направления современной философии собрался круг единомышленников, что стало базой для настоящей научной школы. С 2017 по 2019 год исследовательский проект научной школы получил поддержку в виде гранта РФФИ, было проведено масштабное компаративистское исследование направлений философской практики. В 2018 году представители научной школы С.В. Борисова приняли участие в 15-й международной конференции по философской практике в Мексике, где большинством голосов участников конференции было принято решение предоставить право молодой развивающейся российской школе провести следующую международную конференцию 2020 года в России. За всю историю проведения подобных конференций начиная с 1994 года Россия впервые была удостоена такой чести.

Ситуация с пандемией внесла существенные коррективы в подготовку к конференции, однако режим самоизоляции помог освоить и раскрыть потенциал дистанционных технологий. В результате организационный комитет конференции принял решение провести 16-ю Международную конференцию по философской практике в мини-варианте в дистанционном формате.

«Сразу уточню, что “большая” конференция все-таки состоится, но она перенесена на следующий год, а в онлайн-формате мы проводим мини-конференцию. Философская практика требует постоянного общения по обмену опытом, апробации тех или иных методик, постоянного консультирования с коллегами. В условиях самоизоляции возникли объективные препятствия для привычного непосредственного общения, однако в этих условиях стал популярен новый формат — индивидуальной или групповой онлайн-работы. С развитием современных средств коммуникации ничего не мешает собраться всем заинтересованным лицам в виртуальном пространстве и обсудить накопившиеся проблемы, поделиться новыми наработками. Кроме того, онлайн-общение, свободное от каких-либо географических границ, открывает доступ к общению всем, кто по тем или иным причинам, не может прибыть в Россию. Теперь они без труда смогут стать участниками онлайн-встреч, например, это касается участников из отдаленных от России стран — Латинской Америки, Индии, США.

Данная конференция решает сразу две задачи: во-первых, дает возможность виртуальной встречи после долгого перерыва, во-вторых, позволяет увидеть на деле, как можно использовать дистанционный формат в философской практике, понять, что нового открыла данная работа за период вынужденной “географической” изоляции», — поделился своими планами Сергей Борисов.

Заведующий кафедрой философии Южно-Уральского государственного университета, кандидат философских наук Елена Гредновская подчеркивает, что направление «Философская практика», избранное четыре года назад в качестве стратегического направления кафедры, успешно прошла проверку временем и верификацию в научном сообществе. Ресурс этого направления несомненен, очевиден и эффективен, и в ряду его достижений предстоящая конференция в режиме самоизоляции является ключевым событием, выражающим само предназначение философии.

«Сейчас, как и всегда, необходимо укреплять сложившиеся международные связи и сотрудничество в области стратегического научного направления кафедры «Философская практика в науке и образовании», — считает Е. В. Гредновская

16-я международная онлайн-конференция по философской практике (ICPP) «Философская практика: самопознание посредством интеллектуального творчества» будет проходить на доступной для всех участников платформе Google, в Google Meet и YouTube. В настоящее время формируется программа мини-конференции. С 28 по 31 июля 2020 года каждый день оргкомитет планирует проводить одну панельную дискуссию, несколько открытых лекций и воркшопов. На конференцию уже зарегистрировалось более 140 человек из разных стран мира.

Стратегическая цель конференции состоит в том, чтобы философы-практики со всего мира обменялись опытом работы посредством серии сессий, которые покажут общественности, что такое философская практика, каковы цели, принципы и методы работы ее основных направлений, какой потенциал интеллектуального творчества заложен в ней и как философская практика соотносится и взаимодействует с академической философией, раскрывая тем самым мощный интеллектуальный, духовный и мировоззренческий ресурс философии.

Организационный комитет конференции, в который входят представители кафедры философии Южно-Уральского государственного университета, Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), представители пяти международных ассоциаций философской практики приняли решение перенести очную конференцию на 27—30 июля 2021 года. Она пройдет в Санкт-Петербурге. Регистрация на конференцию продлевается до 31 января 2021 года. Все подробности на сайте конференции: <https://www.icpp2020.ru>

Екатерина Миляева,

*старший преподаватель кафедры философии
Института медиа и социально-гуманитарных наук
Южно-Уральского государственного университета.*

Требования к оформлению статей и сообщений, представленных в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакции.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with ГОСТ 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal .
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

